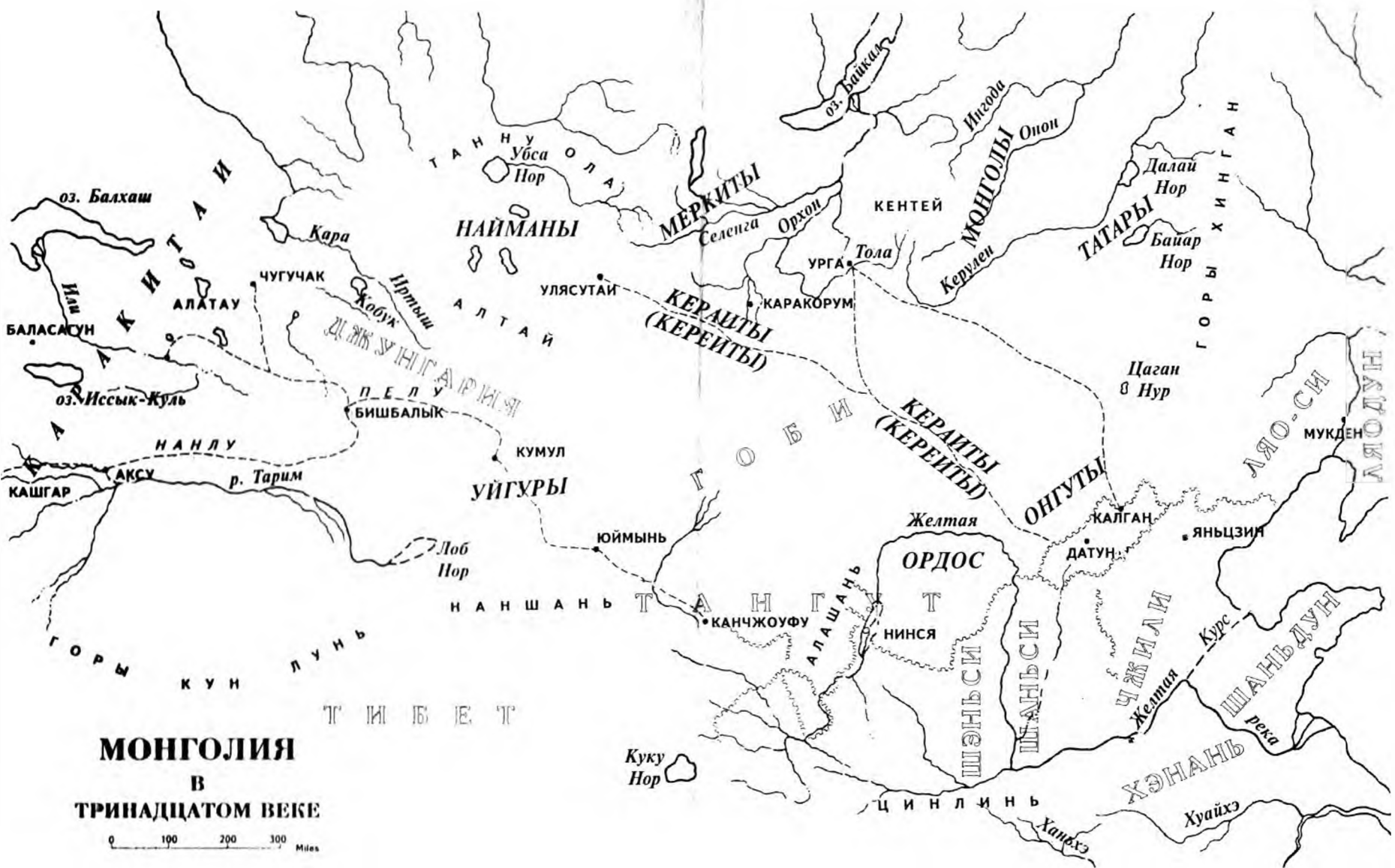


СЛЕД В ИСТОРИИ

ЧИНГИЗ-ХАН



С. С. УОЛКЕР



МОНГОЛИЯ
В
ТРИНАДЦАТОМ ВЕКЕ

0 100 200 300 Miles

С. С. УОЛКЕР

ЧИНГИЗ-ХАН

Ростов-на-Дону

«Феникс»

1998

ББК 63.3(03)
У 87

Уолкер С. С.

У 87 Чингиз-хан / Пер. с англ. и предисловие А. И. Глебова-Богомолова. Ростов н/Д.: «Феникс», 1998. — 320 с.

В монографии рассказывается о выдающемся монгольском правителе и полководце — Чингиз-хане. Книга охватывает все периоды его жизни. Автор подробно анализирует ход военных походов, боевое искусство и причины побед монголов. Особое внимание уделяется анализу хронологии излагаемых событий.

Книга иллюстрирована рисунками и картами. Издание рассчитано на самые широкие круги читателей.

ББК 63.3(03)

ISBN 5-222-00267-5

© Уолкер С. С.

© Перевод Глебова-Богомолова А. И.,
1998

© Изд-во «Феникс», 1998



Предисловие

Пожалуй, не найдется человека, не знакомого с именем Чингиз-хана, а среди знающих историю ни одного, кто бы не изумлялся величию его деяний, оказавших огромное влияние на историю Азии и Европы. Необыкновенная, притягательная, страшная, незабываемая в поколениях людей личность, которой завидовали и у которой учились потомки. Даже великий хромец Тимур возводил свой род к Чингиз-хану, стремясь связать историю своей семьи с историей жизни великого завоевателя.

Человек, носивший имя Темучин, прежде чем стать Чингиз-ханом, родился в 1155 году и происходил из рода Борджигин племени тайчжиутов. Его отец Йессугай-багатур (багатур, баатур — один из титулов монгольской знати) был богатым нойоном. Вместе с его смертью в 1164 году распался и созданный им в долине реки Онон улус. Племена, входившие в состав улуса Йессугай-багатура, покинули семью умершего. Ушли и преданные лично ему нукеры (нукер — друг, товарищ), вооруженные дружинники, состоявшие на службе у ханов.

В течение нескольких лет горе и нищета преследовали семью Йессугая, а враги его рода не прекращали попыток расквитаться с женой и детьми некогда страшного воина, но именно с этого вре-

мени началось великое восхождение Темучина к вершинам власти и могущества. Выдававшийся ростом и физической силой, а также незаурядным умом среди своих соплеменников, Темучин сначала набрал из них шайку удальцов и занялся разбоем и набегами на соседние племена. Постепенно число его приверженцев росло. Его первым предприятием было успешное восстановление распавшегося улуса своего отца. Владения Темучина состояли из земель, лежащих в верховьях рек Тола, Керулен и Онон с их притоками, издревле считавшимися прародиной всех монголов и священным сердцем Монголии.

До 1206 года будущий «повелитель Вселенной» не задавался определенной целью вести завоевательные походы, он только искусно маневрировал среди окрестных враждебных племен: пользуясь центральным положением своего улуса, он нападал по отдельности на угрожавшие ему сильные племена, превентивными ударами предупреждая их возможные набеги на его земли, и, то хитростью, то подарками и подкупом, не допускал соединения против себя крупных вражеских сил. Неизбежным, хотя и малосознательным результатом этого было подчинение всей Восточной Монголии, а к 1205 году — объединение и Западной Монголии под властью Темучина.

1206 год — год великого перелома в жизни этого человека. Великий курултай ясно показал, что именно он реально владеет всей Монголией и что отныне именно ему подчиняются все монгольские ханы:

так Темучин становится Чингиз-ханом (ханом ханов, или Великим ханом).

С 1211 года Чингиз-хан начинает знаменитый поход против своего прежнего сюзерена, владыки северного Китая, чтобы окончательно утвердить свой суверенитет в глазах монголов и соседних племен и царств. В 1215 году пал Яньцзин, столица северного Китая, а к 1218 году было завоевано Кара-Китайское царство, и на курултае 1218 года было решено идти на Запад. С 1220 по 1224 год длилась ожесточенная борьба с владыкой Хорезмийского государства хорезм-шахом Мухаммедом. Чингиз-хан завоевал территории обширной империи, а его воины достигли степей Южной России и разгромили русских князей в битве на реке Калка в 1224 году.

Последние годы своей жизни (1226—1227) Чингиз-хан посвятил окончательному сокрушению государства тангутов. Таким образом, начав с маленького бедного улуса, Чингиз-хан объединил всю Монголию, свергнул иго нюэчжей (династия Цзинь) и китайцев, сам покорил северный Китай, объединил в своих руках всю Центральную Азию и теперь ставил задачу овладеть всем миром, сделаться великим «джехангиром» — человеком, рожденным под счастливым сочетанием планет. Как передают, на великом курултае было уже решено в восемнадцать походов овладеть «Вселенной», и прежде всего всей Азией и Европой; на долю Бату-хана выпал первый и, к счастью для Европы, последний поход на дальний Запад. Завоевания в Азии и трения между преемниками Великого хана отвлекли внимание мон-

голов от Западной Европы. Только восток Европы на долгие годы подпал под монгольское иго.

Как некогда Александр Македонский своим неслыханным по масштабам походом в Азию запечатлел свое имя в памяти бесчисленных племен и народов на вска, так и Чингиз-хан навеки вошел в память народов, населявших Азию. Двигавшийся подобно бурному потоку или лавине вперед, неутомимый, как судьба, сметавший врага со своего пути, истребитель бесчисленного множества людей, никогда не стеснявшийся в средствах, сокрушитель многих славных и великих городов, но вместе с тем искусный организатор своих владений, мудрый правитель и великий законодатель — таким был Чингиз-хан в глазах современников и остался в глазах потомков. Его преемники с великим благоговением хранили и соблюдали правила искусства войны, выработанные и с блеском примененные именно Чингиз-ханом. Они жили его наукой истреблять или ослаблять покоренные сильные народы, дабы избегать восстаний недовольных, ассимилировать кочевников и эксплуатировать оседлых. Его сборник законов, известный под именем «Ясы», остался навсегда основой права азиатских кочевых народов, успешно конкурируя с Кораном и юридическими нормами буддизма.

Со времен Чингиз-хана на долгие годы утвердился особый социально-хозяйственный тип государства: феодально-племенной уклад жизни в могучих рамках обширной централизованной империи с великолепно отлаженным административным аппаратом и судопроизводством, с жестко и плано-

мерно устроенным войском, с мастерски организованным симбиозом кочевников-повелителей и оседлых подданных.

Сказанного достаточно, чтобы открыть книгу жизни Чингиз-хана, но прежде необходимо представить сцену, на которой будет поставлена монгольская драма.

Итак, в какой этнической среде родился и вырос великий «джехангир», какова Монголия конца XII—начала XIII веков.

Вопрос о происхождении монголов до сих пор недостаточно выяснен. Их считают древнейшим населением Центральной Азии и полагают, что хунны (гунны), упоминаемые китайскими источниками за три века до нашей эры, были именно монголами, а вернее, их прямыми и непосредственными предками. На протяжении многих веков менялись названия племен, населявших Монгольскую возвышенность, но этническая суть народов, ее населявших, от этого кардинально не изменялась. Даже в отношении имени «монголы» в исторической литературе нет полного единогласия. Одни ученые утверждают, что под собственным именем «мэнгу» или «мон-гу-ли» монгольские племена известны уже китайским источникам с X века. Другие уточняют, что, скорее всего, лишь к началу XI столетия наибольшая часть нынешней Монголии была уже занята монголоязычными племенными объединениями. Они частью вытеснили с территории Монголии, частью ассимилировали жившие там раньше тюркские кочевые племена. По имени могущественного племенного союза «татар» («та-та», «да-да», «та-

тар») соседние народы называли татарами и другие монгольские племена, только в отличие от собственно татар, иначе «белых татар», остальных монголов именовали «черными татарами».

Ученые, использующие эти аргументы, настаивают на том, что имя «монгол» до начала XIII века не было известно вовсе и что происхождение его, к сожалению, до сих пор в точности не выяснено. Эти ученые говорят, что имя «монгол» было принято официально только после создания единого Монгольского государства при Чингиз-хане (1206—1227 годы) и что его не сразу признали даже сами монголы, продолжавшие именовать себя по имени своих племен, родов (кланов) и областей Монголии. До 60-х годов XIII века персидские, арабские, армянские, грузинские и русские авторы называли всех монголов по-старому — татарами.

К концу XII—началу XIII веков монголы занимали обширные территории от Байкала и Амура на востоке до верховьев Иртыша и Енисея на западе, от Великой Китайской стены на юге до границ Южной Сибири на севере. Крупнейшими племенными союзами монголов, сыгравшими наиболее важную роль в последующих событиях, были татары, кераиты (кереиты), найманы и меркиты. Некоторые из монгольских племен («лесные племена») жили в лесистых районах северной части страны (и тогда, как и позднее, называвшейся Халха), в то время как другая, большая, часть племен и их объединений («степные племена») жили в бескрайних степях.

Существует и другая схема монгольского этно-

са, также восходящая ко временам весьма отдаленным. По ней монголов делили и делят до сих пор на три основные группы:

I. Западная группа монгольского народа, к ней относятся калмыки и ойраты (ойраты — название собирательное, которое обычно переводится как «союз четырех племен») — у Палласа — олоты, хойты, туммуты, бара-бураты; у Иакинфа — чоросы, торготы, хошоты, хойты.

По-монгольски западных монголов именуют олютами, по-китайски — олотами.

II. Северная группа. К ней относят бурятов.

III. Группа восточных монголов. Сюда относят халхасов и южномонгольские племена (иначе племена Внутренней Монголии — чохары, суниты, харачины, тумуты, ураты, монголы Ордоса (ордосские монголы)), — и племена Восточной Монголии и Маньчжурии — горлосы, хорчины, дурбуты. Однако есть племена, не относящиеся ни к одной из вышеуказанных групп (баргуты, дауры и некоторые другие).

Вернемся, однако, к «лесным» и «степным» монголам.

Основными видами производственной деятельности лесных племен были звероловство и рыболовство, а степных — кочевое животноводство. Но с течением времени все больше лесных племен переходило к разведению домашних животных, а увеличение численности стад неизбежно вело к тому, что лесные монголы выходили из лесов в степи, становясь кочевыми животноводами. Торговля монголов находилась в руках уйгурских и мусульман-

ских купцов, выходцев из Восточного Туркестана и Средней Азии.

Своей письменности до XIII века у монголов еще не было. Но в среде найманов, самого культурного из монгольских племен, употреблялась уйгурская письменность. Религией основной массы монголов к началу XIII века оставался шаманизм, и в качестве главного божества почиталось «великое синее небо». Также монголы почитали духов предков и божество земли. Знатная верхушка племени кераитов (кереитов) в начале XI века приняла христианство несторианского толка, а среди найманов были распространены буддизм и христианство. Именно через уйгуров проникли в Монголию обе эти религии. Соседи монголов уйгуры, тюркский народ, кочевавший на севере Центральной Азии, когда-то были повелителями всей Монгольской возвышенности. В середине VIII века именно они владели территорией, занимаемой сейчас Монголией, создали мощное государство, которое пало в 840 году н. э. под ударами киргизов (кыргизов), живших в то время в бассейне верхнего Енисея. После разгрома уйгуры отошли на юг и образовали княжество в районе Хами и провинции Ганьсу. Уйгуры имели алфавит, заимствованный ими у иранского народа согдов (согдийцев), которые еще в III в. н. э. переняли арамейский алфавит у народов Передней Азии. Именно при Чингиз-хане алфавит уйгуров был заимствован монголами, а позже и маньчжурами.

Задолго до XIII века, в эпоху господства первобытно-общинного строя, когда скот и пастбища

были собственностью рода (родовой общины), монголы кочевали родами и располагались на стоянках, или кочевьях, кольцом вокруг юрты главы рода. Однако постепенно прежний способ кочеванья сменился аильным (аил — большая семья), т. е. из родового превратился в семейный, претерпев тем самым значительное изменение. Родовое общество клонилось к упадку.

Уже в XII веке в каждом монгольском племени существовал слой знати — нойоны. Ханы, стоявшие во главе племен, из простых племенных вождей становились царьками, но еще долгое время земли, пастбищные угодья считались (хотя подчас и номинально) коллективной собственностью племени.

Внешние формы первобытно-общинного строя сохранялись еще долго, так же, как сохранялось деление на племена и роды. Племенные ополчения, ядро и сердце монгольского войска, строились для боя по родам, имея во главе себя своих наследственных нойонов (князей-правителей). Женщины-монголки в пределах рода и семьи пользовались значительной свободой и немалыми правами. Браки внутри рода были строго воспрещены. Широко практиковалось умыкание невест.

Персидский историк начала XIV века Рашид ад-Дин прямо говорит, что у монголов никогда до начала XIII века не было «могущественного деспота-государя», способного объединить разрозненные племена, прекратить кровопролитные междоусобные войны и направить всю энергию своих неутомимых в брани, вражде, препирательстве и грабеже

ЧИНГИЗ-ХАН

соплеменников на покорение не самих себя, а других, много более могущественных (как казалось) и богатых народов. Так было до начала XIII века. Но в начале этого столетия разноплеменная знать сплотилась вокруг вождя степных монголов Темучина, получившего титул, а потом и имя, Чингиз-хана; судьба монгольских племен круто переменялась...

А. И. Глебов-Богомолов



Предисловие автора

Книга эта — всего лишь попытка пролить свет на жизнь человека, лично ответственного за те исторические катастрофы и их ужасные последствия, которые изменили лицо истории и ход ее не только в Азии, но и в Европе.

Звали этого человека Темучин, но в историю он вошел под именем «Чингиз-хан».

У нас нет его портрета, нарисованного рукой современного ему художника, мы ничего не можем сказать о его росте, внешности и одежде, которую он носил. И хотя повеления его поднимали бурю и вызывали ветер, нам неизвестно, каким голосом отдавал он приказы своим подчиненным — бормотал ли он их своим полководцам или произносил громовым голосом, заставляя трепетать ряды выстроившихся перед ним войск.

То же самое верно и в отношении всех других великих людей этого периода, столь глубоко запечатлевших свои имена на лике Азии.

Джэбэ Нойон и Субудай Багатур не оставили после себя ничего, что могло бы помочь запечатлеть их облик, только перечень великих и страш-

ных деяний — вот все, что осталось от них. Все великие личности Монгольской галактики столь же туманны. Сказать что-либо об индивидуальных чертах, им присущих, очень трудно.

Поэтому всякий взявшийся описывать то время, окажется в очень невыгодном положении, ибо будет ограничен жестокой необходимостью описывать события, а не людей, их вызвавших.

Например, известно, что Чингиз-хану было 50 лет, когда он выступил в свой первый великий поход; и что в течение последующих 16 лет, до дня своей смерти, именно он был единственным бессменным главнокомандующим во всех основных сражениях. Еще более примечательно то, что для современного представителя Азии 50 лет — возраст уже наступившей старости.

Правда, китайский историк Чан Чунь оставил нам немало сведений о личной жизни старого хана, но, как истинный китаец, Чан Чунь более сконцентрирован на своем собственном мировоззрении и философии, чем на детальном описании величайшей личности Азии.

Правда и то, что существуют монгольские предания и легенды, собранные в книге Саган (Санан) Сэцэна, но они в такой же степени касаются исторических событий, в какой песни гомеровской «Илиады» отражают историю Трои.

Столь же затруднительно иногда бывает устанавливать точную дату событий и их топографию. Причиной этого может служить то обстоятельство,

что на первом этапе контакт монголов с цивилизацией происходил средствами борьбы на истребление и полное уничтожение врага. Поэтому письменные источники, из которых известные востоковеды черпают свои сведения, были написаны много лет спустя после происшедших событий. Таким образом, в их труды закрадываются ошибки при определении «времени и места». Это создает трудности даже современным первоклассным историкам. В. В. Бартольд, великий русский историк, претендующий на использование материалов, которых не было в руках историка д'Оссона, не смог ясно и всесторонне остановиться на военном искусстве монголов, хотя и в труде д'Оссона чувствуется недостаток в хороших картах и точной топографии.

Работа Дж. Дугласа тоже не слишком ясна в этом отношении. Мне потребовалось много месяцев, чтобы распутать и уяснить себе слишком запутанную нить его повествования.

Труд, предлагаемый ныне читателю, впервые был опубликован в ежеквартальном «Журнале канадской обороны» за 1932—1933 годы, но дальнейшие исследования потребовали переработки и изменения всего опубликованного произведения.

Со своей стороны должен поблагодарить генерал-майора Э. Мак-Ноутона, полковника Э. Бернса и майора К. Стюарта за их советы и критические замечания.

Я должен поблагодарить также доктора Мел-

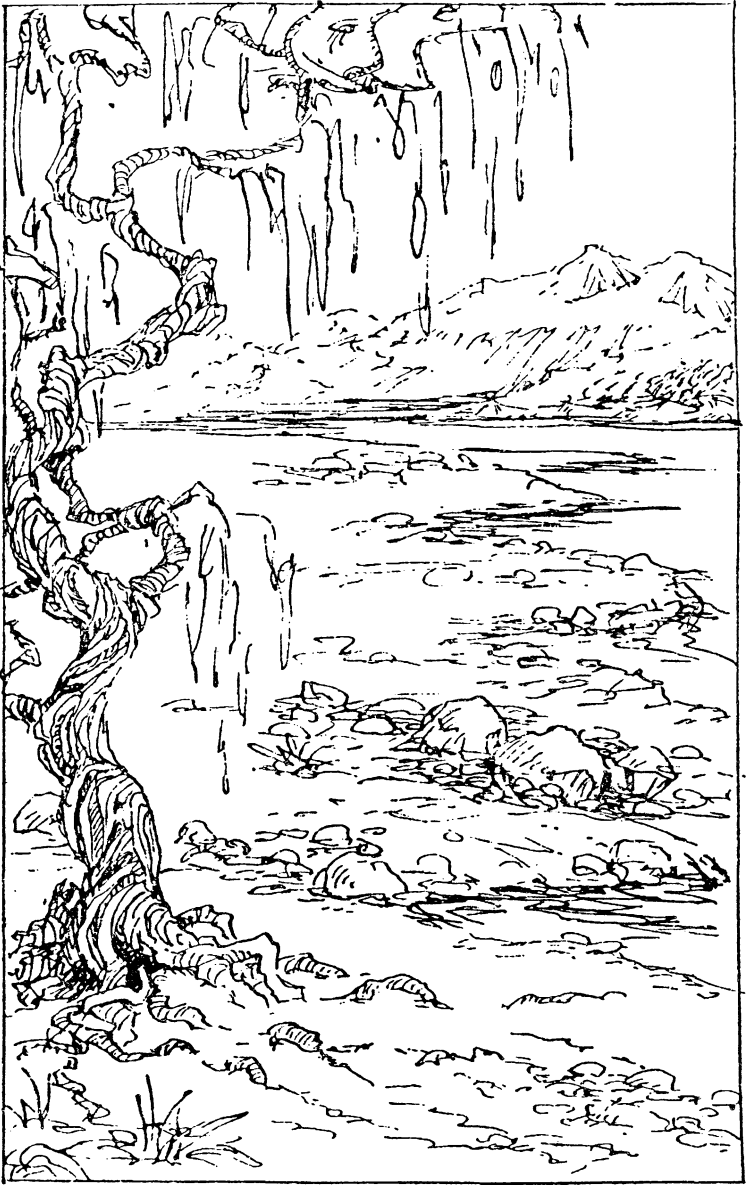
ЧИНГИЗ-ХАН

дрэма Стюарта за математическое уточнение даты солнечного затмения, упомянутого в записях Чан Чуня, ибо именно оно обеспечило меня точной хронологической опорой для установления всей истории монгольской катастрофы.



Глава I

МОНГОЛЬСКИЙ ВОИН





Узрите: народ придет с севера, и это будет великий народ, и в руках его будут луки и копья, и люди эти будут жестоки и никому не будет от них пощады.

Глас их будет рокотать подобно морскому прибою. Они будут на конях и все как один поднимутся для битвы.

Книга пророка Иеремии. I. 41, 42

Если мы обратим взгляд в прошлое, во времена, предшествующие императорскому Риму, к эпохе древних цивилизаций Восточного Средиземноморья, и даже еще ранее, к великим дням Древнего Вавилона, то сразу заметим, что вместо безоблачного неба над горизонтом нависают тучи, грозящие однажды разразиться неминуемой катастрофой.

Для древних цивилизаций земли, лежащие к северу от них, всегда оставались *terra incognita* — страной неведомого. Оттуда всегда исходила опас-

ность. Для древних это была земля бескрайних равнин, населенных людьми очень необычных нравов, стремительных в развязывании войн, ужасных в битве уже одним тем, что луки их испускали в противника ливень гибельных стрел. В остальном эти северные страны оставались для древних землями холода и мрака. Даже если мы сменим декорации и бросим взгляд на другие регионы, то и здесь суть дела останется той же — мы увидим неожиданно появляющиеся волны диких и чуждых цивилизации племен, несущих с собой смерть и разрушение, оставляющих цивилизованные государства в руинах и исчезающих во мраке, из которого они явились. Иногда они становятся оседлыми и, подобно мадьярам в Венгрии, осваивают земледелие. Но потом земли, которые оставили вчерашние варвары, разверзаются вновь и оттуда вырываются на свет божий новые вихри — новые волны диких наездников, способных лишь сметать все на своем пути. История повторяется. Таким-то вот образом некогда племена диких касситов и гиксосов хлынули на Вавилонию и Египет около 1800 года до новой эры.

«И страшен был вид этих существ, — говорит древний историк Манефон о гиксосах, — ибо явились они на лошадях, животных доселе не виданных в Египте никогда». Гиксосы завоевали Египет, как монголы завоюют 30 столетий спустя Хорезм. Иногда поток кочевников наталкивался на сильное сопротивление, но, находя встречную преграду, он всегда уходил на север, в свои неведомые бескрайние земли, местоположение которых многие века

оставалось загадкой за семью печатями. Коммерийцы и скифы, вооруженные великолепными луками и мечами, проложили путь завоеваниям мидийцев, разрушившим до основания древнее царство Ассирии. Гораздо лучше известны гунны, проделавшие путь от Великой Китайской стены до пределов императорского Рима. Другими народами из глубин тайников истории были мадьяры, авары, парфяне и племена ариев, пришедшие в Индию, Персию и Европу с севера. Очень мало известно о них, большая часть их деяний приходится на периоды истории, когда свет цивилизации был не так ярок, как в последующие времена. Но есть один народ, — и этот народ монголы, — чье вторжение приходится на самый расцвет цивилизации и исторической науки. И хотя в хрониках их времени встречаются пропуски и лакуны, все же исторического материала вполне достаточно, чтобы воссоздать подробную картину разворачивающихся событий. Чем дальше уходили они от своих кочевий, тем быстрее одно удивительное и жестокое событие сменяло другое, тем стремительнее неслись их кони, не позволяя летописцам поспевать за ними. Часть хроник написана на монгольском, но существуют и китайские, персидские, армянские, латинские, русские и венгерские свидетельства и рассказы: и историк, поставивший перед собой задачу воссоздания полной и всеобъемлющей летописи тех событий, должен быть великолепно подготовлен в области языкознания. Только тогда он выполнит свою задачу.

Всякого исследователя должно удивлять то, что одно из самых малых племен скотоводов-кочевни-

ков, обитавших на Великой Монгольской возвышенности, благодаря своему военному мастерству и в результате жесточайших войн, проложило себе дорогу к необъятному господству, простиравшемуся от вод Тихого океана до Балтики. Они начали с опустошения Китая, и пока копыта их коней топтали дороги, степи, горные перевалы и пустыни Азии и Восточной Европы, «и в Азии и в Восточной Европе ни одна собака не смела залаять без позволения монгола» (по словам одного из современников тех событий). Вологда, расположенная в 600 милях к северу от Москвы, платила дань монгольскому хану, районы Силезии были опустошены огнем и мечом, когда монгольские войска готовились вторгнуться в Венгрию. Когда в 1917 году солдаты генерала Алленби вступили в Газу, они заняли город, за 700 лет до них захваченный монголами, а Данстерфорс в 1919 году прошел по следам войск Джэбэ Нойона, Субудая и Хулагу. Неизгладимое впечатление, оставленное монголами, многие века будоражило воображение людей. Утверждают, что в одном Китае по вине Чингиз-хана погибло не менее 18 миллионов человек. Оценка эта, без сомнения, многократно завышена, но дает представление о масштабе событий. Сам Чингиз-хан до самой смерти так и остался неграмотным кочевником, греющимся у костра, разведенного на сухом верблюжьем навозе.

Завоеватель половины Азии так и не понял того, что могла дать его народу цивилизация.

Если слава Ганнибала как величайшего полководца коренилась на десяти годах военных кампа-

ний, которые он начал у реки Эбро в Испании и кончил при Заме в Африке, то можно с уверенностью сказать, что было много монгольских полководцев и военачальников, которые шли гораздо дальше, преодолевали более высокие горные вершины, сражались и побеждали во многих столь же решающих и страшных сражениях, что и Канны.

Путь Александра Македонского от Геллеспонта до Инда может быть сравним с походом Джэбэ Нойона и Субудай Багатура, прошедших от Китая до Крыма и еще дальше, бившихся чаще и штурмовавших больше крепостей, чем великий Македонянин.

Уже после смерти Чингиз-хана Субудай из Китая, где он вел осаду города Кайфына, во время которой был впервые использован порох, направил свои орды на Россию, Польшу и Венгрию, после чего вернулся в родные степи и умер уже глубоким старцем в своей юрте на берегу Тола-реки, повелев, как требовал монгольский обычай, бросить свое тело на съедение диким зверям. Так должен был поступить всякий истинный монгол.

Снега России, погубившие Наполеона, обернулись благом для монгольской конницы. Одни и те же условия, сделавшие невозможным правильное ведение военной кампании великим полководцем XIX века, были с успехом использованы монгольскими военачальниками для облегчения исполнения поставленной перед ними задачи. Их походы на Россию предпринимались зимой, начинаясь с первых заморозков и кончаясь оттепелью, и после трех подобных кампаний Россия беспомощно лежала у их ног. Но эти успехи не стоит расценивать

как заслуги только одних полководцев. Если они принимали решения, то воины воплощали их в жизнь. И последние, сражавшиеся под знаменами Чингиз-хана, Субудая и Джэбэ, не должны быть забыты. Монгольская стратегия и тактика демонстрируют концентрированное и изощренное искусство ведения войны.

Чтобы понять монгольские завоевания, необходимо прежде всего изучить людей, перенесших на своих плечах тяготы и лишения походов и битв, не забыв и о животных, несших их на своей спине.

На заре истории первыми основными обитателями Монгольской равнины были тюркские племена. Одно же маленькое племя, обитающее на землях, омываемых и орошаемых реками Ингода, Онон, Керулен и истоками Амура, было племя, в расовом отношении отличающееся от племен тюрков, кочующих к западу и юго-западу от него, и от маньчжурских племен, кочующих с востока. Это племя звалось племенем «монгол» Оно принадлежало великой туранской (урало-алтайской) группе языков, в которую входят финский, эстонский, мадьярский, тюркский, маньчжурский и монгольский языки. Возможно, что все языки урало-алтайской группы произошли от одного корня. Финские и эстонские племена ушли далеко на запад; за ними следовали мадьяры; маньчжуры и монголы двигались на северо-восток; тюрки в основном двигались на юг.

Прошло несколько тысячелетий, войны, гибель и вымирание племен не могли не сопровождаться межплеменными браками. Напротив, они были постоянным явлением и сильно изменили речь и об-

лик древних туранцев, ибо в расовом отношении монголы являют пример большего сходства со своими маньчжурскими родичами, чем с тюрками, хотя по языку родственны тюркам в большей степени, чем маньчжурам.

Монголия представляет собой огромное плато, начинающееся на высоте 700—1000 футов над уровнем моря в районах восточной Джунгарии и поднимающееся постепенно до 3300 футов у подножия Великий Китайской стены. Вдоль северной оконечности пустыни Гоби лежат великие заросшие густой травой степи, к югу от озера Байкал переходящие в сибирские леса и ограниченные на севере рекой Енисей. Степи эти населены племенами скотоводов-кочевников, все благосостояние которых и в наши времена зиждется в основном на обширных табунах лошадей и стадах скота. Из описания внешнего вида монголов становится ясно, что стиль и покрой своей одежды они с крайней неохотой меняли один раз за целую тысячу лет. Что было истинным для них в 1200 году, сохраняло свою привлекательность и значение в году 1900. Основным изменением, случившимся с ними с 1200 года, стала потеря ими племенной независимости. Жилище монголов — юрта — представляет собой подобие шатра из войлока с покатою крышей и вертикальными стенами. В условиях монгольского климата юрта должна служить надежным укрытием от холода и ветра и быть легко перевозимой. В значительной мере завися от своих стад, монголы привыкли вести подвижный образ жизни.

Как только стадо съедало траву одного пастби-

ща, его приходилось перегонять на новое. Кончалась вода и племена вновь приходилось трогаться в путь. Между племенами не существовало ни четко определенных политических, ни точных географических границ, что означало только одно — непрекращающиеся междоусобные войны. Климату Монголии также трудно позавидовать. На ее землях ледяному ветру, дующему с севера из Сибири, никогда не было преград.

Зимой — лютые сибирские, морозы, летом страшная жара, весной и летом сильнейшие перепады температур.

В таких экстремальных климатических условиях родился народ, разительно отличающийся от населения более счастливых и благословенных земель. Непрестанное движение, необходимость постоянного наблюдения за кочевниками соседних племен, наконец, жизнь на открытой равнине, на которой падение температур на 50 °С в течение 24 часов было обычным явлением, сделало кочевника суровым и мужественным, научило хладнокровно переносить любые тяготы кочевой и походной жизни.

Кочевник способен выжить там, где непременно погибнет обыкновенный представитель цивилизации. Сочетание мобильности и отваги сделало обитателя степей бичом цивилизации, как только историческим обстоятельствам было угодно объединить под одним началом разрозненных обитателей равнин.

Монгол — человек среднего роста — прирожденный наездник. А кожаная обувь и овечий тулуп

делают его коренастую фигуру еще приземистой. Но все, хотя бы однажды видевшие представителей этого народа, согласны с тем, что монгол по природе своей искренен и великодушен, вынослив и отважен. Однако — прямой и дружелюбный, он бывает слишком доверчив, даже легковверен, а добродушие его изменчиво, как и самый климат его родных степей. Жизнь на равнине обострила его зрение в очень значительной степени, он обладает великолепной способностью ориентироваться на местности, почти невероятной для тех, кто испытал на себе влияние городской жизни. Если ему становится известно место, где находится родник или колодец, а место это лежит за 30 миль от его кочевья, он без колебаний поскачет к нему, хотя пустыня и степь столь же не способны сохранять следы, как океан не может сохранить след плывущего по нему корабля. Может быть, именно эта способность позволяла ему преодолевать тысячи миль в походе без карты и компаса, ибо у монгольских полководцев не было никаких других способов рекогносцировки, кроме глаз и ушей их разведчиков и сведений, полученных от пленных. Едва родившись, монгол сразу оказывался в седле и иногда раньше учился владеть конем, чем ходить. Даже если ему нужно пройти какую-нибудь сотню ярдов, он непременно вскакивает на лошадь, всегда привязанную к его юрте. Путешествует он всегда верхом, во время переходов может спать прямо в седле и в дальнюю дорогу берет запасную лошадь.

Его стойкость в перенесении трудов и тягот войны примечательна. «Ни один народ на земле, — го-

ворит Марко Поло, — не может ни превзойти их в испытаниях и перенесении лишений, ни выказать большего терпения и воздержания от желаний и нужд всякого рода».

Плано Карпини замечает, — и изумление его читается между строк, — что «монголы очень мужественны; даже если они постились целый день или даже два, они поют и веселы, словно наелись досыта».



Монгол с конем (старинный персидский рисунок)

Марко Поло оставил нам описание монгольского воина. Сделаем из него кратко извлечение.

Монголы носят с собой очень мало вещей, лишь воинское снаряжение и оружие. В качестве неприкосновенного запаса на случай чрезвычайный они берут с собой особого рода молочную массу. Готовится она так: после того как кобылье молоко закипит, снимают образовавшуюся пенку. Эту пенку кладут в открытые блюда или сосуды и сушат на

солнце до состояния твердой творогообразной массы, похожей на мел. Около 10 фунтов этой массы кладут в кожаный мешок, сделанный из шкуры антилопы, овцы или барана, и всегда возят с собой. Когда нет никакой другой еды, около полуфунта этой высушенной массы перекладывают в другой мешок, наполненный небольшим количеством воды. После тяжелого дневного перехода в результате тряски все это обращается в не очень густую кашу, которой и удовлетворяются за ужином. Когда же нет и этого, монгол утоляет голод теплой кровью своей лошади, очень осторожно прокалывая ей вену кинжалом, — прием также известный скифам.

Подготовка к войне всегда являлась неотъемлемой частью их жизни. Их главным оружием был лук, оружие, хорошо знакомое кочевым народам всего мира. Постоянное упражнение с ним было делом совершенно обычным. Любимым развлечением монголов была прицельная стрельба из лука по нескольким (чаще всего трем) куклам в рост человека, выстроенным в ряд на расстоянии двадцати шагов друг от друга. Лучник на полном скаку несся мимо или прямо на них, прицеливался в фигуры и старался как можно быстрее поразить их все. В этом смысле монгол напоминает нам древнего ария, оставившего нам три священные заповеди — «скакать на коне, стрелять из лука и говорить правду».

«Стрельба из лука — первое и самое важное знание, которым должен обладать монгол», — гласит монгольская мудрость. После владения конем, владение луком было второй священной заповедью монгольского кочевника.

В соответствии с описанием Марко Поло, каждый воин носил лук и два колчана, каждый из которых содержал тридцать стрел. В одном из них хранились тяжелые стрелы с широкими наконечниками и мощным древком, предназначенные для ближнего боя с тяжеловооруженным противником; во втором — стрелы легкие, для боя на дальней дистанции. Доспехи воинов были кожаными и делались из высушенных над огнем сырых кож, от чего те становились твердыми и упругими. Кожаные панцири и шлемы часто обшивались металлическими пластинками. Кроме лука монгол носил тяжелую кривую саблю или булаву: Еще одно обстоятельство способствовало успеху их военного искусства: были известны и широко применялись стремена, которые в Европе появились не раньше конца VI века нашей эры, а в Китае были известны немногим ранее.

Атака, совершаемая кавалерией без стремян, сильно уступает кавалерийскому удару всадников, уже обладающих этим немаловажным изобретением. Кроме того, у монгола могла быть пика, привязанная кожаным ремнем к седлу. Социальная организация монгольского общества всегда была по сути своей военной. В подобной стране среди очень подвижных племен быстрота мобилизации воинских сил была делом естественным. Один пример из не очень далекого прошлого легко продемонстрирует ее. В 1842 году, во время англо-китайской войны, китайцы мобилизовали некоторые монгольские кланы на военную службу. Приказ был получен пле-



менем на рассвете. В полдень пастухи уже собрались и выступили в поход.

«Мы скотоводы, это правда, но никогда не забываем о том, что мы еще и воины».

Кроме почти ежедневной подготовки к войне, монгол с младенчества усваивает совершенное безразличие к изменчивым условиям климата своей страны. Чтобы приучить ребенка легко переносить резкие перепады температур, мать позволяет ему выходить из юрты нагишом и в зимние холода, и в летнюю жару. Естественно, что выжившие после подобных семейных забот и материнской ласки могли без особого труда переносить условия русской зимы. Впрочем, монгольские женщины были вполне достойны монгольских мужчин.

Марко Поло пишет об их силе и выносливости, о том, как они выступали в поход вместе с мужчинами, когда того требовали обстоятельства. Временами случалось, они занимали место в рядах сражающихся в битвах. При взятии Нишапура вдова убитого монгольского военачальника повела на штурм его воинов, а жена Джагатая, наследного принца, возглавив штурм крепости Бамиан, прославила себя своей свирепостью в очень жестоком и кровопролитном сражении.

Итак, образ обитателя Монгольской возвышенности нами очерчен, но картина будет не полна, если мы ничего не скажем о животном, преданно служившем ему, — монгольской лошади.

Если наездник монгол мужествен и способен переносить любые невзгоды, то тех же самых качеств он требует и от своего коня. Лошадь его —

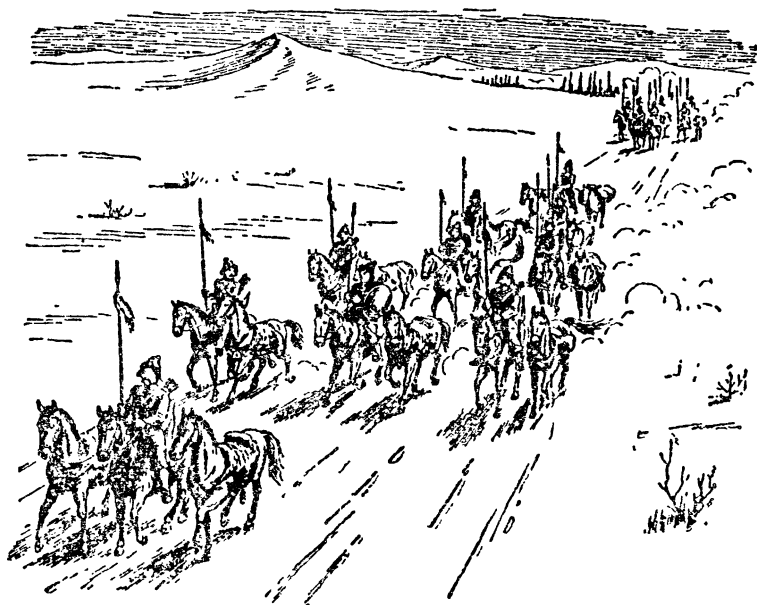
животное низкорослое, около 130 см в холке, но, уступая лошадям цивилизованных стран в скорости и весе, она намного превосходит их выносливостью. Обитает она в степях, вольно пасется на их необъятных травянистых просторах. Зимой у нее на 5-6 дюймов отрастает шерсть, ибо ей хорошо известно, что другого спасения от ледяных сибирских ветров, дующих в это время года, когда копытами она выбивает себе из-под снега и льда сухую траву, у нее нет.

Весной с появлением первых ростков она стремительно набирает в весе. При необходимости монгольская лошадь способна преодолевать максимальные расстояния при минимуме воды и пищи. Когда Джованни дель Плано Карпини, направляясь на восток к Великому хану, добрался до Каракорума, монголы советовали ему поменять его западных лошадей на монгольских лошадок, поскольку здесь европейская лошадь просто-напросто не сумела бы добыть себе корм из-под снега и льда. Лошади монголов, к тому же, не нуждались ни в зерне, ни в заранее заготовленном сене, и могли под своими копытами найти все необходимое.

Чтобы завершить описание, следует отметить следующий факт: известно, что в Европе, и в Англии в частности, лошадей кормят мало, но часто. Однако по всей Азии, насколько мне это известно, их предпочитают кормить обильно, но редко.

Но кормление по принципу «мало и часто» может быть правильным для лошади, скачущей галопом одну или две мили, но неприемлемо для животного, от которого требуется преодолевать сорок

миль ежедневно в течение неопределенного времени. Для того чтобы сделать сравнение более наглядным, пример из английской истории: в 1264 году (когда Хубилай-хан строил свою столицу) английский принц Эдуард совершил конный поход из Ноттингема в Рочестер, пройдя 150 миль за пять дней. За время этого похода он потерял большую часть своих лошадей*. Такое же расстояние монгольские отряды, как правило, преодолевали за три дня и вступали в бой в конце пройденного пути.



Монгольская конница в походе

Кто знает, смогли бы Чингиз-хан и его преемники распространить свою власть и влияние на

* *Oman*. Art of War in the Middle Ages.

огромные пространства, не окажись в их руках столь мощного орудия ведения войны, как низкорослая и выносливая монгольская лошадь, позволявшая всаднику, когда это требовалось, проезжать 60—80 миль в день, а иногда отдававшая ему в пищу собственную кровь.

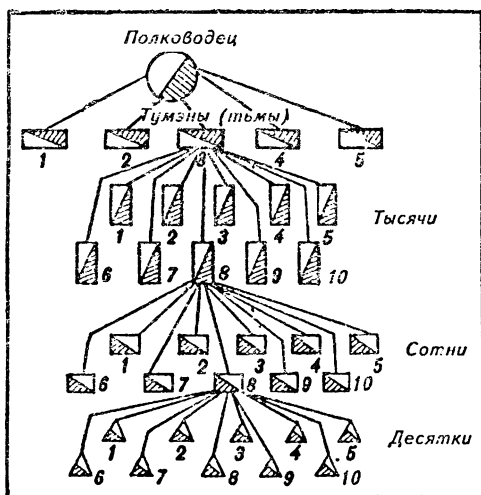
Можно сказать определенно, никогда еще цивилизация не породила столь мощной и устойчивой связи между лошадью и человеком и столь важного военного фактора, как фактор монгольского воина-всадника, определившего на последующие столетия облик Азии. Совершенно очевидно, что при наличии подобного материала рано или поздно должен был появиться вождь, способный его контролировать и использовать в своих целях, что неминуемо должно было повести в XIII веке к серьезным последствиям для стран цивилизованного мира.

Европа в это время пребывала в состоянии относительного хаоса, — «тело без головы, государство без законов. У каждого свой повелитель, у каждого повелителя свой собственный интерес».

В Азии дела обстояли не лучше. В Монголии все обстояло иначе. Чингиз-хану даже не пришлось ничего менять в военном укладе и жизни своего народа. В его руках уже много веков назад сложившийся и великолепно отлаженный механизм. Основная его работа заключалась в объединении племен в единую нацию, и именно это дало толчок последующим военным походам.

Самой малой единицей его войска был отряд из десяти человек. Десять подобных тактических

единиц составляют сотню, и десятники выбирают сотника из своего числа. Десять сотен образуют тысячу во главе с тысячником — вождем племени. Десять тысяч образуют «тумэн», которым командовали либо родичи Чингиз-хана, либо назначенные им полководцы. Джэбэ и Субудай, самые знаменитые из монгольских военачальников, вышли из рядовых. Когда молодые ханы, родственники повелителя, принимали на себя командование войском, состоящим более чем из одного тумэна, очень часто при них находился в качестве советника опытный пожилой военачальник. Так, Субудай постоянно находился при Джучи-хане, старшем сыне Чингиз-хана, а после смерти Джучи служил под началом Бату-хана, сына Джучи, в его походах на Россию.



Организация монгольского войска
в начале XIII века

В монгольских племенах дисциплина в мирное время мало чем отличалась от военной. Повиновение старшему было лишь частью беспрекословной, железной дисциплины, впитанной монголом с молоком матери. Д'Оссон в «Истории монголов» (т. I, глава X) утверждает, что если старейшина или старший начальник считал, что подчиненный совершил проступок или преступление, то для наказания провинившегося он мог послать к нему гонца с устным приказом, и тот, будь он даже известный военачальник, должен был выказать почтение и полное повиновение полученному приказу, пав ниц у ног гонца.

В то время как в других странах войска требовали платы за службу, монгол, вместо получения таковой, сам платил ежегодно жалованье своему полководцу в виде налога на лошадей и скот. От этого не избавлял его даже уход на военную службу.

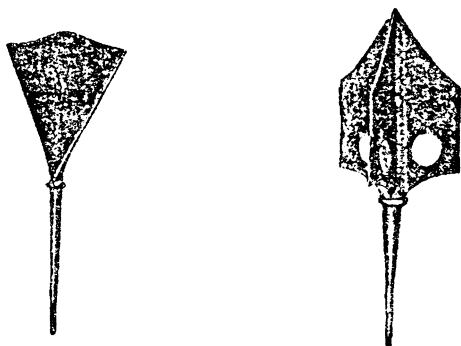
Чтобы предотвратить дезертирство, десятникам, сотникам и тысячникам строжайше запрещалось принимать к себе на службу людей, принадлежащих чужому племени или другому войску.

Никто, даже принц крови, не осмеливался взять на службу человека, изменившего своему прежнему предводителю.

Чингиз-хан требовал от своих военачальников ежегодно доносить ему об исполнении всех полученных от него распоряжений и сообщения своей точки зрения на текущие военные дела. Он ввел правило, по которому все военачальники должны были инспектировать своих воинов.

Оружие тщательно осматривалось, был введен

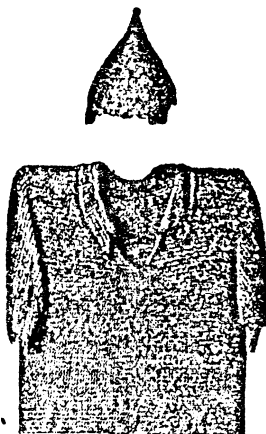
специальный перечень предметов, необходимых каждому воину, вплоть до кремней для затачивания сабель и стрел, шил, игл и ниток для ремонта седел и починки одежды. Все эти предметы каждый монгол должен был носить с собой в походе. Началу каждого военного похода предшествовал курултай, или генеральный совет, на котором присутствовали все старейшины племен и главные военачальники. На курултае обсуждался план предстоящего похода, назначалось время и место сбора войск и порядок выступления их в поход, а также решались все вопросы, связанные со снабжением и управлением ими.



Наконечники монгольских стрел

Однажды отдав приказ Чингиз-хан оставляет своих подчиненных один на один с поставленной перед ними задачей, возложив на них полную меру ответственности за ее исполнение. В рамках полученной им стратегической задачи монгольский полководец волен был принимать любые необходимые для ее исполнения решения, используя все находящиеся в его распоряжении средства. Необыч-

ной чертой монгольской военной практики было одновременное командование двух и даже трех полководцев одной армией.



Доспехи воина-золотоордынца

Но самым поразительным для всякого изучающего военную историю покажется именно то, с какой легкостью и эффективностью работала эта система коллективного командования. Так, например, Джучи, Джагатай и Угэдэй (Огдай), три старших сына Чингиз-хана, действовали совместно в нескольких походах. Ничто не указывает на то, что Джучи, старший из них, был верховным главнокомандующим. Имя Джэбэ в течение трех лет неразрывно связано с именем Субудая. И только однажды, при осаде Ургенча, между Джучи и Джагатаем возникли разногласия, приведшие к замедлению темпов боевых действий. Тогда Чингиз-хан сместил обоих и поставил Угэдэя (Огдая) на их место.

Боевые действия в открытом поле базирова-

лись на подвижности монгольских войск. Монголы почти всегда вторгались во вражескую страну широким фронтом, распределив свои силы на очень большом расстоянии, и именно за счет мобильности достигая такой степени безопасности своих войск в присутствии неприятеля, какую лишь с трудом могли достичь посредством высокой степени концентрации малоподвижные армии цивилизации. Столь же обычным и нормальным для монголов делом было участие в походе сразу двух или нескольких конных отрядов, зачастую совершенно не согласующих между собой своих действий и часто не имеющих между собой никакой связи.

Когда приближался неприятель, навстречу ему высылался мощный головной дозор конных разведчиков, рассыпавшийся по степи широким полукругом, в свою очередь выставлявший перед собой мобильные аванпосты. Этот заградительный щит предупреждал малейшую возможность нанесения внезапного удара по главной армии, а также проводил общую рекогносцировку местности. Вспомним, что и величайший солдат Европы Наполеон Бонапарт пользовался точно таким же приемом, выдвигая вперед активно поддерживаемые кавалерией аванпосты. Позднее точно такая же тактика применялась воюющими сторонами в первые месяцы войны 1914 года.

Связь всегда поддерживалась через гонцов (в наши времена — курьеров); на поле битвы, как правило, любые сигналы и даже приказы передавались поднятием и движением флагов.

Забота монгольских военачальников о своих во-

инах имела почти современное выражение. Войскам строго приказывалось подбирать на поле боя и вывозить в безопасное место раненых, тщательно собирать на поле брани тела всех убитых монголов и предавать их погребению. Подобная забота, конечно, не распространялась на воинов противника. Если они оказывали слишком упорное сопротивление, в результате которого монголы несли серьезные потери, ничто не могло спасти их от смерти. Жажда мести монголов была неутолима.

«Мы потеряли слишком много храбрецов», — звучало рефреном после каждого кровопролитного сражения, и фраза эта означала, что врагу будет отказано в пощаде.

Также с нею предавали казни дезертиров и воинов, не выполнивших приказ. Она стала сакраментальной. Ею же хан Бату горько упрекал убежденного сединой Субудая за медлительность под Сайо в 1242 году, во время венгерской кампании, когда тот слишком поздно атаковал арьергард противника, и седой воин, выигравший больше сражений, чем было лет самому Бату-хану, вынужден был униженно молить о прощении. Монголы никогда не вступали на вражескую землю, не собрав о ней более и менее достаточной и надежной информации. Чингиз-хан использовал любые разногласия в стане врагов, поддерживал всех недовольных, склоняя их на свою сторону, часто засылал шпионов. Внезапность и военная хитрость — вот характерные и основные признаки его военной стратегии. Даже в английском языке слово «татарин» обозначает человека, который, будучи внезапно атакован-

ным и преследуемым, после притворного бегства поворачивается назад и наносит своему преследователю смертельный удар. В этом заключается «ключ» к пониманию монгольского способа ведения войны, ибо тот самый момент, когда вражеский полководец думал, что уже одержал победу, становился началом поражения его армии и его конца. Так, когда Джелаль эд-Дин под стенами Исфахана в 1228 году в сражении с отрядом из войска Угэдэя (Огдая), увидев, что монголы отступают, бросил в бой последний резерв, тыл его армии подвергся внезапному удару и был смят свежими монгольскими тумэнами. С поля сражения Джелаль эд-Дин бежал один.

Вот как описывает Марко Поло монгольский способ ведения войны: «Совершенно справедливо и то, что когда враг видит их бегущими и уже воображает, что выиграл сражение, он уже повержен и наверное погиб, ибо татарские всадники и колеса их телег поворачиваются в тот момент, когда они сочтут, что подходящее время пришло».

Для этих диких азиатов обман противника был делом совершенно естественным, так же как внезапное отступление с поля боя служило обычным тактическим маневром и вовсе не являлось признаком поражения.

«Обман — первая заповедь войны» — изрек один из китайских полководцев Хулагу-хана, завоевателя Ирана и Месопотамии. Использование хитрости в бою было прямой обязанностью каждого восточного полководца.

Когда монголы намеревались захватить какой-

либо город, они прежде всего делали попытку выманить его гарнизон на открытую местность.

Обычно небольшой конный отряд приближался к городу, словно проводя разведку его окрестностей, и начальник гарнизона, если он был человеком долга и исправным солдатом, спешил послать своих лучших людей на самых резвых лошадях уничтожить его. Монгольский отряд стремительно обращался в бегство и отступал до тех пор, пока не заманивал преследователей туда, где были сконцентрированы основные силы монгольского войска, затем он разворачивался, атаковал противника и при поддержке всего остального войска уничтожал его.

Если же монголы приступали к осаде города или крепости, то в очень редких случаях отступались от задуманного и оставляли ее, даже если блокада города грозила затянуться на многие месяцы.

На службе у них были китайские, а позже и персидские инженеры, которыми была создана переносная и перевозная артиллерия, очень эффективная при взятии крепостей.

Если Александром Македонским впервые был введен способ стремительного преследования разгромленного и отступающего противника, то монголы, без сомнения, довели его до совершенства. Они преследовали разгромленные ими армии, не считаясь со временем, вплоть до их полнейшего истребления, и даже если из их рук ускользал один лишь командующий разгромленного войска, для его поимки не жалели ни сил, ни времени, подчас многие месяцы объезжая, осматривая и прочесывая местность.

Надо признать, что во время войны совесть их не отягчали ни сострадание, ни гуманность, ни какие-либо рыцарские чувства, а всякое отсутствие страсти делало их еще более ужасными.

Но не будем забывать и о том, что наличие благородства и возвышенной страстности в душе Александра Великого не спасло Фивы от его гнева, так же как Карфаген, Иерусалим, Коринф — от гнева римлян.

Ветхий Завет полон примеров жестокости и убийств, порожденных теми же возвышенными мотивами.

В отношении монголов сразу не так легко понять подлинные причины всех совершенных ими злодеяний: ни религиозные, ни патриотические чувства не побуждали их к этому. Всякая возвышенная риторика, взывающая к Богу, домашнему очагу или Родине, столь характерная для греков, римлян и более поздних народов, у них напрочь отсутствовала. Приказ отдан, войска повинуются — вот и все. Они могут без зазрения совести отступать перед превосходящими силами противника на протяжении многих дней, пока падение дисциплины в рядах последнего — полностью не дезорганизует его. Только тогда хорошо дисциплинированные монголы меняли лошадей, садились на свежих и вновь атаковали. Оружие, ими используемое, делало возможным комбинированное сочетание огня — стрельбы из лука — и удара, что и обеспечивало за ними победу.

Монгольский всадник галопом пронесился мимо выстроившихся перед ним рядов противника

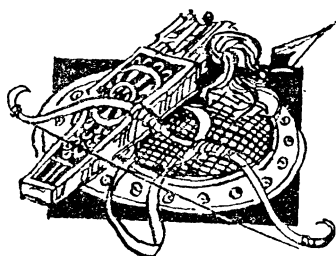
и прежде всего пускал в ход стрелы. Когда же их огонь вносил беспорядок во вражеские ряды, монгольские сотни брались за сабли. Они всегда начинали атаку с флангов, нанося именно там первый удар и отвлекая конными движениями внимание неприятеля. Если враг был дисциплинирован и стойк, его продолжали обстреливать до тех пор, пока под прикрытием этого огня свежие монгольские войска не заходили к нему в тыл.

Тогда монгольские сотни растягивались по фронту и охватывали фланги неприятеля, позволяя ему даже оказывать давление на свой центр.

В этом был свой риск, но стремительность и мобильность, как правило, всегда уберегали их от катастрофы. Когда же охват неприятеля на флангах завершался, именно по его тылам наносился главный удар — чем не новые Канны! Но если немногим римлянам все-таки удалось спастись после жесточайшего поражения, после победы монголов в живых оставались только единицы.

Эффект монгольского толчка в XIII веке почувствовали и в Европе. Монголы даже подарили слово английскому языку, хотя никогда не приближались к Англии ближе районов Силезии. Это слово «ордо» или «орду», что на монгольском означает «лагерь», иногда — «военную ставку хана». От него произошло английское слово «horde» («horde» — орда, ватага, шайка, толпа народа и т. д. — *Ред.*), за много веков, впрочем, не раз менявшее свое значение. Ведь ничего похожего на монгольскую орду (по необычности и силе воздействия на окружающие народы) в Европе не видели со времен рим-

ских легионов. Это слово достигло Индии. Языком общения народов северной Индии стал «урду». Когда Тимур перешел реку Инд, ведя войска в Персию, был изобретен язык военных лагерей, заимствовавший много слов из персидского языка. Слово «урду» произошло от монгольского «ордо», означающего «лагерь». А цитадель крепости Самарканд до сих пор носит название Урда.

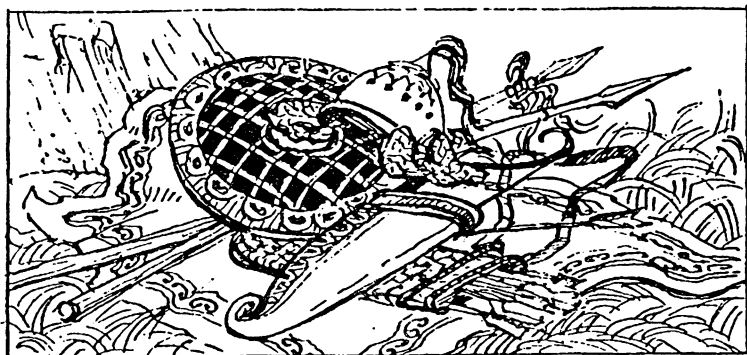




Глава II

Возвышение Чингиз-хана и вторжение в северный Китай





Человек, известный в истории как Чингиз-хан, родился на берегах реки Онон в 1162 году*.

Отец его — Есугай (Йессугай) — был ханом племени «монгол» и в жестокой борьбе объединил кланы, составлявшие костяк его племени, и предотвратил их гибель от рук соседних народов.

Есугай возвращался из похода против племени «татар», в котором собственной рукой умертвил татарского хана Темучина (Тёмучина), когда узнал, что жена родила ему сына. Он так и назвал мальчика Темучином, ибо, осматривая ребенка, обнаружил на одной из его маленьких ладошек сгусток крови. И суеверные монголы приняли это как зна-

* Дата эта принята Дж. Р. К. Дугласом, однако Бартольд и Владимирцов указывают другую — 1155 год, взятую ими из персидских источников. Дуглас же опирается на китайские анналы. И китайские источники кажутся более предпочтительными.

мение, предвещавшее могучего и свирепого влассителя. Так гласит история.

Йессугай умер, когда мальчику было всего лишь тринадцать лет, и все монгольские кланы, как, впрочем, и все другие племена Монгольской возвышенности, дотоле верно исполнявшие его волю, разом разорвали союз, силой удерживавший их в единой узде. Все это было естественно и вполне согласовывалось с монгольскими обычаями, ибо племена привыкли вверять себя управлению и власти одного и, к тому же, воинственного мужа, в то время как довериться и подчиниться ребенку ни за что бы не согласились. Некоторые кланы проявили открытую враждебность, и однажды Темучин был захвачен в плен, приговорен к смерти и чудом избежал ее. Его мать Огэлэн-уджин-эхэ, одна из тех замечательных монгольских женщин, которые так часто появлялись в монгольской истории, покинула вместе со всем семейством берега Онона и укрылась в лесах, в которых некоторое время они могли пребывать в относительной безопасности.

Когда Йессугай был еще жив, он кровью скрепил свой союз с ханом Тогрулом, главой племени кераитов, самым могущественным из племен Центральной Азии. Темучин поэтому, будучи еще в очень юном возрасте, вспомнил о выгодах кровного родства и воспользовался им, посетив Тогрула. Он просил его помочь ему в овладении утраченной властью. Глава кераитов отказал ему в помощи, и Темучин в результате кровавой племенной войны вернул наследство, оставленное ему отцом.

К 1194 году, когда ему исполнилось 32 года,

авторитет его возрос настолько, что своей властью и могуществом он уступал одному лишь Тогрулу.

Теперь пришло время вступить в схватку с племенем татар, обитавшим в районах озера Буир-Нур (Буир-Нор).

Эти татары были подлинным бедствием для всего китайского населения, проживавшего в непосредственной близости от Великой Китайской стены, и когда победа над татарами была одержана Тогрул получил от благодарных китайцев официальный и почетный титул Ван-хана (Великого главнокомандующего). Кераиты, как и многие другие племена Монголии, исповедовали христианство несторианского толка, таким образом, слава Тогрула достигла отдаленных пределов христианского Запада.

Молва искажила имя этого хана, обратив титул «Ван» в имя Иоанн, так что скоро родилась и стала бродить по Европе легенда о могущественном христианском короле, правителе просторных земель на Дальнем Востоке. Его прозвали священником (или пресвитером) Иоанном*. Именно в это самое время Темучин постигал азы военного искусства. Ему предстояло вести походы против кочевников великих равнин, и постепенно он набирал опыт. Быстрота исполнения задуманного плана, умение поражать противника внезапностью были ключевыми

* На Руси он был известен как «поп Иван». См. книгу Марко Поло. Таким образом, имя его стало притчей во языцех, дойдя до удаленных уголков Европы и всюду звуча по-своему (*прим. переводчика*).

моментами искусства войны, усвоенными им, и если он вел себя варварски по отношению к врагам, то объяснялось это в первую очередь реальной заботой о своих подданных и своих союзниках. Но как только он ступил на тернистый путь защиты своих союзников от набегов их непосредственных врагов, речь зашла о его реальном праве и, более того, ре-



Великая Китайская стена

альной возможности создания обширной и постоянно разрастающейся военной империи, ибо в бескрайних просторах степей между горами на западе и Великой Китайской стеной на юго-востоке не существовало совершенно никакого препятствия или предела, могущего служить преградой или завершающим пунктом его завоеваний. Сама жизнь и, скажем несколько прозаичней, сама география местности ставила его перед проблемой выбора — империя или смерть, всемирная власть или угасание и вымирание последних монгольских родов. Так рождаются империи.

Власть его постепенно росла, до тех пор пока один из последних кераитских ханов, горя завистью и ревностью и страшась нового удачливого властителя степей, не напал и не разгромил его. Темучин поднялся очень высоко, но после того как войско Тогрула обратилось против него, вновь пал очень низко. В этот момент в его жизни произошел перелом. Все было поставлено на карту. Восточные равнины огромной степи были разделены между двумя властителями, отныне должен был остаться только один. Союзники и соплеменники его покинули в час поражения, и даже близкие родичи колебались в своей верности. Брат его Хасар (Касар) перешел к врагу, и кераиты, полагая, что солнце его закатилось навсегда, разошлись. Темучин, бежавший вниз по Керулену с остатками верных ему людей, разбив лагерь в предгорьях Хинганских гор, этим воспользовался. Он повел свои малые силы ускоренным маршем назад, и скорость его переходов была такова, что он достиг ставки Тогрула не-

далеко от современной Урги прежде, чем известие о его приближении достигло ушей хана кераитов. Темучин нанес удар неожиданно, кераиты в страшной панике и ужасе бежали из ставки хана во всех направлениях. Тогрул с сыном устремились на запад и какой-то кочевник из племени найманов убил старого хана, когда тот, переплыв мелководную речушку, пытался ступить на берег, принадлежавший уже не кераитам, а племени найманов. Сын же старого Тогрула был убит позже в земле уйгуров.

Такими решительными действиями Темучин сделал себя хозяином степи от Буир-Нур (Буир-Нор) до Селенги и одним махом превзошел пределы владений покойного хана кераитов.

Подобный поворот событий нарушил равновесие сил господствующих племен и привел к тому, что западные племена найманов и меркитов вместе с не признававшими власть Темучина кераитами вступили в союз против него в целях собственной безопасности. Темучин, понимая чем грозит ему подобная конфедерация племен, направился на запад с целью лично решить проблему и осенью 1204 года две армии встретились.

С рассвета до самой темноты бились всадники, а когда солнце начало садиться, Темучин бросил в бой резервы, которые до того держал под рукой.

Найманы дрогнули. Их хан был убит в сражении, в то время как сын его Гучлук (Кучлук) с остатками найманов и меркитов бежал к югу. Позже мы вернемся к нему.

Темучин мог, наконец, позволить себе отдых

после победы. С покорившимися ему противниками он обходился мягко и принимал их под свои знамена.

Таков, вкратце, рассказ о восхождении к власти Темучина, сына Йессугая. С младенческой поры впитавший в себя с молоком матери законы ведения племенных войн с их допустимым обманом, коварством, изменой, интригой и убийствами, он был истинным сыном своего века.



Чингиз-хан

Следующим его шагом был поход на юг вдоль гряды Алтайских гор, поросших травой и легкопреодолимыми. Повсюду соплеменники встречали его с восторгом, готовые повиноваться новому великому хану и отдаться под его покровительство, ибо те-

перь он один был полновластным хозяином бескрайних равнин от Убсу-Нур до Хинганских гор. Когда до него дошел слух о том, что меркиты вновь собирают свои разрозненные силы в южных отрогах Алтая, он преградил им путь, разгромил на берегах реки Кара-Иртыш (Черный Иртыш) и гнал беглецов сквозь болота и топи, в которых многие из них нашли свой конец. Меркиты, находясь теперь очень далеко от родных кочевий, лежавших к югу от озера Байкал, бежали в районы озера Балхаш.

Победа на реке Кара-Иртыш впервые позволила Темучину вступить в соприкосновение с цивилизацией. Через пустыни Джунгарии пролегли главные караванные пути, ведущие из Китая на Запад, так называемые — Пе Лу, или Северный путь — и Нан Лу, путь Южный, названные так потому, что пролегли соответственно с севера и юга от гор Тянь-Шань, или Небесных гор, названных так за свою поистине мистическую красоту. Территории эти занимали племена уйгуров. Здесь давно существовали укрепленные высокими крепостными стенами города и склады караванной торговли.

Уйгуры были тюркским народом, но теми тюрками, которые уже издревле осели на земле и смогли включиться в общее течение цивилизации. Повсюду, где бы тюрки ни пускали корни, они покоряли автохтонное земледельческое население и усваивали все обычаи и традиции цивилизации покоренных.

Восточные уйгуры были подданными царя тангутов, в то время как уйгуры западные, рассеянные

по маленьким поселкам и городкам от Лоб-Нора до реки Или, были подданными царства караки-таев.

Города уйгуров, их поросшие травой горы и тем более степи не могли остановить всадников Темучина. Он в 1205 году неожиданно пересек караванные тропы между хребтом Ала-Шань и оз. Лоб-Нор и почти без всякого сопротивления захватил огромную добычу.

В 1206 году он созвал курултай, или великий совет глав племен, и принял на нем титул Чингиз (величайший, могущественнейший)* хан. Теперь ему было 44 года и он командовал своим конным войском с молодости. Глава и повелитель кочевников Монголии, он готов был начинать войны под любым предлогом и без оногo и вести их в самых неблагоприятных условиях.

В течение ряда лет пришлось ему бороться с проблемой фортификации, ибо малоподвижные и неоперативные армии цивилизованных стран совершенно ничего не могли противопоставить ему на открытой местности. В XIII столетии, так же как и во второй половине XII, оборонительная тактика всецело преобладала над наступательной. В Европе ведение войны было всецело делом обороны и взятия крепостей, и военные кампании ограничивались военными переходами армий от одного укрепленного города до другого.

* Несмотря на кажущуюся очевидность и верность такого толкования, в науке и по сей день идет спор о происхождении, значении и этимологии этого слова, ставшего титулом, а позже и именем Темучина.

Но в Азии Чингиз-хан показал, как средствами большой наступательной мобильности возможно было стремительно развивать успех, а приобрести и используя помощь китайских и уйгурских инженеров в деле взятия городов и преодоления любых городских стен, с легкостью разрешил для себя проблему не только взятия, но, главное, и обороны всех завоеванных им крепостей.

В начале XIII столетия юго-восточным соседом монгольских кочевников было тангутское государство, или царство Ся, как называли его китайцы. Территория этого царства тянулась от Лоб-Нора до пустыни Ордос и включала в свои пределы часть нынешней китайской провинции Шеньси и, возможно, область Куку-Нора. Именно через царство тангутов пролегал самый важный торговый путь из Китая на Запад. Этот караванный путь проходил через Ганчжоу-Фу и Кумул*, находившийся уже на уйгурской территории, и являлся частью Старого Шелкового пути в Самарканд, Персию и за их пределы. Именно этим путем поступал в императорский Рим и в Константинополь шелк. А еще раньше яшма и нефрит из Яркенда тем же путем поступали на Запад или попадали на рынки Вавилона и Ниневии за 2000 лет до Цезаря.

Марко Поло прошел эти путем 13 столетий спустя после того, как Галлия стала Римской провин-

* Один из караванных маршрутов Великого шелкового пути проходил из Ганчжоу до Лоб-Нора и вдоль хребта Кунь-Лун в Хотан и Кашгар. Другой, северный, вел от Лоб-Нора по реке Тарим через Аксу в Кашгар, третий — от Лоб-Нора в Бишбалык, а оттуда в Алмалык.

цией, и даже сегодня караваны движутся по той же самой колее, что и много веков назад.

Царство Тангут пролегло прямо на этом пути и всегда охотно пользовалось возможностью взимать подати, сборы и налоги с караванов, следующих проторенной дорогой. Поэтому в китайских анналах его называли не иначе, как «разбойничьим царством» или даже «царством-разбойником».

К северо-востоку от царства Тангут лежало государство Цзинь, включавшее в себя провинции Хэнань, Шаньси, Шэньси, Шаньдун и Маньчжурию.

К югу от царства Цзинь находилось царство Сун, начинавшееся в южных районах провинции Хэнань и тянувшееся вплоть до тропических лесов южного Китая. Между пустыней Гоби и Великой Китайской стеной пролегла полоса степей, ныне известная под названием Внутренней Монголии, а китайцами тех времен именуемая «Страной высоких трав», из-за богатых пастбищ тех мест. Эта полоса травянистых степей была занята племенами народа, известного среди монголов под именем онгутов. Слово «онгу» в монгольском означает стену, и онгуты использовали царство Цзинь в качестве стража-хранителя Великой стены и получали плату и помощь от правителя царства Цзинь.

Границей между цивилизацией и подвижными кочевниками служила Великая Китайская стена. Считается, что она в основном была возведена в III веке до н. э. и укреплялась и достраивалась в последующие столетия. Однако некоторые части ее существовали еще задолго до III века до н. э. и вполне возможно, что в этот период времени разроз-

ненные крепости, форпосты и фортификационные сооружения были просто-напросто соединены воедино, став звеньями единой крепостной цепи. Как преграда для хорошо организованных наступающих армий эта стена была, без всякого сомнения, весьма неравноценна в военном отношении, ибо никогда не могла быть охраняема на всем своем протяжении. Подобно римским стенам и валам в Европе, она никогда не служила и не могла служить непреодолимым барьером для наступающего врага. Но конница кочевников, пересекавшая эту стену, всегда должна была помнить, что может быть внезапно и серьезно обеспокоена, атакована и даже отрезана от своих баз в случае, если правительственные войска вынудят ее к отступлению и блокируют, прижав отступающих к стене. К тому же, немалую трудность представляло и то, что и лошадей приходилось переправлять через стену. Хотя протяженность стены весьма впечатляет всякого однажды увидевшего ее, не следует забывать, что только в своей северо-восточной части, в районах нынешнего Пекина, она была очень надежна и практически непреодолима.

На западе она превращается в холмы рассыпающегося бута и песка. Даже в провинции Шаньси и Чжили, где необходимость в стене была столь же велика, как и в Маньчжурском секторе, она очень часто состоит из спорадических кирпичных и каменных сооружений только в местах пролегания горных троп или торговых дорог на равнине и исчезает с приближением крутых склонов и горных пропастей. В принципе, она проходила вдоль греб-

ня крутых насыпей и откосов. Пограничные города, всегда пребывавшие в тесной связи с племенами по ту сторону стены, учитывая все вышеизложенные особенности Великой Китайской стены, были сильно укреплены, имели многочисленные башни, глубокие рвы и хорошо оборудованные валы вокруг стен.

Некоторые из них, так и не сдавшись, выдержали три кампании Чингиз-хана.

Царство, названное Тангут, получило свое имя от племен, проживавших прежде в области Куку-Нор на востоке Тибета, и если им удалось избежать власти Китая в более ранние периоды истории, то в XI веке они все-таки подпали под власть китайской династии Сун.

Затем, спустя сто лет, они восстановили свою независимость и сами завоевали земли уйгуров на западе и часть провинции Шэньси на востоке. Столица их располагалась на Желтой реке, и именно в тех местах, где чаще всего случались периодические наводнения.

Мощь стен столицы Нинся многократно увеличивали многочисленные болота и топи, заросшие тростником и водяными лилиями. В XII веке тангутское царство стало вассалом династии Цзинь.

Первое столкновение Тангут с Чингиз-ханом произошло в 1205 году, когда он совершил рейд по караванным путям. Затем в 1207 году, год спустя после провозглашения его Могущественным ханом, он вновь привел свои силы в движение и разорил еще большие территории, не взяв, однако, ни одного стратегически важного города. В 1208 году он

отдыхал в Монголии, но в 1209 г. вновь стал готовиться к большой войне. Сначала он повел свое войско через Алтайские горы и спустился к Кара-Иртышу, где Гучлук, хан найманов, собрал разрозненные остатки разгромленных четыре года назад Чингиз-ханом племен. В последующей битве найманы и меркиты были разгромлены наголову. Гучлук бежал в Бишбалык, современный Урумчи. Не найдя здесь надежного прибежища от безжалостного и непреклонного преследователя, он поскакал в Алмалык, недалеко от современной Кульджи, где и сдался местным представителям каракитайского хана. Тогда смерть не настигла его, но, имея своим врагом Чингиз-хана, он мог не сомневаться в том, что его бегство лишь продлевает ему жизнь, а финальный акт драмы лишь отложен. В течение девяти отпущенных ему судьбой лет злосчастному изгою пришлось вести жестокую игру предательства, интриги и коварства, так что о смерти его, случившейся от руки Джэбэ Нойона, мы узнаем с чувством некоторого душевного удовлетворения.

Однако сама по себе битва на реке Кара-Иртыш принесла немедленные плоды. Уйгуры, часть которых уже была в подданстве у каракитаев, восстали против своих правителей. Западные уйгуры убили каракитайского наместника и отправили посольство к Чингиз-хану с просьбой о помощи. А затем и хан Арслан, правитель города Алмалык на реке Или, тайно послал к Чингиз-хану и предложил передать под его власть свой город. Итак, вокруг Чингиз-хана одна за другой возникали возможности, будто специально прокладывавшие ему до-

рогу к созданию империи, и он, поняв, что подходящее время пришло, поспешил ими воспользоваться. Он направил свою армию против тангутского царства. Сын тангутского правителя выступил с войском против монголов и был полностью разгромлен. Затем конным маршем из оазиса Эцзин-гол Чингиз-хан внезапно напал и захватил маленькую пограничную крепость Юймын, не отличавшуюся особой надежностью укреплений, в переводе носившую название «Нефритовые Врата». Оттуда он нанес удар по району Эгригайя, находившемуся к северу от столицы тангутов — Нинся.

Следующим движением Чингиз-хана был конный марш на Нинся. Это была, возможно, его первая попытка в деле взятия крепостей, и в этот раз он потерпел полное поражение.

Комбинация стен и болот была для него трудна, тогда он попытался направить воды Желтой реки прямо на стены города, ожидая их обвала. Он строил дамбы, рыл каналы, отводил воды реки, но вместо того, чтобы стать Великой Китайской Печалью, разлив реки обратился Великой Китайской Радостью. Прежде чем его план осуществился, река разлилась и воды ее хлынули не под стены города, а на его собственный лагерь, не оставив ему выбора. Пришлось снять осаду и отступить. Чингиз-хан заключил с царем тангутов мир и скрепил договор, взяв в жены его дочь.

Как было отмечено выше, тангутское царство было вассалом империи Цзинь. Тангутский государь просил помощи у Цзинь в своем нынешнем бедствии и, не получив ее, порвал с империей, став

подданным Чингиз-хана. Позже, когда Чингиз-хан вторгся в земли империи Цзинь, царь тангутов деятельно помогал ему и даже сам принял участие в этом походе.

В первый раз Чингиз-хан столкнулся с империей Цзинь, возвращаясь домой из тангутского царства. Войска Цзинь атаковали монголов около крепости Ушаопао, которая была одним из фортов Великой стены, стерегущим дорогу на Датун. В следующем 1211 году Чингиз-хан принял решение начать войну против Цзинь. Кочевники Монголии долгое время платили дань этой империи, и когда Тогрул, хан кераитов, напал на племя татар, проживающее у озера Буир-Нур (Буир-Нор), его задачей было продемонстрировать империи Цзинь свое возросшее могущество. Смена императора, случившаяся именно в это время, тоже не способствовала укреплению авторитета и влияния северного китайского царства. Когда до Чингиз-хана дошли слухи о восшествии на престол нового императора, он позволил себе весьма презрительно отозваться о нем. И, конечно же, наотрез отказался платить тому дань.

В марте 1211 года он выступил во главе монгольского войска из своей ставки, разбитой на берегах реки Керулен, и подошел вплотную к Великой Китайской стене.

Онгуты, вместо того чтобы оказать сопротивление, оказывали ему всяческую поддержку и снабжали всей имеющейся в их распоряжении инфор-



мацией. Некоторое время тому назад, когда против него сформировался союз западных монгольских племен, найманы и меркиты предлагали онгутам соединиться с ними, но те не только отказали им, но и известили Чингиз-хана о приготовлениях врагов. С ханом были четверо его сыновей — Джучи, Джагатай, Угэдэй и Туле. Каждый воин его высокодисциплинированной конницы носил на голове кожаный шлем и кожаный, или обшитый металлическими пластинами, нагрудник, был вооружен луком, пикой, саблей или булавой. За войском следовали табуны запасных лошадей. В этой, первой, экспедиции участвовали всего лишь 4 тумэна, по десять тысяч человек каждый.

Глава цзиньской армии, заблаговременно извещенный о готовящемся нападении, доносил императору, что монголы заготавливают вооружение и обучают войска. Он сообщал, что Чингиз-хан заключил мир с тангутами и что теперь основной его целью является империя Цзинь. Император не поверил и велел заточить того в темницу. Однако вскоре горько раскаялся в содеянном, потому что Чингиз-хан внезапно нанес удар по пограничным слабоукрепленным городам, расположенным за Великой стеной.

Сначала какой-то пастух показал монголам совсем не охраняемое место в Великой стене, которое легче всего было преодолеть. Монголы атаковали и захватили значительный ее участок, а в июне уже вступили в город-крепость Сопин.

Монгольский военачальник Джэбэ, из простых пастухов ставший всеми признанным полководцем,

тем временем перешел Стену западнее Датуна. Оттуда монгольские силы повернули на восток.

Собравшие в спешке основные силы цзиньской армии сконцентрировались в месте «слияния великих вод» между Датунем и Баоанчжоу.

Цзиньский офицер Мин-ань (Миньган) перешел к Чингиз-хану и открыл ему планы Цзинь, и тот, узнав, что цзиньский авангард слишком далеко ушел от основной армии, воспользовался представившейся возможностью и уничтожил его. Развивая успех, он настиг и разгромил главные силы, преследовал их до Баоанчжоу и, по всей видимости, ворвался в город вместе с беглецами. В летописях сказано, что он взял его в октябре 1211 года.

Преуспев в освобождении этой области от цзиньских войск, он распустил отряды, позволив им предать грабежу и разорению земли между Внутренней и Внешней стенами. После 4 месяцев убийств и разрушений одно его имя стало наводить ужас на цзиньские войска.

Джэбэ продвигался вдоль Внутренней стены и искал способ перейти ее.

Таким образом он достиг перевала Хуайянь, через который пролегалла дорога из столицы империи на Калган.

Едва войска Цзинь, охранявшие укрепленный перевал, увидели приближающихся монголов, они в панике оставили укрепления и бежали. Джэбэ тоже не медлил. Он стремительно перешел перевал и гнал беглецов до Чжанпинджоу. Монголам удалось взять город с первого штурма, и Джэбэ, окрыленный успехом, повел свой отряд дальше — прямо к воротам

Яньцзина. Великая столица империи Цзинь, стоявшая недалеко от нынешнего Пекина, была крупнейшим из городов Азии. Население ее ненамного уступало по численности нынешнему Пекину, а ее огромные башни и высокие стены могли поспорить своею мощью с любым из городов мира.

Отряд Джэбэ был довольно мал, всего лишь три тысячи отчаянных храбрецов, но паника, которую он посеял в пригородах столицы, не на шутку встревожила императорский двор, и сам император всерьез подумывал тайно покинуть город и бежать на юг, но преодолел свой страх и остался. Все мужчины, способные носить оружие, были в принудительном порядке взяты на военную службу, ни одному человеку под страхом смерти не разрешалось покидать город. Принятые меры укрепили дух солдат армии Цзинь, и наступление Джэбэ было остановлено. Однако то обстоятельство, что его отряд не понес серьезного поражения и даже избежал тяжелых потерь, свидетельствовало в пользу морального превосходства монголов и ясно говорило о безнадежном положении империи.

А между тем, сразу вслед за падением Баоанчжоу, в тот самый момент, когда дерзкое предприятие Джэбэ не увенчалось успехом, три старших сына Чингиз-хана — Джучи, Джагатай и Угэдэй (Огдай) — получили от отца приказ принять на себя командование всеми монгольскими отрядами, действующими на территории Цзиньской империи, и двигаться на юг.

Прежде всего они разорили сельские местности, находящиеся в непосредственной близости от

Внешней Китайской стены, штурмом взяли города Сучжоу и Шэнчжесянь, затем прошли по долине реки Фэнхэ до Фынчжоу и, вероятно, еще дальше, в районы провинции Шэньси. Когда стало ясно, что рейд удался, Чингиз-хан со своим сыном Туле направился на север, в Долон-Нор (Долон-Нур), вокруг которого раскинулись бескрайние пастбища императорского скота.

С наступлением зимы монгольские войска собрались вместе и разбили единый военный лагерь к северу от Великой Китайской стены.

Монгольский хан мог быть вполне удовлетворен результатом первой пробы своих сил на землях империи Цзинь. Его конные отряды загнали китайцев в города, под защиту мощных городских стен, а рискованные операции монгольских вождей, наперебой прорывавшихся в самое сердце страны, без всякого сомнения, установили такое моральное превосходство монголов, что Чингиз-хан уже несколько не сомневался в выполнимости своего замысла по завоеванию всех китайских провинций, лежащих к северу от великой Желтой реки (Хуанхэ).

Монголы возобновили военные действия ранней весной 1212 года повторным опустошением районов к северу от Внешней стены и на восток от Желтой реки. В то время как они были заняты этим, в Маньчжурии произошли важные события.

Эта страна была провинцией империи Цзинь.

Около 900 года н. э. Китай претерпевал один из очередных периодов распада, когда губернаторы провинций приобретали полную или частичную независимость от центральной власти, целиком полагаясь на экономические, военные и людские ресурсы своих провинций и немедленно начиная войны с соседями.

В этот период южная часть Маньчжурии была захвачена кочевыми племенами народа кидань, на поверку оказавшимся весьма причудливой смесью монголов, корейцев и тунгусов. В 907 году царек киданей стал повелителем племен, живущих на окраинах пустыни Гоби, и такой успех его оружия завершился в 916 году провозглашением его императором, или Великим ханом. Как и Чингиз-хан три столетия спустя, он завоевал всю монгольскую возвышенность от Кашгара до Великой Китайской стены. На очереди был Китай.

И действительно, уже сын этого киданьского вождя сел на китайский трон, дав имя Ляо (железная) основанной им династии. Владения династии Ляо были весьма обширны. На какое-то время удалось овладеть землями южного Китая. Однако вскоре они для нее были потеряны: на юге воцарилась династия Сун. К началу II века территории, подвластные династии Ляо, простирались от озера Балхаш до Маньчжурии. Именно эта династия дала наименование древнему Китаю, столь знакомое средневековым арабским, персидским и тюркским авторам, а через них ставшее известным обитателям Европы — Кидай, Катай, Китай, — земля киданей.

За два последующих столетия мужественные кидани претерпели вырождение (применим здесь термин, часто используемый историками при описании и анализе определенного исторического феномена), ибо кочевое племя настолько цивилизовалось, что совершенно потеряло способность преодолевать конным маршем восемьдесят миль кряду и вступать в бой в конце пройденного пути.

Прошло время и им на смену пришли еще более примитивные племена с берегов Амура — чжурчжэни. Новые завоеватели под началом правителя Агуды изгнали китайского императора и остановились на берегах Желтой реки, повторив обычный порядок походов кочевников на Китай.

К югу от Желтой реки начинались владения династии Сун. Тогда-то один из принцев киданьской династии, по имени Елюй Даши, бежавший сначала к тангутам, но не нашедший у них прибежища, направился дальше — на запад, вдоль караванных путей, пока не прибыл в Алмалык, находившийся недалеко от современной Кульджи, и основал там царство, названное им царством Кара-Кидай — Кара-Китай, или иначе Черный Китай (государство черных киданей), в память о своем великом доме.

Столица каракитаев была основана в Баласагуне, к югу от Алмалыка, недалеко от современного городка Токмак. Несчастьем для династии каракитаев было то, что она просуществовала вплоть до прихода к власти Чингиз-хана, потому что монголы, положив конец правлению чжурчжэней, про-

тивников династии Ляо, способствовали уничтожению и этого царства.

В 1142 году империя Сун вынуждена была уступить провинцию Хэнань новым завоевателям с севера, которые и основали династию Цзинь, ту самую, с которой мерился силами Чингиз-хан. Осенью 1211 года, когда он совершил поход на императорские пастбища империи Цзинь, один маньчжурский сановник вступил с ним в тайные переговоры, предложив склонить всю Маньчжурию на сторону монголов.

В начале 1212 года до ушей цзиньского императора дошло известие об отпадении всей Маньчжурской провинции. Тот встревожился не на шутку и срочно послал секретное письмо губернатору южной Маньчжурии Елюй Лиюко (Лаохо), требуя немедленных объяснений. Лиюко, князь из киданьского дома Ляо, не стал медлить и тотчас же поднял знамя восстания и отправил посольство к Чингиз-хану. В столице поняли, что провинция изменила и на подавление восстания вызвали войска. Но и Чингиз-хан не дремал. Трехтысячный отряд Джэбэ Нойона был отправлен на подмогу маньчжурским мятежникам. С помощью монголов Лиюко разгромил цзиньскую армию, захватил ее обозы и отослал добычу Чингиз-хану.

Оказавшись в столь затруднительном положении цзиньский правитель прибег к старинному и проверенному способу — подкупу. Когда же Лиюко не принял подношений и отказал ему, была послана новая армия. Но и она была наголову раз-

громлена и укрылась за двойными стенами Мукдена, сильнейшего города Маньчжурии, в котором разгромленные цзиньские солдаты могли чувствовать себя в относительной безопасности. К концу 1212 года Джэбэ прошел конным рейдом Ляодун (районы, расположенные к востоку от реки Ляохэ) и отвлек внимание цзиньской армии от войска Лиюко, пытавшегося в это время закрепиться в районах Ляоси (землях, лежащих к западу от реки Ляохэ). Отвлекающий поход Джэбэ продемонстрировал пример того, как военная хитрость способна уравнивать силы сторон.

Джэбэ опустошил Ляодун и остановился подле Мукдена в декабре 1212 года. Однако отряд его был слишком мал, чтобы отважиться на штурм мощных укреплений города, окруженного двойной стеной, из которых внешняя стена имела пять, а внутренняя три мили по периметру. Здравомыслящие монголы отказались от невыполнимого плана, оставили свой лагерь под городом и тихо ушли. Их отступление длилось несколько дней. Наконец Джэбэ приказал остановиться, передохнуть и поменять лошадей. После этого его отряд внезапно повернул назад и стремительным маршем достиг городских стен прежде, чем его заметили. Городские ворота были открыты, охрана снята, гарнизон праздновал избавление от монгольского нашествия. И в этот самый момент монголы беспрепятственно ворвались в город. Мукден был взят. Со взятием сильнейшего города Маньчжурии власть и авторитет Лиюко неиз-

меримо возросли, и Чингиз-хан позволил ему отныне именоваться царем.

Однако Джэбэ Нойон оставался в Маньчжурии до наступления следующего года, когда получил приказ явиться в ставку Чингиз-хана под Яньцзином. Весной 1212 года Великий хан монголов перевел свои войска через Стену и начал систематическое опустошение приграничных территорий. Прежде всего были захвачены три небольшие крепости в префектуре Сюаньхуафу (Сюаньхуа), откуда войска монголов двинулись на Датун.

В течение короткого времени земли между Внешней и Внутренней Китайской стеной были преданы огню и мечу. Чингиз-хан двигался на Яньцзин и не хотел оставлять в своем тылу крупные неприятельские силы. Его войска осадили Датун, и один из лучших военачальников Чингиз-хана Мухули начал очищать от китайцев Внешнюю стену.

Мухули встретил китайскую армию в тридцати милях от Калгана. Численность цзиньских войск составляла не менее сорока тысяч человек. Позиции цзиньцев были хорошо укреплены. Мухули лично провел рекогносцировку местности и позиций неприятеля. Он заметил, что цзиньцы плохо вооружены и потому решил сразу атаковать их, несмотря на явное численное превосходство неприятеля. К концу дня, когда колчаны его лучников были опустошены, а стрелы выпущены в очень плотно выстроенные ряды китайской пехоты, монголы взяли за сабли и атаковали. Преследование разгромленных китайцев длилось долго, пока беглецы и

монгольские всадники следом за ними не вступили в бурные воды Байхэ. Вскоре город Калган был в руках монголов.

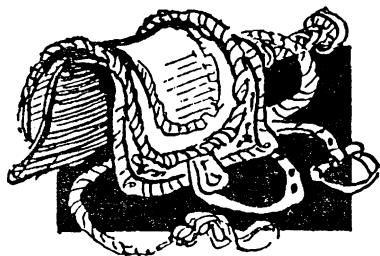
Дела же Чингиз-хана под Датунем шли не столь блестяще. Его войско было плохо оснащено стенобитными орудиями и камнеметами, но даже если предположить, что они у него были, первый штурм города не принес ему успеха.

Но и цзиньская армия, посланная на снятие блокады города, была буквально поголовно истреблена, ибо при всех трудностях ведения фортификационной войны, в бою на открытой местности счастье никогда не изменяло монголам.

После победы над полевой армией неприятеля Чингиз-хан вновь повторил штурм Датуна и вновь монголы были отброшены, а сам Чингиз-хан был тяжело ранен стрелой в ногу. Случилось это на исходе лета 1212 года. Великому хану исполнилось уже 50 лет, а завоевание «Вселенной» все еще не было начато. Ранение вынудило его отступить раньше намеченного срока, но он оставлял в Маньчжурии Джэбэ, который должен был отвлекать на себя и сковывать значительные силы цзиньских армий столько времени, сколько это будет возможно. В сентября того же года Джагатай предпринял штурм и взял небольшой город Фынчжэньсянь недалеко от Датуна. Однако в 1212 году монголам так и не удалось закрепиться на пограничных территориях империи Цзинь. С их уходом цзиньцы вновь оккупировали все приграничные города, крепости и форты Великой стены. И когда Чингиз-хан весной сле-

дующего, 1213 года вернулся, ему пришлось начинать все заново.

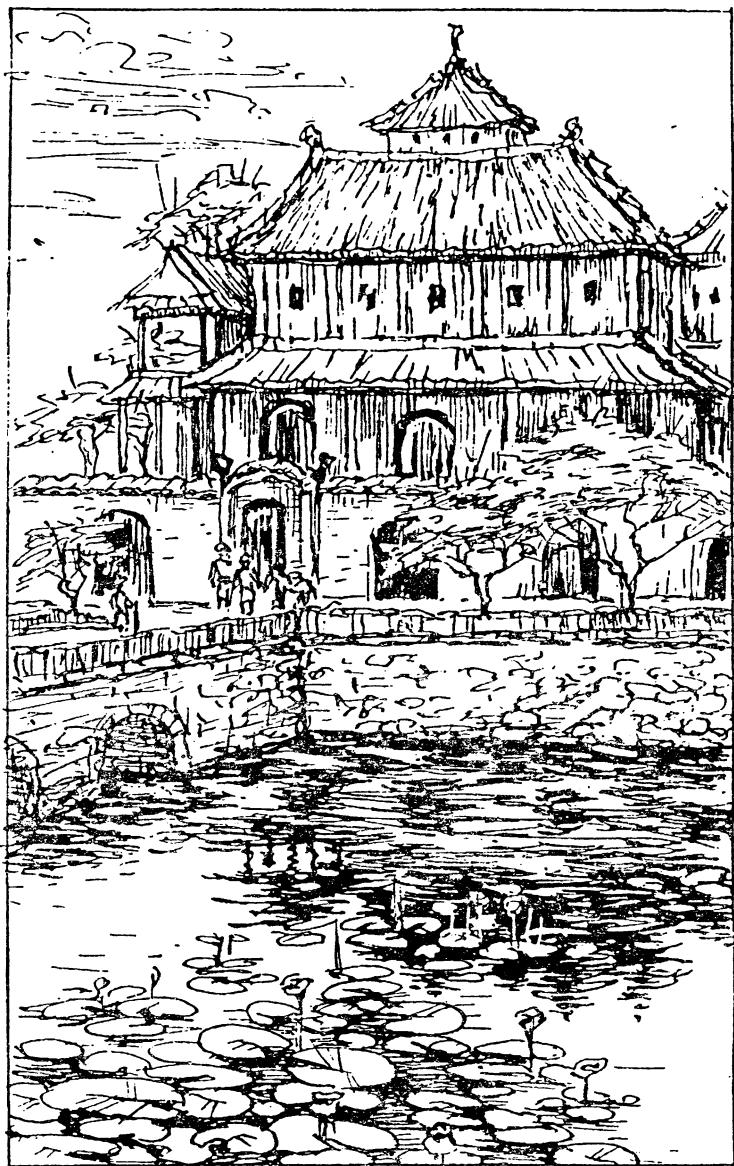
Быть может, в этом кроется причина того, почему впоследствии он всегда разрушал до основания укрепления всех взятых им северокитайских городов, чтобы «монгольские лошади никогда не могли споткнуться на том месте, где стояли крепостные стены».





Глава III

Путь на Яньцзин. Завоевание северного Китая





I

Чингиз-хан вернулся в Китай в 1213 году. Теперь в его войске было много китайских дезертиров и среди них инженеры, способные построить ему необходимые осадные орудия. Пограничные крепости сдавались одна за другой. В течение короткого времени все города, занятые войсками Цзинь, вновь оказались у него в руках. Туле осадил Баоанчжоу и штурмовал эту крепость, в то время как основная цзиньская армия была разгромлена под Хуайлайсянь к северу от Внутренней Великой Китайской стены. Преследование цзиньцев шло вплоть до старинной и знаменитой крепости Губэйкоу, охраняющей один из проходов Великой стены, через который лежал прямой путь на северную столицу.

В августе сам Чингиз-хан штурмовал город Сю-

аньхуа и успешное взятие этого очень большого города практически завершило покорение земель между Внутренней и Внешней Китайской стеной. В довершение всех несчастий царь тангутов, желая отомстить за то, что цзиньский император оказался совершенно равнодушен к судьбе его царства в 1209 году, захватил южные районы Цзинь и осадил Цзиньчжоу.

Земли империи в приграничном районе были совершенно опустошены, гарнизоны поголовно истреблены, крепости срыты до основания. Войскам Цзинь негде здесь было найти укрытие. Такое положение стратегически было очень выгодно Чингиз-хану, и в конце зимы он решил перенести войну за Внутреннюю Китайскую стену — в глубь китайской территории. Перевал Хуайянь, ведущий прямо в столицу, хорошо охранялся, ибо Цзинь извлекла урок из конного рейда Джэбэ Нойона в 1211 году. Поэтому Чингиз-хан, оставив отряд под командованием военачальника Китбоги стеречь с севера подступы к перевалу и охранять тылы монгольского войска, сам с основной армией направился на запад вдоль Внутренней стены.

Именно там он надеялся овладеть перевалом Силинь и разгромить сконцентрированные в его окрестностях цзиньские войска. План его удался. Цзиньцы были разбиты. Впервые грозные монгольские стяги развевались буквально в самом сердце цзиньских владений. Появление Великого хана за Внутренней стеной сразу произвело потрясающий эффект. В войсках Цзинь началась паника, за ней последовало дезертирство. Тысячи цзиньских сол-

дат сдавались в плен, не оказывая сопротивления, в единственной надежде сохранить жизнь и, может быть, вступить на службу к Великому хану.

К концу года монголы присоединили к своему войску не менее ста тысяч человек. Характер войны сразу же изменился. Соединение с привычным монгольским оружием осадной китайской техники и людей, умеющих с нею обращаться, сразу свело на нет практическую ценность и значение крепостных стен вокруг любого из китайских городов. Если северные пограничные территории, между стен, насыщенные сложными системами защиты, достались монголам лишь в результате трех лет ожесточенных боев, то теперь весь остальной северный Китай пал к их ногам не более чем за три месяца. Осенью монголы взяли города Ичжоу и Чжочжоу, а с овладением мощной северной крепости Губэйкоу была открыта прямая коммуникация с Маньчжурией, где действовал Джэбэ Нойон.

Тем временем вся страна была в отчаянии, а разногласия в столице рассеивали последние остатки государственной воли цзиньского правительства. Монгольские конные отряды рыскали по стране, а в это время в столице империи, городе Яньцзине, произошел переворот. Один из полководцев цзиньской армии (по-видимому, это был Ху-ша-ху, в 1211 году сдавший город Сицзин (Датун) монголам), обвиненный в трусости и измене, предпочел смерти государственный переворот и убил императора. Затем он возвел брата покойного на императорский престол.

Пока в северной китайской столице происхо-

дили подобные события, Джэбэ сконцентрировал свои силы к югу от нее и выслал вперед всю имеющуюся в его распоряжении китайскую пехоту. Именно китайцам было приказано приступить к осаде столицы. В декабре 1213 года вновь активизировались действия монгольской конницы, которая по приказу Великого хана тремя колоннами смерчем пронеслась по стране.

Правое крыло возглавляли сыновья Чингиз-хана: Джучи, Джагатай и Угэдэй (Огдай); оно спустилось вниз на юг, к Желтой реке (Хуанхэ), а затем повернуло на запад. Войска самого Чингиз-хана, следуя параллельным маршрутом, вышли к той же реке, но повернули на восток. Левое крыло монголов под командованием Хасара, брата Чингиз-хана, действовало в восточном направлении (в северо-восточных районах Китая), вышло к морю и затем повернуло в Маньчжурию.

Вся провинция Чжили была занята силами трех конных армий. Затем правое крыло, двигаясь на запад вдоль берегов Желтой реки, сменило направление и, идя на север, приступило к разорению провинции Шаньси. Чингиз-хан, с которым был и один из его младших сыновей Туле (Тулуй), а также знаменитый воин Мухули (Мухали), двигаясь вдоль Желтой реки на восток — в Ичжоу, в свою очередь тоже повернул на север.

Мухули, взяв отряд, осадил Чжучаньсянь, город, расположенный недалеко от того места, где уже в наши времена Германия построила мощную крепость Циндао.

Соппротивление было упорным, город не сда-

вался до подхода основных сил войск Чингиз-хана. В отместку монголы вырезали все его население. Факт подобной жестокости требует особого примечания: на этом этапе монгольских завоеваний политика Великого хана выражалась в милосердии к подчинившимся его воле и перешедшим к нему на службу и непримиримой жестокости к сопротивляющимся. В северном Китае монголы захватили 90 наиболее важных городов, и только девять отважились оказать сопротивление и даже отразили их приступ.



Чжурчжэньский лучник

В целом боевые действия были завершены и все три армии собрались в городе Дагу, у моря. Город этот стоял на реке Хайхэ недалеко от залива Бохайвань.

Некоторые особенности этой примечательной в военном отношении кампании достойны внимания. То обстоятельство, что только 9 китайских городов способны были выдержать натиск монголов, без сомнения, можно приписать активному использованию последними осадных орудий и технических приспособлений.

Монголы сгоняли из окрестностей городов крестьян и силой заставляли выполнять всю тяжелую работу по транспортировке камней для метательных орудий, а когда в стенах делались пробоины, они выставляли перед собой живой щит из пленных и так шли на штурм.

Наличие живого щита не всегда, но довольно часто ослабляло огонь китайских воинов, дезориентировало их, позволяя монголам с меньшими потерями проникать в город. Не менее примечательны и расстояния, которые проходила монгольская конница, а также быстрота, с которой она их преодолевала.

Но даже если мы допустим, что монголы начали свой поход самое раннее в первых числах декабря и завершили его в середине апреля, получится, что войска Чингиз-хана прошли 800 миль, взяли 28 наиболее крупных и стратегически важных городов и потерпели неудачу при осаде 9 сильно укрепленных крепостей за время, приблизительно равное 120 дням.

Правое крыло монгольских сил под командованием сыновей Чингиз-хана прошло на 300 миль больше, чем армия их отца, и взяло 30 стратегически важных городов.

Еще один вопрос не может не взволновать всякого цивилизованного человека — это поведение монголов в отношении мирного сельского населения. Конечно, оно покажется возмутительным, однако следует обратить внимание на то, что современники Чингиз-хана ни в малейшей степени не были детьми высокоразвитой цивилизации. Ради достижения своих целей они лучше всего умели применять одну только силу, в ней одной видя залог своего процветания и благополучия. Они не щадили своих врагов, но еще меньше ожидали пощады от них. В своих собственных межплеменных войнах побежденный монгол равнодушно ожидал смерти от рук своих соплеменников или представителей другого племени как справедливой кары за поражение, а иногда даже просил о ней. Убийство сдавшегося в плен врага было совершенно обычным делом для этих диких пастухов — оно было частью их кодекса чести во время войны. Кроме того, цивилизация предполагает большую плотность населения, способного обрабатывать землю и производить изделия, необходимые для оседлого существования, она заставляет быть экономным даже на войне и в целях экономической выгоды — получения рабов из числа пленных — охотно дарить прощение поверженному противнику.

Однако жизнь кочевников основана на других, быть может, более примитивных, древних и жестоких законах. Для кочевника обилие пленных не благо и уж вовсе не выгода, а угроза появления большого количества лишних ртов, которые в условиях трудной и скудной жизни невозможно прокормить.

Древние еврейские пастухи-кочевники, вторгшиеся на территорию Ханаана, вели себя точно так же, как монголы: тот же самый стиль жизни порождал тот же самый кодекс чести.

К чести монголов служит лишь то, что их религия не требовала массовых жертвоприношений. По крайней мере, они стоят один на один перед лицом истории, никогда не отказываясь от всего ими сделанного и не ссылаясь на волю Бога, повелевающего проливать кровь соперников без всякой жалости.

В апреле 1214 года войска монголов собрались вместе, и монгольские военачальники убеждали Чингиз-хана идти на Яньцзин. Но Чингиз-хан отказал. Заразные болезни, оспа и тиф, возможно, вызванные разграблением страны и высокой смертностью в и без того очень загрязненных городах, косили монголов. Кроме того, монгольские лошади были истощены и обессилены после зимней кампании.

Вместо наступления на столицу Чингиз-хан отправил послов к цзиньскому императору с предложением мира на определенных условиях. Он указывал на то, что, за исключением нескольких городов, вся страна к северу от великой Желтой реки находится у него в руках, но он готов за определенную плату отдать все завоеванное назад. Это в высшей степени странное предложение наводит на раздумья. Можно предположить, что глава кочевников, столкнувшись лицом к лицу с проблемами цивилизации, испытывал немалые затруднения. Образ жизни китайцев, обитателей огромной им-

перии, был не только необычен и странен для него, — он отпугивал и ставил его в тупик. В самом деле, завоюй он какое-либо пастбище вражеского племени, и туда сразу можно было перегонять табуны коней, стада крупного рогатого скота, отары овец. Совсем иначе обстояло дело с пашнями и городами цивилизации, в пределах которой пастбища в большинстве своем почти совсем исчезли под воздействием плуга. Ему потребовалось три года, чтобы уничтожить огромное количество народа, а земли эти по-прежнему дышали теплом человеческой жизни.

Он завоевал эти земли как настоящий вождь кочевников, но теперь китайские советники (и среди них знаменитый Елюй Чу-цай) настойчиво указывали ему на невозможность управлять этой страной сидя на коне. Цивилизация по самой сути своей основывалась на земледелии, а кочевые пастухи просто-напросто не смогли бы жить там, где существовала она. Чингиз-хан и его соплеменники должны были сделать выбор: перейти к оседлости — цивилизоваться — или умереть.

Для цзиньского императора предложение Чингиз-хана было даром небес. Он дал монголам все, что они просили, и кочевники, отягченные огромным, почти бескрайним обозом и большим количеством пленных, прошли мимо столицы на перевал Хуайянь. По ту сторону перевала монголы умертвили всех пленных, поскольку те были им больше не нужны, и продолжили свой триумфальный путь домой.

Цзиньский император объявил всеобщую ам-

нистю всем изменившим ему и ставшим под знамена Великого хана, но за этим мудрым шагом последовал другой, ускоривший гибель империи.

Не веря более в безопасность своей столицы, расположенной едва ли не у самой границы, в непосредственной близости от такого страшного соседа, как монголы, он решил оставить Яньцзин и перенести императорский двор в Кайфын, в провинцию Хэнань, по ту сторону Желтой реки, которую считал совершенно непреодолимой для монголов. Конечно, он оставлял самые богатые части своей империи, но страх перед монголами возобладал над всеми прочими доводами, и в июле 1214 года император покинул Яньцзин, оставив вместо себя регентом одного из своих ближайших родственников. Сразу же за этим шагом императора не замедлили сказаться и первые трудности.

Часть его личной гвардии, состоящей из представителей племени киданей, которым теперь император не доверял, получила приказ сложить оружие. Гвардейцы отказались повиноваться, взбунтовались и отправили гонцов к Чингиз-хану. Они убили своих командиров, выбрали новых и конным маршем двинулись на Яньцзин. Высланные против них войска были разгромлены, а затем и Чингиз-хан, кочевья которого располагались подле Долон-Нора, выслал два тумэна им на помощь. Немного спустя Елюй Лиюко (Лаохо), его маньчжурский вассал, известил о том, что цзиньские войска вторглись в Ляоси и начали оккупацию маньчжурской территории.

Война, на некоторое время угасшая, разгоре-



лась вновь. Мухули получил приказ немедленно двигаться в Маньчжурию, а монгольский военачальник по имени Самуха (Самоха, в некоторых китайских источниках Самохэ) с одним тумэном направился к цзиньской столице.

Вскоре туда на соединение с ним подошли еще два тумэна. Столица империи оказалась в опасности.

Как скоро силы монголов вступили на цзиньскую территорию, волна всеобщего дезертирства охватила цзиньскую армию. Самуха, имея под своим началом три соединенных тумэна и большое количество цзиньских дезертиров, во главе которых он поставил цзиньского генерала Мин-аня, перешедшего на сторону Чингиз-хана в 1211 году, двинулся на Яньцзин и в августе 1214 года осадил этот огромный город. Чжурчжэньский принц, в отсутствие императора правивший столицей и ее окрестностями, попытался бежать через боевые порядки монголов, и было похоже на то, что после апрельского мирного соглашения город был совершенно не подготовлен к осаде. И все же оборона его началась и продлилась вплоть до наступления следующего, 1215 года.

13 апреля 1215 года император, все это время в безопасности пребывавший в Кайфыне, направил в измученную голодом и войной столицу обоз, который должен был идти под прикрытием очень большой армии. Помощь столице была крайне необходима. Некогда огромные запасы провианта и вооружений, всего жизненно необходимого в Яньцзине, были на исходе.

К северу от города Бачжоу (современный Баянь) монголы поджидали его подхода. В последовавшей затем битве армия была истреблена, а обоз взят.

Тем временем Мухули действовал в Маньчжурии. После ухода оттуда тумэнов Хасара цзиньцы вновь собрали силы и укрепились в еще оставшихся им верными городах, и даже отвоевали некоторые территории. Судьба благоприятствовала Мухули, как бывает всегда, когда решительная и активная сила под командованием энергичного вождя действует против колеблющегося и нерешительного противника.

Когда в августе 1214 года он вступил в страну, одной из его передовых сотен был захвачен новый, недавно назначенный императором губернатор Мукдена, спешивший к месту своего назначения — в город, совсем недавно опять взятый войсками Цзинь. Новый губернатор вез с собою письма и бумаги, подписанные и скрепленные печатью самого императора. Монголы просто не могли упустить такой великолепной возможности и вместо китайца послали в Мукден одного смелого монгольского сотника, знающего китайский и маньчжурский языки. Тот, пользуясь магической силой императорской печати и верительными грамотами китайского сановника, был не только впущен в город, но и убедил начальника городского гарнизона в отсутствии всякой угрозы со стороны отрядов Мухули. Стража со стен была снята, а караульные у ворот не оказали никакого сопротивления; и три дня спустя Мухули во главе своих главных сил уже вступал в город.

Овладев столицей Маньчжурии, Мухули стремительно отвоевал всю провинцию, но Данин (точное местоположение города неизвестно) и некоторые другие города еще держались. Сначала Мухули осадил Данин. Цзиньцы попытались спасти город, сняв с него кольцо осады, но, как всегда, потерпели поражение. Дуглас, основываясь на китайских летописях, предположил, что численность армии Цзинь достигала 200 000 человек, из которых 80 000 остались на поле боя.

Мухули, отбросив китайцев, вновь продолжал осаду Данина и, находя укрепления слишком сильными, предоставил голоду делать свое дело. Так или иначе, но уже в 1216 году город сдался. Свирепый монгол, действуя в своей обычной манере, должен был бы сровнять стены города с землей и истребить всех его жителей, но на этот раз Мухули посетила счастливая мысль, что сделай он это, и все оставшиеся в руках цзиньцев города будут сражаться против него с отчаянием обреченных. Должно быть, против собственной воли Мухули согласился принять капитуляцию и милостиво обращаться с побежденными, и был тем самым незаслуженно вознагражден почти немедленной сдачей всех еще сопротивляющихся монголам крепостей Маньчжурии. Так постиг Мухули одну простую истину: гуманное обращение с побежденными подчас выгоднее сурового обращения с ними. В правильности этого вывода он имел случай еще раз убедиться много лет спустя.

Пока в Маньчжурии полыхала война, Яньцзин медленно, но верно шел к своему концу. Северная

столица не могла дольше выносить мучений голода. После взятия цзиньского обоза под Бачжоу всякая надежда на спасение была утеряна.

Монголы все теснее и теснее сжимали кольцо осады, осажденные мрачно ожидали конца.

Глава столичного гарнизона, отчаявшись в получении помощи, покончил с собой, а сменивший его решил на крайнее средство — проложить себе дорогу через лагерь монголов. К нему присоединились лишь немногие смельчаки. Эта отчаянная и последняя попытка прорваться из города была предпринята в июне 1215 года. То были последние минуты агонии умирающей столицы, и монголы хладнокровно и терпеливо наблюдали за этим. Население было доведено до отчаяния. И когда командующий гарнизоном повел своих людей в последний бой, оставшиеся в городе открыли ворота.

Разграбление самого крупного из городов Восточной Азии длилось тридцать дней, после чего монголы, пресыщенные убийствами, грабежами и насилием, оставили дымящиеся руины.

Страшная картина ужаса и всеобщей гибели сохранилась до наших дней в записях хорезмийского посла, в это время находившегося в ставке Чингизхана под Яньцзином. Посол этот был отправлен хорезм-шахом Ала-эд-Дином Мухаммедом, владыкой Хорезма, в Китай, ко двору цзиньских императоров, но монголы встретили посольство и проводили его в ставку Великого хана, где оно и оставалось все время осады столицы империи Цзинь. В записях посла мы читаем: «Кости убитых образовали горы, почва стала жирной от человеческой плоти,

и гниющие повсюду тела вызывали болезни, от которых некоторые (из нашего посольства) умерли. У самых ворот Яньцзина возвышались холмы из костей и ясно говорили нашим глазам о взятии несчастного города, шестьдесят тысяч девушек бросились с его крепостных стен, чтобы избегнуть рук монголов».

Сам Чингиз-хан в это время оставался в Долон-Норе не принимая личного участия в осаде, когда пришли вести о взятии северной китайской столицы. Среди пленников, присланных ему в подарок, был кидань Елюй Чу-цай, один из советников императора.

Поведение этого человека произвело сильное впечатление на Великого хана. Когда его родственники в Маньчжурии подняли знамя восстания, этот человек был верен династии чжурчженей, которой служил еще его отец.

И повелитель монголов, всегда высоко ценивший личную преданность и верную службу и, к тому же, понявший необходимость приобретать умных, высокообразованных и культурных советников, любезно просил Елюй Чу-цай теперь, когда китайский император предал своих подданных, перенести свою великую и испытанную верность на него, владыку монголов. Советник Елюй Чу-цай согласился, решив в столь тяжелые времена обратить весь свой опыт и все свое старание во благо — на дело смягчения, где только это было возможно, диких нравов воинственных кочевников Центральной Азии.

II

С падением Яньцзина сопротивление цзиньцев к северу от Желтой реки в основном прекратилось. Но оно продолжалось на землях провинции Хэнань.

Характерной чертой самого Чингиз-хана и полководцев его школы было то, что они никогда не останавливались на полпути, никогда не бросали исполнения раз начатого дела, пока не доводили его полного — и успешного — завершения.

Поскольку в настоящее время основная задача состояла в свержении династии Цзинь, монголы решили испробовать все средства, бывшие в их распоряжении, для достижения этого.

Силы, высвободившиеся после падения Яньцзина, вскоре были вновь готовы к войне в глубине китайской территории. Самухе было приказано совершить рейд на Хэнань, в которой укрылся все еще царствующий монарх. Была ли экспедиция Самухи разведывательной или истребительной, сейчас судить трудно. В любом случае, она очень примечательна той степенью презрения, которое монголы испытывали теперь к армиям Цзинь. Силы Самухи состояли лишь из одного-единственного тумэна. Тем не менее Чингиз-хан осознавал, что великая Желтая река наиболее опасное и трудно-преодолеваемое препятствие из всех, какие до сих пор приходилось встречать монголам на своем пути. И если он всерьез намеревался преследовать цзиньского монарха, ему было очень важно получить достоверную информацию, касающуюся подступов

к великой Желтой реке (Хуанхэ) и переправ через нее. Самуха форсировал реку где-то западнее Нинью и прошел в южные районы провинции Шэньси.

Желтая река течет на восток по пустыне Ордос, затем круто поворачивает на юг, проходит еще 400 миль по границам провинции Шэньси и Шаньси и вновь поворачивает на восток у гор Циньлинь, самая высокая вершина которых достигает 10 000 футов. Именно в этом месте, недалеко от знаменитой крепости Тунгуань, в Желтую реку впадает приток Вэйхэ.

Здесь Хуанхэ (Желтая река) протекает по достаточно узкой долине, и стоящая на восток от нее крепость Тунгуань является стражем дороги, ведущей в самое сердце провинции Хэнань с запада. Эта крепость успешно отразила все приступы Самухи. Зима близилась к концу, и он решил не задерживаться долго у несговорчивой крепости. Конечно, он горел желанием непременно вернуться и сломить сопротивление Тунгуани, ибо пользовался заслуженной славой самого упрямого из военачальников Чингиз-хана. Однако Самуха был наделен тою целеустремленностью, которая характеризует всех великих монгольских полководцев. Когда он понял, что дорога через долину реки Хуанхэ для него закрыта крепостью Тунгуань и он не может овладеть ею, он повел свою кавалерию по покрытым льдом горным отрогам Циньлиня и, несмотря на крутые и оледеневшие склоны, в конечном счете достиг равнины. По дороге на Кайфын он остановился на отдых один раз — у стен Ючжоу — и за-

тем, систематически разоряя провинцию, поздней зимой 1215/16 года достиг столичного города Кайфына.

Цзиньский монарх, в совершенном отчаянии, пытался просить мира, но условия отважного монгола, действующего с отрядом в 10 000 человек среди многомиллионной страны, были столь дерзки и невыполнимы, что даже боящийся монголов как огня цзиньский император вынужден был отказать. Самуха, беспомощный перед мощью стен Кайфына, увел свой тумэн назад тем же путем, каким явился. Но в ноябре 1216 года он повторил свой поход. На этот раз сил у него было чуть побольше. Может быть, он взял с собой осадные орудия, ибо захватил Ючжоу, Чжоуцзяноу и другие города, прежде чем в конце концов достиг пригородов Кайфына.

Тактика Самухи была описана и объяснена в письме императору одного из китайских царедворцев, в котором утверждается, что монголы опустошают все села по пути к столице, штурмуют и разрушают города. Это было систематическое уничтожение. И именно потому, что Кайфын был слишком силен для монголов, они решили окружить его совершенно пустынной, выжженной и разоренной территорией. Столицу должно было окружать одно лишь могильное безмолвие.

Главные силы монголов перекрыли все выходы из города, в котором находился превосходно обученный и вооруженный гарнизон. Конные монгольские разъезды рыскали по округе. Советники убеждали императора расположить войска так, чтобы

прежде всего защитить от монголов крепость Тунгуань, а затем послать лучших офицеров с отборными бойцами для организации и ведения широкой партизанской и диверсионной войны с монгольскими отрядами. Они указывали на то, что Кайфын обеспечен всем необходимым в гораздо меньшей степени, чем столица Яньцзин (в пропорции 1/100). Однако и тот, несмотря на свои громадные запасы вооружения и провианта, не смог остановить монголов. Что же говорить о несчастном Кайфыне?

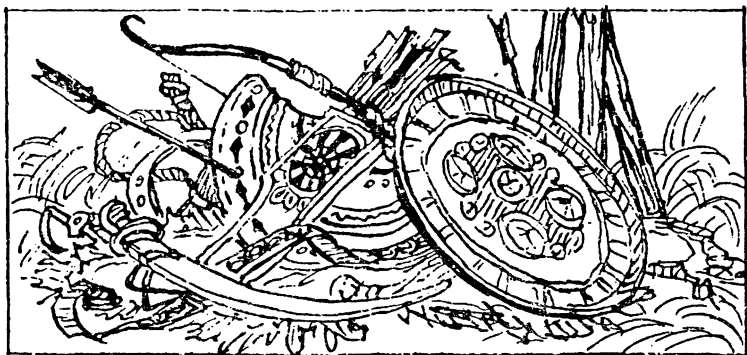
Одна мысль, что монголы возьмут город в кольцо блокады, леденила им кровь. Прошел слух, что сам Великий хан собирается идти к городу. И, как обычно, мнения советников разделились, и парализующее действие страха сковало всякую инициативу. Император колебался. Некогда великая династия чжурчжэней шла к своему концу. К счастью для династии Цзинь, Самуха был отозван, и мы больше ничего не услышим о нем, но эти два его похода, даже если он не совершил ничего достойного упоминания впоследствии, с полным правом делают его одним из великих вождей кавалерии в истории человечества.



Глава IV

КАРАКИТАИ И ХОРЕЗМ





I

Когда Чингиз-хан завершил свои действия в той части Китая, которая лежала к северу от Желтой реки, губернатором этой территории он оставил Мухули, дав ему поручение укреплять здесь, по мере возможности, монгольское владычество. Сам же он перенес свою ставку на реку Тола.

В 1217 году он послал Джучи разгромить меркитов, которые по-прежнему кочевали в долинах предгорий Танну Ола, на северо-западе Монголии.

Весной 1218 года до ушей Чингиз-хана дошло известие, что царь тангутов заручился поддержкой и помощью некоторых племен, до сих пор не признавших власть монголов. Тотчас же против царства Тангут было послано войско. Правитель тангутов, понимая, что его столица Нинся расположена в непосредственной близости от владений Великого хана, оставил город и пробрался в Ланчжоуфу

(Ланчжоу), в то время, как и ныне, являвшуюся самой сильной крепостью между Тибетом и окрестностями современного Пекина.

Приблизительно в то же самое время Корея, уже в немалой степени испытавшая на себе силу монгольских отрядов, проникавших и на ее территорию, сочла более безопасным для себя признать главенство монголов, отправив посольство с изъявлением покорности ужасному монгольскому владыке.

Похоже на то, что в этот период все мысли Чингиз-хана были направлены на выработку плана завоевания Хэнани, единственной провинции некогда могущественного царства Цзинь, оставшейся во власти угасающей династии чжурчжэней и не покоренной монголами. Однако обстоятельствам было угодно отвлечь его внимание в совершенно другом направлении, ибо на западе от владений Великого хана произошли события, повлекшие за собой потрясающие последствия для всей Юго-Западной Азии, а за ней и Европы.

Ранее мы рассказывали о том, как племя чжурчжэней обрушилось на Китай с верховьев Амура, и как один из принцев киданьской династии Ляо бежал от них на запад, образовав царство Кара-Китай (Черный Китай) со столицей в Баласагуне. Событие это произошло в 1123 году. Звали принца Елюй Даши. Воспользовавшись племенными распрями обитающих в районе реки Или тюркских племен, Елюй Даши, принявший древний титул правителя киданий «гурхан», распространил свою власть и влияние на земли, протянувшиеся от Кашгара и Кульджи (современный Алмалык) до Аму-Дарьи и

дальше, за ее пределы. Уже около 1141 года гурхан (правитель) каракитаев был в достаточной мере силен, чтобы скрестить мечи с правителем Хорасана, нанеся ему поражение и причинив огромный урон его армии. После этого гурхан становится повелителем Мерва и Хорасана, а следом за тем захватывает все междуречье между Сыр-Дарьей и Аму-Дарьей, вынуждая правителей этих земель платить ему дань.

Совершенно очевидно, что правительство вновь и столь внезапно образованной империи не могло уверенно и твердо контролировать все подвластные ему территории и народы. Беглого взгляда на карту будет достаточно, чтобы указать на причину этого: огромные и протяженные горные хребты разделяют владения империи, создавая подчас непреодолимые или труднопреодолимые препятствия для нормального функционирования ее экономических и административных связей. Тем не менее, несмотря на столь заметный и существенный недостаток, империя каракитаев к концу XII столетия стала одним из крупнейших и самых могущественных государств в Центральной Азии. В нее входили земли между Иртышом и Аму-Дарьей, Алтайским хребтом и Кунь-Лунем, западные оазисы бассейна реки Тарим, южные районы Джунгарии, долина реки Или, а далее к западу — Фергана и Самарканд, платившие гурхану каракитаев ежегодную дань как земли, не вошедшие в империю, но признавшие ее верховную власть и сохранившие тем самым остатки независимости.

Однако в 1209 году от рождества Христова про-

изошло событие, повлекшее за собой гибель этого мощного царства. В пределы его владений бежал Гучлук (в некоторых источниках — Кучлук), вождь племени найманов, едва ускользнувший из рук Чингиз-хана после поражения в верховьях реки Кара-Иртыш. Правящий в это время гурхан каракитаев Чжунху не только принял беглеца с любовью и окружил его заботой, он допустил хана найманов в свою семью и отдал дочь за него замуж. Вскоре Гучлук, исповедовавший христианство несторианского толка, принял буддизм, в то время официальную религию каракитаев. Однако во владениях империи существовал и еще один очень важный религиозный фактор — ислам, принесенный сюда еще в 712 году н. э. воинами великого арабского полководца Кутэйбы.

В начале XIII века сложились не только внутренние, но и внешние условия скорой гибели дома каракитаев. Далеко на западе, у самого устья Аму-Дарьи, впадающей в Аральское море, лежал Хорезм. Очень плодородные, прекрасно орошаемые водой районы дельты Аму-Дарьи способствовали развитию среди местного населения экстенсивного земледелия. Некогда маленький эмират великой империи Сельджуков, Хорезм счастливо избежал охватившего земли империи хаоса и даже извлек немалую пользу из падения Сельджукской династии. Султаны-наместники Хорезма приобрели долгожданную независимость и захватили в свои руки не только Хорезм, но и земли Мавераннахра, область, лежащую между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей, которую в европейской науке принято назы-

вать Трансоксианой (от слова «оксус», Окс — древнегреческое название Аму-Дарьи). В описываемые нами времена эти реки имели другие, арабские, названия: Аму-Дарья называлась Джейхун, а Сыр-Дарья — Сейхун.

Трижды с начала X века Хорезм приобретал частичную или полную независимость, заявляя о себе как о достаточно сильном и экономически развитом государстве. Султаны, правители страны, принимали титул хорезм-шахов и заявления о полной самостоятельности. Существовало три династии хорезм-шахов. Первая, правившая с 951 по 1017 год, была низложена Махмудом Газневи, основателем династии Газневидов. Наместник Махмуда Газневи в Хорезме не долго терпел иго иноземцев и начал новую династию хорезм-шахов, правившую с 1017 по 1043, свергнутую сельджукским султаном Тогрулбеком. В 1077 году Ануштегин Гуршах начал новую династию — так называемую династию «Великих хорезм-шахов». При его внуке Атсызе (1127—1156) Хорезм вновь стал независимым государством. При хорезм-шахах Иль-Арслане (1156—1172) и особенно Текеше (1172—1200) государство достигло наивысшего в своей истории экономического, политического и культурного расцвета. Однако в начале XIII века Ала-эд-Дин Мухаммед — султан-шах Хорезма (то же, что и хорезм-шах), став правителем области Бухары и Хорасана, вынужден был вновь платить дань гурхану каракитаев, но не собирался с этим мириться, считая такую плату слишком обременительной для своей казны и позорной для своей чести.

Правитель Хорезма вступил в сговор с Усманом, султаном Самарканда, также бывшим данником каракитаев, решив раз и навсегда избавиться от их господства.

Всюду разыскивая себе союзников, хорезм-шах Ала-эд-Дин Мухаммед случайно наткнулся на Гучлука, любимого зятя и гостя семейства гурхана, и легко склонил его на свою сторону. Гучлук, имевший от природы характер низкий и склонный к предательству, тотчас приступил к тайной работе. Прежде всего он добился от старого доверчивого гурхана позволения принять к нему на службу своих соплеменников — найманов — и сформировал из них войска. Так, пользуясь чужим доверием, Гучлук (Кучлук) приобрел столь необходимую ему военную силу. Когда же он посчитал момент подходящим, то отправил тайное послание хорезм-шаху Мухаммеду и султану Усману, пообещав нанести удар тогда, когда они начнут восстание в Мавераннахре. Вскоре восстание, поддержанное Гучлуком, началось. Хорезм-шах Мухаммед начал военные действия с убийства всех послов и представителей гурхана при его дворе — обычная процедура разрыва дипломатических отношений между государствами в те времена. Сейчас она знаменовала его успех, а в будущем станет началом конца его империи и причиной гибели его самого.

Восстание, поднятое Гучлуком, было подавлено армией гурхана. Но хорезм-шаху Мухаммеду повезло больше. Он разгромил силы каракитаев на реке Талас, к северу от Сыр-Дарьи. Гучлук, воспользовавшись унынием каракитаев, вызванным

этой катастрофой, опять воспрял духом. Теперь он надеялся на победу. И действительно, на этот раз удача сопутствовала ему. Старый гурхан был взят в плен.

Случилось это в 1212 году. Так отплатил ему Гучлук за гостеприимство и доброту. Два года спустя гурхан умрет, сломленный стыдом и печалью, а злодей Гучлук займет его трон. Но еще задолго до того, как он совершил низкое и вероломное предательство, Гучлук открыл свое подлинное лицо, обратившись из несторианина в буддиста и став фанатичным гонителем всякого религиозного инакомыслия. С особой жестокостью преследовал он мусульманское население каракитайской империи, и когда мусульмане пытались протестовать, он давал волю верным ему диким кочевникам-найманам, позволяя им безнаказанно истреблять последователей ислама. А чтобы показать, сколь он серьезен в своих намерениях, даже велел в своем присутствии распять на дверях медресе верховного имама города Кашгара. Желая усилить свое могущество, он связался с меркитами, уже покоренными Чингиз-ханом в 1209 году, и те, разорвав узы покорности монгольскому Великому хану, ушли на юг и соединились с Гучлуком.

Все это время Чингиз-хан был занят событиями, происходящими за Великой Китайской стеной, но в 1218 году, когда руки его освободились, он вмешался в эту мелодраму, состоящую из коварства, измены, мятежа и религиозного фанатизма, чтобы извлечь из нее собственную пользу.

Он дал Джэбэ Нойону два тумэна и отдал при-

каз идти на Кашгар и раз и навсегда покончить с Гучлуком. В то же самое время он повелел своему сыну Джучи, взяв в советники Субудая, с равными силами идти на Алмалык, взять его и покончить с теми меркитами, которые, возможно, смогут ускользнуть от гнева Джэбэ.

Путь тумэнов Джэбэ пролегал через Бишбалык (развалины которого по сей день можно видеть в нескольких милях от современного города Урумчи) и Бештам; и как только Бишбалык был в его руках, все остальное было лишь делом времени.

Едва услышав о приближении Джэбэ, Гучлук бежал в Кашгар, но мусульманское население, в памяти которого еще свежи были воспоминания о распятом имаме, было так враждебно к нему настроено, что он принужден был оставить Кашгар и укрыться в горах, в то время как кашгарцы открывали ворота своего города и радостно приветствовали монголов.

Джэбэ, который в простоте душевной не видел никакой разницы между Буддой и Мухаммедом, сразу же провозгласил полную свободу вероисповеданий, и одним этим склонил жителей на сторону Чингиз-хана. Потом Джэбэ отрядил верных людей на поимку Гучлука. Те повели охоту за беглецом по непроходимым ущельм и горам, именуемым ныне Вершиной Мира, успешно перехватив беглеца в одном из Бадахшанских ущелий, в северных отрогах Гиндукуша. Гучлук был убит, а голова его отправлена Чингиз-хану.

В летописях говорится, что, когда монгольский хан получил донесение Джэбэ о полной и решитель-

тельной победе, он не только не возликовал, но даже многозначительно посоветовал своему верному слуге не заноситься и всегда помнить о том, кому по праву принадлежит честь торжествовать победу. Он имел в виду себя. Хотя вся военная операция Джэбэ удостоилась всего лишь беглого замечания в исторических хрониках, во многих аспектах она была весьма примечательна.

Быстрота, с которой Джэбэ достиг Кашгара, не дала Гучлуку времени на организацию достойного отпора неприятелю и не оставила ему иного выхода, кроме бегства. К западу от Кашгара возвышался хребет, самый высокий пик которого достигал 25 000 футов, а горные перевалы и даже ущелья между горами располагались на высоте от десяти до пятнадцати тысяч футов, и имей беглец за своей спиной преследователей из любой другой армии мира, он наверняка чувствовал бы себя в полной безопасности, перейдя тайными тропами горы. Но обитатели степей, как это ни странно звучит, отважились преследовать его даже на Крыше мира. Отряд Джэбэ Нойона поднялся на высоту десять — пятнадцать тысяч футов и прошел на этой высоте три или четыре сотни миль. Когда в наше время исследователи решаются пройти тем же самым маршрутом, их награждают медалями географических обществ. Ни о чем подобном ни Джэбэ, да и ни один из людей его отряда даже не помышляли. Они совсем не готовились к исполнению этого дерзкого и удачного предприятия. Пока Джэбэ скакал на Кашгар, Джучи двигался на Алмалык, восставший против Гучлука и осаждаемый его войсками.

Приближение Джучи вынудило каракитаев и меркитов снять осаду с города. Войска каракитаев в панике бежали, Джучи вступил в город без боя и, заняв его, лишил Гучлука всякой надежды на успех, ибо теперь центр каракитайского государства находился в руках монголов. Операция Джучи, в сочетании с экспедицией Джэбэ, решила судьбу владычества каракитаев. Когда их города в бассейне реки Тарим оказались в руках Джэбэ, а поселения по реке Или и долине реки Эмель в руках Джучи, всякое сопротивление прекратилось.

Из Алмалыка Джучи повел свои войска на равнины, лежащие вдоль берегов Талас-реки, где в это время кочевали меркиты. Битва между монголами и их непокорными соплеменниками разыгралась где-то в окрестностях города Караку (к западу от реки Чу).

Трое из четырех меркитских вождей были убиты в бою, четвертый вместе с разрозненными остатками меркитского войска бежал в сторону города Джэнд, расположенного на берегу Сыр-Дарьи. Вот тогда-то монголы впервые столкнулись с хорезмшахом Мухаммедом.

За пять лет до описанных событий, приблизительно около 1213 года, хорезм-шах Мухаммед, воспользовавшись беспорядками в царстве каракитаев, вызванными дурным правлением Гучлука, рассорился со своим бывшим союзником Усманом, правителем Самарканда, и захватил его город. Затем он перенес свою столицу из Ургенча в Самарканд, таким образом увеличив свои владения вплоть до Бенакета на Сыр-Дарье, города, отошедшего к вла-



дениям Гучлука на основании заключенного между ними соглашения.

В течение двух последующих лет Мухаммед продолжал неуклонно продвигаться на юг, завоевывая земли Афганистана и Центральной Персии.

В Газни, в то время главном городе Афганистана, ибо Кабулу вплоть до XVI века предстояло пребывать в неизвестности, он узнал, что багдадский халиф, не на шутку встревоженный неожиданным возвышением Хорезма, пытается создать коалицию против него. Тогда в 1216 году Мухаммед вновь собрал армию и двинулся на запад, целью своего похода имея Багдад. Впрочем, намерение хорезмшахов отнять у аббасидских халифов Багдада светскую власть возникло в правление отца Ала-эд-Дина Мухаммеда — султана Текеша (1193—1200).

Город халифов из династии Аббасидов был спасен неожиданно выпавшим на горных перевалах Курдистана снегом, полностью блокировавшим все подступы к Междуречью Ирака. На увязшую в снегах армию хорезмийцев обрушились племена курдов, не дававшие захватчикам перевести дух. Большие потери в войсках, так и не увидевших неприятеля, вынудили Мухаммеда отступить. Сам он вернулся в Самарканд. Тем не менее, несмотря на неудачу последнего похода, владения его в настоящее время простирались от Инда (Синда) до гор Курдистана и от Индийского океана до степей, лежащих к северу от Сыр-Дарьи и Аральского моря.

Однако его поход на Багдад имел одно и очень серьезное последствие: багдадский халиф ан-Насир (1180—1225) был так напуган, что принялся всюду,

где только возможно, искать новых союзников в борьбе против хорезм-шаха. Одним из таких возможных союзников были монголы. Увы, как верно отметил В. В. Бартольд в своем сочинении по истории Востока, вражда халифа ан-Насира с хорезм-шахом Мухаммедом стала одной из причин гибели как династии Аббасидов, так и хорезм-шахов.

Слухи о великом монгольском завоевателе достигли ушей халифа, и тот искал способ заставить Чингиз-хана нанести удар по империи Мухаммеда*. Но еще в 1217 году, прежде чем между Самаркандом и Багдадом испортились отношения, Чингиз-хан отправил посольство к Мухаммеду, выразив надежду, что между ними всегда будут царить прочная дружба и взаимопонимание, но неустанно повторяя при этом, что правителю Хорезма надлежит воздержаться от какой-либо помощи Гучлуку, против которого готовилась война. Чингиз-хан также добавлял, что будет смотреть на Мухаммеда как на своего самого любимого сына — намек на явное превосходство монгольского владыки, который Мухаммед легко мог усмотреть посреди столь лестных выражений. Этот намек очень сильно разгневал хорезм-шаха, ведь за год до того, в 1216 году, его посольство лично убедилось в жесточайшем опустошении Китая.

Тем временем в делах великого Хорезма наметились разногласия. Мать Мухаммеда, султанша

* Историки Ал-Макризи, Ибн Васил и некоторые другие прямо говорят, что повелитель правоверных халиф ан-Насир подстрекал в своих посланиях Чингиз-хана напасть на страну хорезм-шаха.

Тюркан-хатун (в иных источниках Теркен-хатун), одна из тех властных женщин, которые никогда не желают смириться с тем, что сын уже вырос, по-прежнему цепко держала в своих руках дела правителя, вынуждая хорезм-шаха на каждом шагу следовать ее советам и исполнять ее волю. Постепенно она дошла до того, что составила политическую оппозицию султану. Это женщина происходила из племени тюрков-канглы, некогда вступивших на хорезмийскую службу и много десятилетий спустя сформировавших касту военной аристократии, неприкасаемую, надменную и могущественную. Их нынешнее положение пошатнулось, и все надежды свои они всецело возлагали на господство Тюркан-хатун. Именно в них она нашла себе самых ярых и верных сторонников. В случае необходимости тюркская гвардия могла оказать ей поддержку в любых возможных разногласиях с сыном.

Весной 1218 года из Хивы и Бухары в ставку Чингиз-хана прибыл торговый караван. Персидский историк Рашид эд-Дин (Рашид ад-Дин) говорит, что у монголов весьма ценились различные сорта тканей и подстилок и молва о прибыльности торговли с ними широко распространилась. Даже сам Чингиз-хан охотно торговался с купцами. Вскоре на обратном пути Чингиз-хан снарядил в Хорезм большой караван, с которым следовало 450 купцов-мусульман и с каждым из них по 2-3 человека от каждого племени монголов. На 500 верблюдах караван вез шелка из Китая, бобровые и собольи шкуры, огромное количество золотых и серебряных изделий. Когда он прибыл в Отрар, крепость,

охранявшую путь в Трансоксиану, правитель города тюрок Инальчик-хан (в некоторых источниках — Инальджук, Инальчук, Инал-хан), бывший дядей хорезм-шаха Мухаммеда по матери, велел схватить купцов и конфисковать их товары. К хорезм-шаху было послано донесение о захвате шпионов монгольского хана, что, без сомнения, звучало вполне правдоподобно.

Встревоженный правитель Хорезма потребовал незамедлительно провести следствие и примерно наказать виновных.

Инальчик-хан охотно выполнил повеление, присвоив большую часть конфискованных товаров себе. Все люди, сопровождавшие караван, были казнены. Однако один человек избежал казни и вернулся в Монголию.

Чингиз-хан, услышав из уст спасшегося купца о гибели каравана (хотя есть свидетельство, что уцелевший был простым погонщиком верблюдов), тотчас отправил к хорезм-шаху гонца с кратким, но ясным требованием незамедлительно предать губернатора Отрара в его руки, в противном случае угрожая начать войну. Мухаммед, опьяненный своим стремительным успехом и головокружительным взлетом к вершинам могущества, понимал, что не может предать своего ближайшего родственника мести монголов, и решил сам сделать первый шаг к войне.

Выслушав требование послов, он велел их казнить. Война была объявлена. Пути назад не было.

Однако, сколь ни высоко было его мнение о собственном военном могуществе, уже в самом

близком будущем ему предстояло пересмотреть свои взгляды на силу северо-восточного соседа.

Стремясь завладеть теми землями Гучлука, которые еще не попали в руки монголов, хорезм-шах направил свои войска в Фергану, жемчужину Мавераннахра, до сих пор не украсившую его владений.

С целью захвата Ферганской долины он повел войска на восток. Вскоре до него дошло известие о смерти Гучлука от руки Джэбэ. Одновременно ему донесли, что крупные силы меркитов уже находятся у Джэнды, на берегу Сыр-Дарьи. Тогда хорезм-шах повернул на север и повел войска к Джэнду, но не успел сразиться с меркитами. Отряд меркитов был уже разгромлен Джучи и Субудаем.

Как только хорезм-шах понял, что может столкнуться с победоносными силами еще очень малоизвестного народа, он сначала вернулся в Самарканд, пополнил ряды своих войск, доведя их число до 60 000 человек, и лишь тогда двинулся на север, в степи. Около города Караку он наткнулся на поле совсем недавно разразившейся здесь битвы, покрытое телами убитых, и среди них обнаружил одного тяжелораненого меркита, сообщившего ему о победе монголов и о том, что те совсем недавно оставили поле битвы.

Хорезм-шах поспешил по следу победителей и настиг их на следующий день.

Он уже выстроил войска для боя, когда Джучи, глава монгольского отряда, через гонца передал, что нет никаких причин для враждебного противостояния, ведь пока оба народа живут в мире и согла-

сии. Несомненно, Джучи еще ничего не было известно об ультиматуме Чингиз-хана и смерти монгольских послов.

Джучи уведомил хорезм-шаха, что действует по повелению отца, который строго наказал ему самым дружественным образом обходиться с людьми Хорезма, которых ему посчастливится встретить на своем пути, но добавил, что если Мухаммед в самом деле намерен сражаться, он не станет возражать против этого. Хорезм-шах, армия которого во много раз превосходила отряд Джучи, отказался даже слушать такую нелепицу. «Если Чингиз-хан и не дал тебе приказа нападать на меня, зато Аллах дал мне такое повеление, и я надеюсь заслужить его милость, уничтожив тебя вместе со всеми твоими нечестивыми язычниками», — сказал он посланцу Джучи, велел повторить это слово в слово.

По всей видимости, оправдывалась поговорка, хорошо известная на Востоке: «Кого Бог захочет погубить, того он в первую очередь лишит разума».

У монголов не было выбора — и они почти одержали победу. Их правый фланг разгромил левый фланг хорезмийской армии, они глубоко вклинились в центр неприятельских войск, которым командовал сам Мухаммед, и почти опрокинули его.

Хорезмийцев ждал неминуемый разгром, если бы сын Мухаммеда, Джелаль эд-Дин, не спас положение. Он командовал правым флангом и с успехом отразил атаку монгольского левого крыла, восстановив тем самым положение хорезмийских войск. Наступление темноты развело сражающихся. Монголы тихо отошли и стали лагерем неподалеку.

Они зажгли многочисленные лагерные костры, словно намереваясь остаться на поле боя и возобновить сражение на следующее утро; и снова военная хитрость возобладала там, где потерпела поражение военная сила. Едва забрезжил рассвет, хорезм-шах вдруг увидел, что монголы ушли и находятся уже вне пределов досягаемости, и преследовать их бесполезно.

Это странное происшествие запало ему в душу. Глубоко задумавшийся монарх вернулся в Самарканд, с горечью думая про себя, что никогда прежде он еще не сталкивался с подобным противником.

Итак, один важный результат экспедиция Джучи все же имела: монголы в бою испробовали силы хорезм-шаха, а тот, глубоко пораженный и встревоженный их военным могуществом, потерял всякое желание меряться с ними силами в открытом поле.

II

Когда известие о казни его послов дошло до Чингиз-хана, он объявил войну. Возможно, он уже давно обдумывал ее, но теперь у него был предлог. Весной 1219 года он начал сгонять лошадей и крупный рогатый скот в долины рек Кара-Иртыш и Кобук, где находились бескрайние пастбища сочных трав.

С наступлением осени он собрал здесь свои вой-

ска, созвав под белое знамя Великого хана представителей всех монгольских племен и приведя из Китая мастеров и инженеров для изготовления и обслуживания осадной техники, которую предстояло перевозить на вьючных животных и повозках. Общая численность его войск составляла 150 000 человек и приблизительно 15 000 инженеров, рабочих и мастеров при осадных машинах.

За войском следовали огромные табуны сменных лошадей, не менее двух на одного всадника, и бесчисленные стада крупного и мелкого скота.

Известия об этих приготовлениях достигли ушей Мухаммеда, и он решился на план, при помощи которого намеревался свести к минимуму, а может быть, и вовсе уничтожить силу яростного натиска монгольской конницы, однако в действительности ставшего причиной его поражения и обвинения этого правителя в военной бездарности и трусости.

Для того чтобы ясно представить суть проблемы, которая стояла перед хорезм-шахом, необходимо прежде всего описать земли, известные нам под названием Трансоксианы (междуречье Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи), а восточными авторами называемое Мавераннахром.

Наиболее густонаселенными и экономически развитыми центрами этих земель являлись города Бухара и Самарканд, а также оазис Нахшаб (Нахшеб), в котором стоят до сих пор Шахрисабз и Карши. Долина реки Зерафшан пересекает междуречье как раз от Бухары до Самарканда и населена не менее густо.

Между этими благословенными уголками земли и Аральским морем лежат пустынные степи, получившие название Кызыл-кумы, или Красные пески, представляющие собой в действительности тяжелый, плотный, высушенный солнцем глинозем, на котором произрастает растительность, характерная для таких мест — тамариск, саксаул, а после таяния снегов — обильные сочные травы, весьма немаловажное подспорье для огромной конной армии, в особенности если учесть склонность монгольских лошадок к этому виду корма. Однако летняя жара быстро иссушает и губит зеленый покров степей, и уже в июне жухлые травы совершенно непригодны в пищу. На восток от Зерафшанского пояса активного земледелия и богатых оживленных городов вздымаются горы, и чем дальше они уходят, тем выше и неприступней становятся — до тех пор, пока последней и единственной связующей артерией между Оксом (Аму-Дарьей) и Яксартом (Сыр-Дарьей) не остается одна лишь долина Вахша.

Сельское хозяйство в Трансоксиане целиком зависит от ирригации, и каналы требуют постоянного внимания и заботы во избежание засорения их илом и заносами песка. Совершенно очевидно, что защита этих территорий против вторжения с севера было делом очень трудным.

На всем протяжении реки Яксарт (Сыр-Дарья), служившей единственной надежной границей междуречья, существовала всего лишь одна коммуникационная линия, удобная для передвижения войск, — широкая дорога, ведущая из Самарканда

в Бенакет. Река и горы в одинаковой мере способствовали как наступающим, так обороняющимся, ибо если полководец, защищая города, лежащие к северу от Сыр-Дарьи, решился бы встретить врага на ее рубеже, он непременно подвергся бы риску сражаться, имея в своем тылу широкую реку и перспективу полного разгрома в случае поражения. Если же полководцем принималось решение перейти горы и углубиться в пустынные степи с силами, достаточными для встречи с противником, он был бы вынужден вести снабжение армии или отступить по одной единственной дороге — я имею в виду долину реки Арысь. С другой стороны, решишь он использовать реку в качестве естественного оборонительного рубежа, он непременно терял города, стоящие на северном берегу Сыр-Дарьи.

Один из современных критиков военной стратегии хорезм-шаха заметил, что ее слабым звеном была слишком большая разбросанность и разобщенность его сил. Но почему-то никому не приходило в голову задаться вопросом, где же именно он мог бы их сконцентрировать. Военный опыт хорезм-шаха основывался на глубоком знании поведения в войне тех тюркских кочевников, которые издревле обитали в пустыне Кызыл-кумы, и опыт этот подсказывал ему, что и монголы, подобно тюркским степнякам, будут совершенно беспомощны перед стенами укрепленных городов — он ничего не знал о китайских инженерах и их осадных орудиях.

Его оборонительный план был таков. Он размещает сильные гарнизоны в городах к северу от Сыр-Дарьи — в один только Отрар было послано

не менее 50 000 человек — и концентрирует основные силы своей армии, 60 000 тюркских конных гвардейцев из племени канглы и 50 000 пехотинцев, в Самарканде, по всей видимости, надеясь нанести монголам неожиданный и сильный контрудар с тыла, когда те займутся грабежом внутренних территорий Мавераннахра. Таким образом, он пропускал монголов в глубь своей страны, позволяя им безнаказанно грабить и убивать сельское население, не успевшее укрыться за стенами городов.

Вся армия хорезм-шаха имела не менее 400 000 хорошо вооруженных и превосходно обученных бойцов, но большая ее часть, — вероятно, более половины, — была расквартирована в Персии и городах Афганистана, потому что именно эти земли его совсем недавно созданной империи требовали самого пристального внимания и наблюдения. Хорезм-шах опасался как внутренних восстаний, так и внешних вторжений.

Его план провалился потому, что монголы уже умели штурмом брать любые укрепления. И не пояись на исторической сцене Чингиз-хан, историки посчитали бы способность Мухаммеда завоевывать и организовывать огромные территории в единую империю несомненным доказательством его сверхъестественной гениальности, а трусость и нерешительность этого человека посчитали бы благоразумием и мудрой предусмотрительностью.

Однако история распорядилась иначе. Поздней осенью 1219 года Чингиз-хан завершил свои приготовления на Кара-Иртыше и как только наступили холода, сразу привел свое войско в движение.

Зима была для него обычным временем начала военных кампаний. Реки уже бежали подо льдом, а болота и топи, промерзшие буквально до самого дна от сибирских морозов, не представляли ни малейшей преграды для его конницы. Наступило любимое монголами время года.

Стремительным маршем — следовало бы сказать лавиной — спустился он вниз на Джунгарское плато и прорвался сквозь Джунгарские ворота, представляющие собой огромное ущелье (6—10 миль в ширину и около 50 в длину), которое отделяет хребет Барлык от горного хребта Алатау. Благодаря воронкообразной форме ущелья ветры приобретают в нем сокрушительную силу, подчас делая всякое движение совершенно невозможным. Эти мощные воздушные потоки, называемые местным словом «буран», превышают скорость 70 миль в час, и зимой люди и лошади очень часто замерзают насмерть, если такой «буран» встречается на их пути.

Именно поэтому караваны не пользовались этими маршрутами, предпочитая крутые и более трудные горные тропы. Племена же воинственных кочевников всегда шли через Джунгарские ворота. В свое время гунны и другие воинственные народы прошли сквозь этот коридор в горах. Теперь же волны еще более страшной и разрушительной силы хлынули на Среднюю Азию в начале зимы 1219 года от рождества Христова. Отряд Джагатая двигался по караванному пути, лежащему между рекой Кобук и Алмалыком. Этот караванный маршрут соединяется с большой караванной дорогой Пе-Лу в Кур-кара-узу, к востоку от озера Эби-Нур, и

устремляется прямо на запад, постепенно поднимаясь с высоты 700 футов у Эби-Нур до 7500 футов у Сайрам-Нур (между которыми было расстояние в 70 миль), а потом круто спускается к Алмалыку по горному ущелью с протекающей по нему рекой Талкой.

Даосский монах Чан Чунь рассказывает, что Джагатаю пришлось построить не менее сорока восьми мостов, чтобы сделать описанный выше маршрут более пригодным для движения его армии и ее многочисленного обоза. На реке Арысь монгольская армия разделилась на четыре корпуса. Первый, возглавляемый Джагатаем и Угэдэем (Огдаем), двинулся напрямик и осадил Отрар, ключевой форпост в устье реки Арысь. Джучи принял командование вторым корпусом, численностью до четырех тумэнов, поскакал вниз по долине реки Арысь, обогнув Отрар, и повернул на северо-запад, имея своей целью город Джэнд, стоящий на Сыр-Дарье.

Третий корпус, около 5 000 человек, вышел к Отрару тем же маршрутом, что и два первых, но повернул на юг, прошел вниз по Сыр-Дарье и осадил Банакет.

Четвертый отряд силою до 50 000 человек во главе с самим Чингиз-ханом, при котором находился Туле, его четвертый сын, оставался в тылу.

Совершенно очевидно, что прежде чем действовать против Самарканда Чингиз-хан должен был очистить Яксарт (Сыр-Дарью) от оборонявших ее крупных неприятельских сил. План наступления, одобренный им, требует особого пояснения.

Численность третьего корпуса, всего лишь

полтумэна, под командованием Алак Нойона, Сонгту и Тугая указывает на то, что у него было две задачи: первая — обеспечить безопасное форсирование реки Ангрэн, подле которой стоял Бенакет, через него шла дорога на Самарканд, и вторая, не менее важная, — в случае, если Мухаммеда удастся выманить за стены Самарканда, встретить его в открытом поле и разгромить. Без сомнения, Чингизхан желал встретиться со своим противником в открытом бою. Собственно, для этого и выставлялся вперед один и довольно слабый отряд. Хорезм-шах должен был клюнуть на приманку.

Свойственная монголам практика полного уничтожения населения завоевываемых земель была еще мало известна хорезм-шаху. С его точки зрения, оборонительное сражение у стен Отрара была стратегически наиболее желательно, ибо с имеющейся в его распоряжении армией в 100 000 человек, подходившей к городу с востока, и силами 60-тысячного гарнизона в самом городе можно было надеяться зажать Джагатая и Угэдэя (Огдая) между двух огней.

Но, глядя на ситуацию глазами Чингизхана, мы легко можем представить, как должны были развернуться события: в случае угрозы монгольскому отряду, стоящему у Отрара, третий корпус сразу отступит от Бенакета и соединится с ним, Джучи тоже поспешит вернуться с низовой реки, на подмогу Угэдэю (Огдаю) и Джагатаю, и когда завяжется сражение, Чингизхан и Туле, как гром среди ясного неба, нанесут молниеносный удар во фланг и тыл хорезмийской армии.

Если нам возразят, что подобный план целиком зависит от точности и слаженности действий широко разбросанных сил, следует возразить на это, что монголы прекрасно справились с подобным маневром в самых различных условиях.

Однако решающего сражения не произошло: Мухаммед так и не решился выйти за крепостные стены, и все три монгольских корпуса начали методичное уничтожение всех очагов сопротивления вдоль берегов Сыр-Дарьи, более не опасаясь вмешательства хорезм-шаха.

Теперь Чингиз-хан решил прибегнуть к хитрости. Он прослышал о разногласиях между хорезм-шахом и его матерью и решил воспользоваться ими.

Историк Ан-Насави в своем «Жизнеописании Джелаль эд-Дина, сына Мухаммеда» так рассказывает об этом: «К Чингиз-хану явился Бадр эд-Дин ал-Амид, замещавший визира султана в стране тюрок. Бадр эд-Дин ненавидел султана (хорезм-шаха) за то, что тот убил его отца, кади ал-Амида Саада, его дядю по отцу, кади Мансура, и нескольких его двоюродных братьев по отцу. И придя к ужасному Чингиз-хану, он сказал: «У меня есть мысль, чтобы ты применил против него хитрость, вследствие которой он сам стал бы подозревать эмиров своих войск». Бадр эд-Дин сказал, что между султаном и его матерью воцарилась неприязнь и возникли раздоры. Беседа продолжалась, пока они не условились, что Бадр эд-Дин ал-Амид подделает письма от имени военачальников — родственников матери султана Мухаммеда, упоминая в них о том, что де «мы с нашими племенами пришли из страны тю-

рок к султану, желая лишь верно служить его матери. И мы помогали ему против всех государей земли, пока он не завладел ею. И вот теперь изменилось его намерение в отношении прав его матери: он ведет себя заносчиво и непочтительно, хотя раньше во всем слушал ее.

Поэтому она приказывает оставить его без помощи. А мы ожидаем твоего (т. е. Чингиз-хана) прихода, чтобы следовать твоей воле и твоему желанию».

Чингиз-хан отправил эти письма через одного из своих приближенных, якобы совершившего побег. Тот распространял их, и мир помрачился в глазах султана и ослабела его решимость.

Чингиз-хан послал одного из верных ему людей к Тюркан-хатун в Хорезм, и тот так передал ей: «Мне известно, как непочтительно поступил твой сын в отношении твоих прав. Теперь, с согласия его эмиров, я выступаю против него, но не стану нападать на те области, которыми владеешь ты.

Если ты принимаешь это, то пришли ко мне кого-нибудь, кто удостоверит тебе мое обязательство, а затем тебе будут отданы Хорезм, Хорасан и то, что соседствует с ними по ту сторону Джейхуна (Аму-Дарьи)».

Ответом ее на это послание было то, что в скором времени она в страхе выехала из Хорезма и оставила его на произвол судьбы»*.

* *Ан-Насави*. «Жизнеописание султана Джелаль эд-Дина Манкбурны», глава 17. Перевод З. М. Бунятова. М.: «Восточная литература», 1996.

Итак, поддельные письма попали в руки хорезм-шаха... Цель монгольского хана была достигнута. Мухаммед перестал доверять своей тюркской гвардии и тем военачальникам, которые пользовались авторитетом в глазах его матери. В верхах хорезмийской армии наметился разлад.

Но, несмотря на это, Отрар отчаянно сопротивлялся. Город был хорошо укреплен, удобно расположен, имел мощный гарнизон. Командовал им тот самый Инальчик (Инальджук, Инал-хан), на руках которого была кровь монгольских и мусульманских купцов — и, быть может, лазутчиков, уже известного нам каравана. Инальчик (Инальджук), человек алчный и жестокий, но воин испытанной отваги и большого военного мастерства, природная смелость которого укреплялась и удесятерялась еще и осознанием того, что никаких надежд на спасение и пощаду у него нет, дрался как лев.

Крепость продержалась пять месяцев, с декабря по май, а затем тюрки-канглы, не видя никаких шансов на спасение, решили подороже продать свою жизнь, сделав попытку прорвать ряды осаждающих. Монголы настигли отряд на берегу Сыр-Дарьи и изрубили его.

Иналь-хан (Инальджук), поняв, что бессмысленно долее оборонять городские стены, обращенные в руины, отступил к городской цитадели с остатками войска и укрепился в ней. С ним было не менее 20 000 человек. Монголы обложили его со всех сторон.

Защитники выпустили все стрелы, сломали свои

мечи о головы врагов и долгое время отбивались выломанными из стен камнями. Наконец, цитадель вместе с последними защитниками была взята. Монголы схватили Инал-хана, и Чингиз-хан велел расплавленным серебром залить ему глаза и уши в наказание за алчность, выказанную при разграблении каравана.

Тем временем Джучи шел к устью реки Сыр-Дарьи. Первым городом на его пути был Сыгнак и он предложил ему сдаться. Городская чернь убила его посла, после чего Джучи осадными машинами разрушил часть стены и непрерывными атаками вынудил осажденных к сдаче. Через семь дней после начала осады он был в городе и в наказание за смерть посла умертвил всех его жителей. Продолжая свой путь, он взял и разграбил Озкенд, Бархалигкент и Эшнас, решив предать опустошению весь северный берег Сыр-Дарьи, чтобы не оставлять в тылу даже малейших очагов сопротивления, когда монголы перейдут реку. Когда он достиг Джэнда, наиболее важного города между Отраром и Аральским морем, то, овладев им, вывел всех жителей из города и разграбил его. Чтобы завершить покорение северного берега реки, он послал отряд в Янгикент (Енгикент), расположенный в сорока милях от Аральского моря. События эти произошли в марте 1220 года. Затем Джучи поставил верных ему людей в уцелевших от разрушения городах и соединился с четвертой армией во главе с Чингиз-ханом, двигавшейся на Самарканд.

Как мы знаем, третий отряд, двигавшийся вверх по реке, стоял под Бенакетом. Гарнизон города со-

стоял из тюрок племени канглы, кочевников, проживающих к северу от Сыр-Дарьи и Аральского моря.

Когда монголы пообещали им жизнь в обмен на капитуляцию, те сдались и открыли ворота. Увы, никакие клятвы и обещания не могли заставить монголов выполнить их, если речь шла о врагах — все тюрки были умерщвлены, едва монголы вошли в город; они оставили в живых лишь тех, кто мог им в будущем пригодиться, — ремесленников и оружейных мастеров. Затем они подошли к Ходженду, ибо взятие этого города прервало бы всякую возможность получения подкреплений из Ферганы. Этот древний город, пятнадцать столетий тому назад захваченный войсками Александра Македонского и названный Александрией Эсхатой, находился под властью мужественного тюрка Тимур Мелика. Он перевел свой маленький гарнизон (всего 1000 бойцов) на остров посередине Сыр-Дарьи и отказался сдаваться. Монголы безуспешно пытались сломить его сопротивление, пока Чингиз-хан не послал их отряду мощные подкрепления и 15 000 пленных «таджиков» (ибо на персидском языке слово «таджик» означает то же, что «феллах» на арабском, а именно: крестьянина, бедного поселянина) для тяжелых работ под командованием монголов. Захватчики заставили их работать на сооружении дамбы, ведущей от берега реки к острову, и были совершенно безучастны к потерям среди пленных, вызванным стрелами осажденных.

Тимур Мелик, видя, что конец близок, посадил свой отряд на корабли и лодки и покинул ост-

ров. Чтобы помешать ему уйти вниз по реке, монголы протянули через нее цепь в том месте, где ныне водный поток пересекает паром, связующий дорогу, ведущую из Самарканда в Бенакет. Однако цепь была прорвана, и флотилия проследовала далее под охраной монголов, неотступно следовавших за ней по берегу. Монголы не хотели упускать добычу.

У города Джэнда ими был построен лодочный мост через Сыр-Дарью, полностью блокировавший ее русло, по берегам расставлены катапульты, которые нанесли жестокий урон баркам Тимур Мелика, вынудив его высадиться на берег и попытаться спастись. Едва ли не в полном одиночестве пробился он сквозь ряды монгольской конницы и добрался до Ургенча. Он горел желанием сразиться с монголами до конца. Позднее, собрав маленький отряд, он пересек пустыню, атаковал и убил монгольского градоначальника Янгикента (Енгикента).

Чингиз-хан не вел никаких активных боевых действий, пока Джучи освобождал от противника Яксарт (Сыр-Дарью). Как мы уже знаем, ему удалось заронить семена раздора и смятения в сердце хорезм-шаха. А тот, терзаемый сомнениями, мучимый страхами перед зреющими всюду заговорами, продолжал упорно придерживаться тактики пассивной обороны, в то время как его пограничные крепости одна за другой попадали в руки монголов.

Пока он упорствовал в бездействии, Чингиз-хан, видя, что Мухаммед не собирается идти в горы, решил сам прийти к Мухаммеду.

Во главе 50-тысячного конного войска и двух больших обозов с осадными машинами он подо-

шел к Бенакету. Недалеко от города он форсировал Сыр-Дарью и повел силы на Джизак*, находящийся на полпути от Самарканда в Бенакет.

Дорога между Бенакетом и Джизаком пересекает засушливые районы, известные под названием «голодной степи» — на протяжении 80 миль на поверку оказывающейся выжженной и бесплодной пустыней. Таким образом, самым своим местоположением Джизак был весьма важным форпостом сельскохозяйственного пояса, потому что именно он был последним городом плодородных долин Самарканда. Из Джизака в Самарканд вела узкая долина, лежащая между пологими горами, ныне известная как «Ворота Тамерлана», ибо и в его время Джизак был стратегически важной сторожевой крепостью. Взят он был скорее, чем можно было предполагать. Обманчив оказался вид грозной крепости. После этого монголы не сразу пошли на Самарканд. Прежде они избрали своей целью город Нур и путь, который они прошли, много веков спустя назывался Путем Великого хана. Он пролегал по пескам пустыни вдоль хребта Нуратау. Нур был захвачен врасплох. Будучи совершенно уверен в своей безопасности с севера, со стороны пустыни, город неожиданно увидел большое войско у своих ворот и вынужден был покориться. Чингиз-хан пощадил город. Из Нура он двинулся прямо на Буха-

* Так утверждает Ховорс (Howorth), в то время как д'Оссон и некоторые другие историки называют город именем Зернук или Сертак, а иногда и Джизак-Сертак. Я склоняюсь к мнению Ховорса, полагавшего, что речь идет об одном и том же городе.

ру и достиг города в марте 1220 года. Двадцатитысячный гарнизон защищался несколько дней, однако измена в его рядах и бездействие хорезм-шаха вызвали среди бойцов такое уныние и падение дисциплины, что положение можно было считать безнадежным.

Отряд гарнизонной конницы дезертировал и добрался до Аму-Дарьи, но монголы настигли его и истребили. Жители Бухары, оставшись совершенно беззащитными, открыли ворота.



Монгольское войско

Со ступеней Великой Бухарской мечети Чингиз-хан приказал войску найти корм для своих ло-

шадей, иначе говоря позволил приступить к грабежу; и на протяжении нескольких дней монголы предавались оргии насилия, разрушения и убийства. Немногие уцелевшие богачи сделались нищими, вынужденные добровольно во имя спасения жизни расстаться со своим богатством.

Не добившись решительной победы в открытом сражении, Чингиз-хан решил перейти к исполнению второго, ранее отложенного, плана.

Взятие Джизака должно было послужить для Мухаммеда предзнаменованием скорого появления монголов под Самаркандом. До хорезм-шаха уже дошло известие о том, что Чингиз-хан взял Нур и что совсем недавно пала Бухара.

Однако, даже после таких печальных известий, он продолжал целиком полагаться на мощь стен своей столицы, и Чингиз-хан, хорошо поняв желание врага, решил совершенно изолировать Самарканд от внешнего мира, оставив столицу в одиночестве посреди разрушенных и сожженных городов и селений. Вместо того чтобы сразу, одним ударом обрушиться на столичный город, Чингиз-хан решил нанести первый удар по более слабым пунктам обороны противника, лишив тем самым Самарканд и стратегического значения, и какой-либо надежды на успех в дальнейшей войне.

Поэтому только уничтожив Бухару как центр сопротивления, Чингиз-хан с ее сожженных руин повел свои войска долиной Зерафшана к Самарканду. Хорезм-шах Мухаммед не стал ждать его прихода. Когда новость о падении Бухары достигла его



Оборона Самарканда от войск Чингиз-хана

ушей, он оставил Самарканд и бежал в свои южные владения. Между тем Чингиз-хан, двигаясь Зерафшанской долиной, оставлял в тылу своего войска отряды, которые должны были взять штурмом или заставить капитулировать маленькие крепости и форты, еще уцелевшие в этой густонаселенной долине. Прежде чем он достиг стен Самарканда, из огромного количества пленных были сформированы специальные строительные отряды во главе с китайскими инженерами и военными мастерами, которым предстояло поработать при осаде мощных стен столицы хорезм-шаха. Каждый такой отряд получил собственное знамя. Когда войско монголов вместе со строительными отрядами появилось у стен города, всякому наблюдавшему за ним оно показалось в два раза большим, чем было в действительности.

Самарканд был не только столицей Мавераннахра, но также и одним из крупнейших торговых центров мира. Сюда сходились древнейшие торговые пути с запада и востока. Здесь размещались самые большие рынки, караван-сарай и торговые склады. Город окружала стена длиной в 10 миль, имевшая множество башен и 20 железных ворот. Гарнизон города состоял из 110 000 человек и 20 боевых слонов. Но вся эта боевая мощь не стоила ничего и совершенно ни к чему не была пригодна.

Тюрки дезертировали и присоединились к монголам, признав в них своих дальних родственников, каковыми, в сущности, они и были. За исключением 10 000 человек, укрывшихся в городской ци-

тадели, весь остальной мощный гарнизон столицы сумел продержаться против монголов лишь несколько дней, а потом, в надежде, что ему сохранят жизнь, сложил оружие.

Ворота Самарканда были открыты, и монголы ворвались в город. Случилось это в апреле 1220 года.

Прежде всего все солдаты столичного гарнизона были вероломно умерщвлены, а горожанам, желавшим сохранить себе жизнь, пришлось заплатить выкуп, расставшись со всем нажитым имуществом. Следом за этим монголы собрали всех тюркских дезертиров, своих родичей, в одном месте, окружили их и хладнокровно перерезали. Город был разграблен, все ремесленники и опытные мастера какого-либо дела обращены в рабов; и таких рабов набралось не менее 60 000 человек.

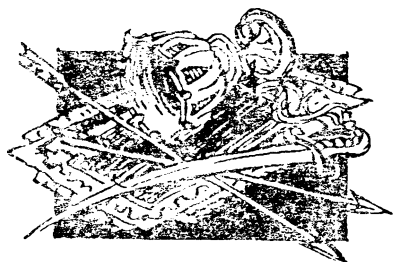
Еще до взятия Самарканда к Чингиз-хану подошли крупные подкрепления — еще один пример монгольской способности концентрировать свои войска перед решительным сражением.

Из числа вновь прибывших Чингиз-хан отправил два тумэна под командованием Джэбэ и Субудая преследовать хорезм-шаха Мухаммеда. Так началась знаменитая экспедиция, имевшая далеко идущие последствия, все подробности которой будут изложены нами в следующей главе.

Цитадель Самарканда продержалась еще месяц, прежде чем монголам в конце концов удалось овладеть ею.

Приближалось лето. Чингиз-хан оставил знойный Самарканд и повел свое войско в зеленый оазис

Нахшаб, в котором находились города Карши и Шахрисабз. Здесь он стоял лагерем до сентября следующего года. Кстати, именно в этих местах располагал на отдых свои утомленные фаланги и Александр Македонский.

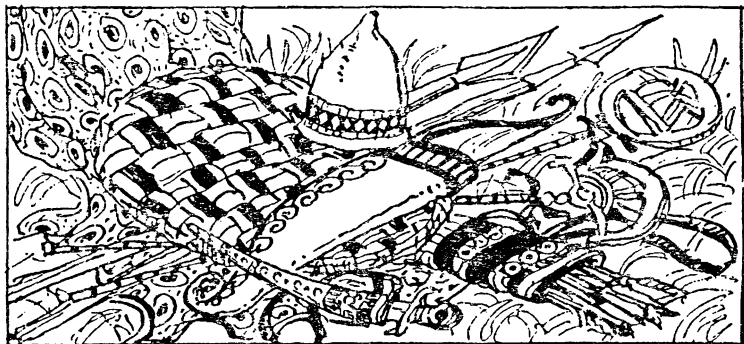




Глава V

Великий поход Джэбэ и Субудая





Они растоптали все народы, ставшие на их пути, прошли сквозь врата Дербента, перешли Волгу и пустыни, и завершили свой путь вокруг Каспийского моря — таков итог похода, на который никто не отваживался доселе и который никто не смог повторить.

Эдвард Гиббон. История упадка и падения Римской империи.

Когда зимой 1219—1220 годов монголы опустошали земли к северу от Яксарта (Сыр-Дарьи), хорезм-шах (или иначе султан-шах) Ала-эд-Дин Мухаммед укрепился в своей новой столице, городе Самарканде. Он рассчитывал на то, что кочевники из степей Центральной Азии окажутся бессильны перед стенами пограничных крепостей и, насытившись добычей, уйдут. Вскоре, однако, его ждало жестокое разочарование. Монгольские армии представляли собой нечто совершенно новое и необычное на взгляд воинов Хорезма, Мавераннахра, Аф-

ганистана и Ирана. Они не только опустошали поля, но и были оснащены превосходной осадной техникой, и до слуха изумленного хорезм-шаха стали доходить одна за другой новости о падении его крепостей.

Когда же в предгорьях растаял снег, пришло сообщение, что войско во главе с самим Чингизханом, взяв Джизак, Нур Бухарский и саму великую прекрасную Бухару, идет прямо на Самарканд. У Мухаммеда в стенах Самарканда было свыше 100 000 вооруженных бойцов, в то время как гарнизон Бухары едва ли превышал 30 000 человек. Но быстрота, с какой приближались монголы, и необычность их стратегического плана внушали страх повелителю Хорезма и усиливали его колебания.

Больше всего он рассчитывал на то, что Бухара с ее великолепными мощными стенами окажется не по зубам монголам и те, начав испытывать недостаток в продовольствии в местностях, ими разоренных, уйдут на север — в степи Приаралья. Такой поворот событий был бы не только спасением для правителя Хорезма, он укрепил бы его уверенность в правильности избранной им стратегии обороны и воодушевил бы его войска. Хорезм-шах был убежден в том, что любая из армий цивилизованного мира, оказавшись в подобном положении, была бы в значительной мере ослаблена и дезорганизована угрозой надвигающегося голода, если бы, в свою очередь, и гарнизон Бухары оказал решительное сопротивление. В истории хорошо известны случаи, когда разрушения и опустошения, произведенные одной из воюющих сторон, оборачива-

лись в определенный момент времени против нее самой.

Окрестности Бухары представляли собой безлюдную пустыню. И, по всей видимости, именно на это уповал в первую очередь правитель Хорезма. Увы, Бухара практически не сопротивлялась. Голод и мор не поразили монголов. Хитрость не спасла труса, хотя прежде она нередко помогала ему в создании огромной империи. Почва ушла у него из-под ног, когда первые вести о падении Бухары, мощной крепости, не выказавшей даже видимости сопротивления, дошли до его ушей.

Мы можем судить лишь о делах Мухаммеда. Никаких письменных документов, касающихся разработанного им плана ведения войны, как и приказов, им отданных, не сохранилось. Все погибло от рук монголов. Они уничтожили все книгохранилища и архивы, все бумаги дворцовой канцелярии хорезм-шаха, так же как и его писцов. Действительно, даже записи бухарских евреев датируются самое раннее 1220 годом, хотя представители этого народа появились в Бухаре за тысячу лет до монгольского нашествия.

Бедя Мухаммеда заключалась в том, что он был парализован страхом перед возможной, таящейся во всех частях его необъятного государства, изменой, и, справедливости ради, следует сказать, что быстрота, с какой Чингиз-хан взял Бухару, полностью оправдала эти страхи. Если уж Бухара так легко оказалась в руках «разрушителя царств», что было говорить о Самарканде? Возможно ли в подобных обстоятельствах было доверять силе, — а главное

верности, — его гарнизона. И хорезм-шах не стал ждать. Вместе с сыновьями он тайно выехал из города и поскакал в Карши, что в оазисе Нахшаб, говоря жителям местностей, через которые проезжал, что отныне они сами должны позаботиться о собственной безопасности, ибо он, правитель, уже не в силах чем-либо им помочь.

Наиболее опытные его военачальники указывали на то, что с падением Бухары Трансоксиану (Мавераннахр) не удержать. И он бежал к Оксу (Аму-Дарье), намереваясь сделать все возможное, чтобы удержать Хорасан и Персию. Его сын Желаль эд-Дин заклинал его собрать все годные войска и держать линию обороны по Аму-Дарье, но прочие советники умоляли не рисковать и отсидеться в Газни, начав именно там собирать армию среди горцев Афганистана. «Наконец, — заклинал его Желаль эд-Дин, — давайте же сделаем хоть что-нибудь, ибо, даже если мы будем разбиты, народ не скажет, что, взимая с него тяжкие подати и налоги в дни мира, мы бросили его одного на растерзание врагам в дни войны».

Хорезм-шах, как свойственно всем нерешительным людям, столкнувшись лицом к лицу с отвагой и решимостью молодости, отнесся к настойчивым просьбам принца как к советам неопытного юнца и продолжил бегство. В Балхе, узнав о падении Самарканда, он решил бежать в западную Персию, где мог собрать под свои знамена расквартированные там хорезмийские и персидские войска, а потому под охраной сильного тюркского эскорта направился в Хорасан. Но даже в кругу самых верных

ему людей его поджидала измена. До его ушей дошли новые сведения о заговоре, зреющем среди людей его свиты. Хорезм-шах был потрясен известием, что ближайшие сподвижники намерены его убить. Несчастному монарху пришлось каждую ночь менять шатер, а однажды утром один из шатров, в котором, как полагали, он должен был ночевать, был насквозь пробит и засыпан стрелами.

В спешке Мухаммед скакал в Нишапур, прибыл в него 18 апреля, и там начал подготовку к созданию армии, твердо веря в то, что монголы не перейдут Аму-Дарью. Однако скоро пришли вести, что крупные монгольские силы форсировали Аму-Дарью и вступили в Хорасан.

Хорезм-шах не знал, что и думать, а главное, что предпринять в подобных условиях. Монголы шли за ним. Он понимал, что является целью их неотступного преследования, и это лишало его последних сил. Едва превозмогая страх, он объявил о срочном выезде на шахскую охоту и бежал (12 мая) в западную Персию.

Напомним, что Чингиз-хан, едва достигнув Самарканда, получил информацию о бегстве хорезм-шаха. Отдавая себе отчет в том, что противник его не оставит попыток оказать сопротивление и не сойдет с тропы войны, он отрядил 20 000 человек из своей армии (т. е. 2 тумэна) под командованием Джэбэ Нойона и Субудая Багатура, повелев им, не подвергая себя и своих людей ненужному риску, выяснить, где находится хорезм-шах и каковы его планы. В случае, если тот уже стоит во главе большой армии, монгольским военачальникам было

строго приказано в бой не вступать, но, продолжая непрерывное, неусыпное наблюдение за врагом, тотчас послать гонцов в ставку Великого хана и ждать подкрепления. Если же Мухаммед пожелает спасти свое брренное существование бегством, Джэбэ и Субудай должны были преследовать его и взять в плен. Началось преследование, по отваге и военному мастерству сравнимое с лучшими военными деяниями прошлого. Джэбэ и Субудай сразу за Самаркандом напали на след скрывающегося от монголов правителя. Продолжая путь, они перешли Аму-Дарью у города Келиф. Существует несколько рассказов о том, каким образом монголы осуществили эту переправу. Они помогут понять, как ими форсировались все крупные реки. Один из способов описан у историка Ибн аль-Асира: «Они смастерили из дерева нечто вроде больших водопойных корыт, обтянули их бычьими шкурами, чтобы в них не проникала вода, положили в них свое оружие и свой скарб, пустили лошадей в воду, уцепившись за хвосты их, прикрепив к себе эти деревянные корыта, так что лошадь тащила за собой человека, а человек тащил корыто, и так переправились все за один раз». Вероятно, что Ибн аль-Асир не вполне правильно понял рассказ своего источника. Столь же странно звучит и другой рассказ. В соответствии с ним, монголы набили сухими ветвями кожаные бурдюки, которые всегда возили привязанными к седлу, и сделали из них нечто похожее на плоты, положили на них оружие и, держась одной рукой за плот, а другой за гриву своего коня, переплыли реку все сразу за один день.

Иначе и, вероятно, много вернее рассказывает об этом Плано Карпини: обратим особое внимание на его рассказ: «У начальников монголов есть крепкая и легкая кожа, в которой кругом проделаны петли, через петли продевали веревку и стягивали так, что внутри круга образовывалось как бы вместительное, которое наполняют одеждой, оружием и другими вещами и крепко завязывают; после этого в середину кладут седла и более твердые предметы. Люди садятся посередине, приготовленное таким образом судно привязывают к хвосту лошади, и одного человека, правящего лошадей, пускают вплавь, остальные лошади следуют за первой. Более бедные обязаны иметь каждый по кожаному мешку или кошель, хорошо и прочно сшитому, в такой кошель или мешок они кладут одежду и все свои вещи, а сверху крепко связывают его, привязывают к хвосту лошади и переправляются, как описано выше»*.

Как видим, три различных описания способны дать достаточно точную картину того, как переправлялось через реки монгольское войско. Первым городом, встреченным ими на пути, был Балх, тотчас же выславший депутацию с изъявлением покорности и предложением сдачи. Целью монголов был Мухаммед, и они вполне удовлетворились, оставив в городе своего губернатора. Дальше лежал Хорасан. Город Турбет-и-Хайдари (иначе Торбете-Хейдери) закрыл ворота. Все его население высыпало

* Карпини Плано. История монголов. М., 1957 (прим. переводчика).

на стены, и монголы сначала прошли мимо него. Однако, хорошенько подумав, вернулись, штурмом взяли город и перебили жителей, предав городские строения огню. И в дальнейшем, двигаясь все далее на запад, они обращались с городами на своем пути в полном соответствии с поведением и мощью последних.



Субудай

В городах, покорившихся без сопротивления, ставился монгольский градоначальник. Города, слишком сильные для того, чтобы их взять с ходу, игнорировались. Ими предстояло заняться основным силам монгольского войска. С другой стороны, слабо укрепленные или имеющие какие-либо недостатки в системе обороны и, по несчастью или из-за незнания монголов, отказавшиеся капитулировать, беспощадно грабились и разрушались.

Возле города Нишапура в самом начале июля монголы захватили несколько несчастных горожан и, подвергнув их пыткам, вырвали обрывочные сведения о том, что знал уже весь город — Мухаммед бежал из него. Монголы истребили высланный против них правителем города небольшой отряд, состоящий всего-навсего из тысячи храбрецов. Подскакав к самым стенам города, Джэбэ предложил гарнизону сдаться и услышал в ответ, что город останется верен хорезм-шаху и пока тот жив, не откроет ворота неприятелю. Джэбэ пригрозил начать штурм, однако, хорошо понимая его трудность, в конце концов нехотя согласился отступить при условии, что его людям, а потом и всем проходящим мимо Нишапура монгольским отрядам всегда будет даваться все необходимое. В противном случае он обещал вернуться и разрушить город до основания. И добавил к этому, чтобы впредь горожане не смели укреплять городские стены, вооружаться сверх меры; а равно же убоялись бы увеличивать число солдат городского гарнизона. «Не пытайтесь воде противопоставить огонь», — сказал он на прощание. Так решив это дело, он повел свой отряд дорогой, лежащей между городами и Великой Соляной пустыней (Дэштэ-Кевир).

Субудай тем временем предавал огню и мечу поселения, лежащие в долинах рек Кешефруд и Атрек. В соответствии с инструкциями Чингиз-хана он оставлял маленькие отряды на всем протяжении пройденного им пути для наблюдения за южными окраинами Каракумской пустыни и за движением

войск хорезм-шаха, могущих неожиданно здесь появиться.

Субудай опустошил пригороды Туса и Кушана, местности Исфараина, еще недавно одну из самых плодородных областей Персии, а затем, пройдя Дамган и Семнан, миновал Рей и обрушился с севера на город Кум.

Джэбэ между тем перешел горы Эльбурс — вероятнее всего, по Шахрудской дороге, — двигаясь через гигантские расселины в их известняковых хребтах. Оставив пыльную унылую дорогу, ведущую на юг, он изменил направление движения своего отряда и вступил в цветущие земли провинции Мазандаран, лежащие вдоль берега Каспийского моря.

Этот необычный уголок Персии поразил взгляд монгола. Обилие лесов, звенящие ручьи, богатая и живописная зелень окружали его. Как мало это походило на все виденное им доселе.

Двигаясь на запад вдоль берега Каспия, он второй раз перешел Эльбурский хребет через другой перевал и приблизился к Рею. Город этот стоял в трех милях от современного Тегерана и был одним из крупнейших городов Азии, «ибо, за исключением Багдада, на всем Востоке не было другого такого цветущего и преуспевающего во всех делах человеческих города, как Рей». Это был центр всех торговых путей, ведущих из Месопотамии в Центральную Азию и из Армении в Индию.

Монголы появились под стенами города столь внезапно, что он не успел даже подготовиться к осаде. Распри между сторонниками суннитов и шиитов разделяли защитников города. Сторонники

одного из направлений ислама открыли ворота монголам с тем условием, что захватчики уничтожат их религиозных оппонентов. Монголы охотно согласились и уничтожили всех обитателей города, полагая, что никогда и ни в чем нельзя доверять тому, кто однажды встал на путь предательства интересов собственного народа. От их рук погибло не менее 70 000 жителей. Так великий и славный город Рей пал в первый раз за много столетий. В течение последующих пятидесяти лет он еще раз станет жертвой страшного пожара и разрушения и постепенно сойдет со сцены истории. Так исчезнет с лица земли город, переживший индийцев, персов, греков, парфян и арабов.

Впоследствии недалеко от его руин вырастет и окрепнет новый город, ставший важнейшим экономическим и политическим центром средневековой Персии, — Тегеран. А тем временем хорезм-шах Мухаммед добрался до Казвина, в котором Рукн-эд-Дин, один из его сыновей, собрал армию численностью не менее 30 000 человек. Рукн-эд-Дин, принц Луристана (области на западе Ирана, граничащей с территорией Ирака), также находился при султан-шахе, своем отце. Все сановники и вельможи западной Персии были созваны на военный совет, на котором предстояло решить, как остановить монгольское нашествие. Собравшиеся в один голос советовали Мухаммеду укрыться в горах Загроса, где в самом скором времени должны были собраться войска числом не менее 100 000 человек. Предполагалось энергично удерживать все горные

перевалы до тех пор, пока Мухаммед не будет готов перейти в решительное контрнаступление.

Стремительность, с какой монголы обрушились на Персию, объяла ужасом всех ее обитателей, поэтому совет настаивал на переходе к наступательным действиям, не без основания указывая на то, что в нынешних условиях необходима хотя бы одна выигранная битва, чтобы вновь завоевать доверие войска.

В самый разгар этой дискуссии явился гонец из Рея, единым духом промчавшийся добрую сотню миль, не меняя лошадей. Он привез известие о разграблении «жемчужины» Персии и истреблении ее жителей.

Военный совет сразу прервал свою деятельность; принцы, наместники провинций и главы городов и областей вместе со своими войсками поспешили домой — так велик был страх, который внушали монголы.

Мухаммед с верными ему людьми поскакал по дороге на Багдад, миновал Хамадан и возле города Керенд (у некоторых историков этот город именуется Каринд и даже Карун) едва не был захвачен врасплох монгольскими разведчиками. Лошадь его была ранена, но сам он не пострадал и добрался целым и невредимым до ворот Керенда (Каринда, Каруна).

Здесь он отсиживался один день — слишком долгий отдых для беглеца, по следу которого шли монголы, — и затем, получив свежих лошадей, вновь изо всех сил устремился в бегство.

Едва он оставил город, отряд монголов, про-

слышавших, что именно в нем скрывается их добыча, появился под его стенами и тотчас пошел на приступ.

Когда же через глашатая им было сообщено, что Мухаммеда в городе уже нет, штурм был приостановлен, монгольские сотни сели на коней и унеслись прочь по дороге на Багдад. Охота продолжалась. Дорогой они встретили и схватили кое-кого из спутников Мухаммеда и узнали от них, что целью его пути является Багдад. В который раз им пришлось пришпоривать коней. До беглеца, их желанной добычи, было рукой подать.

Однако Мухаммед, по всей видимости, вспомнивший о своей былой вражде с халифом Багдада, изменил направление пути и, подобно раненому зверю, стал заметать следы, внезапно объявившись в Сарджахане. Хотя ситуация требовала немедленных действий, он отдыхал семь дней и затем выехал в Гилян, потом вновь свернул с дороги и, повернув на восток, оказался в Мазандаране — один, совершенно лишенный соратников, спутников, слуг и навсегда утративший остатки былой славы и величия.

Но преследователи и здесь уже опередили его, монголы заняли город Астерабад, главный город провинции Амуль, и поджидали беглеца. Несчастливого Мухаммеда принял один из местных эмиров, который и посоветовал ему бежать на один из островов Каспийского моря, расположенный недалеко от его берега.

И вновь хорезм-шах колебался и потратил несколько дней, молясь в мечети одного приморско-

го поселка. В деревню ворвались монгольские воины, и некий человек, чьи братья и дядя были приговорены к смерти хорезм-шахом, внезапно узнал в нищем бродяге виновника бедствий своей семьи и сообщил о своем открытии монголам. Но Мухаммеду повезло и на этот раз: он вскочил в лодку прежде, чем монголы появились на песчаном берегу Каспийского моря. Они выпустили несколько стрел вдогонку, а несколько наиболее ретивых преследователей пытались на лошадях догнать его уже удалявшееся суденышко, но все утонули.

В конечном счете он достиг острова Абсукун, расположенного вблизи от берегов Мазандарана, напротив Астерабада. Там его скитаниям пришел конец. Страдания последних месяцев подорвали его здоровье и в декабре 1220 года великий некогда султан-шах Хорезма скончался.

В «Юаньши» («История династии Юань») говорится: «Когда зимой в году гян-гэн (6.II.1220—24.I.1221) раздался раскат грома и его величество (Чингиз-хан) спросил об этом явлении, его советник главный Елюй Чу-цай сказал ему: «Со-литань (т. е. султан Мухаммед) умрет в дикой местности!» Впоследствии действительно случилось так».

Узнав о смерти отца, Джелаль эд-Дин с остальными братьями поспешили на его могилу (хотя существует предание, что не ближайшие слуги, а именно сыновья предали прах хорезм-шаха земле) и, исполнив последний долг, поплыли к северным берегам Каспия, на полуостров Мангышлак, высадились на берег и поскакали в Ургенч, вероятнее всего, вдоль древнего высохшего русла Аму-Дарьи. Му-



хаммед был мертв, но очаги сопротивления монголам все еще существовали. Сыновья Мухаммеда стремились попасть в один из них — мощный город Ургенч, стоящий на берегу Аму-Дарьи, недалеко от места впадения ее в Аральское море.

Однако и монголы решили не упускать ни единой возможности уничтожения подобных очагов сопротивления. Основная армия во главе с Чингизханом, действовавшая далеко на востоке, в районах Мавераннахра и северного Афганистана, не должна была испытывать угрозы с запада и северо-запада.

Конечно, Рей лежал в дымящихся руинах и, значит, важный стратегический пункт концентрации персидских войск был уничтожен, но монголы постарались тщательно завершить работу, начатую в Рее, — они опустошили не только его окрестности, но и некоторые другие густонаселенные районы Луристана.

Другим интересным событием этой удивительной главы монгольской катастрофы был захват в плен матери хорезм-шаха Мухаммеда — Тюрканхатун (Теркен-хатун).

Местом ее постоянного проживания, ее резиденцией, был Ургенч (Гургандж), родина хорезмшахов, но когда Мухаммед бежал из Балха, он известил Тюрканхатун о том, что и ей следует ехать в Мазандаран. Чингиз-хан также написал ей, предложив принять во владение Хорасан, в случае если она отступится от своего сына и перейдет на сторону Великого хана.

Когда властная султанша узнала, что правление ее сына быстро приходит в упадок, она реши-

ла, что и ее могуществу пришел конец. Она пересекла пески Каракумской пустыни, явилась в Хорасан и укрылась в крепости Илал (ныне Эль-Аск) в горах Эльбурса*.

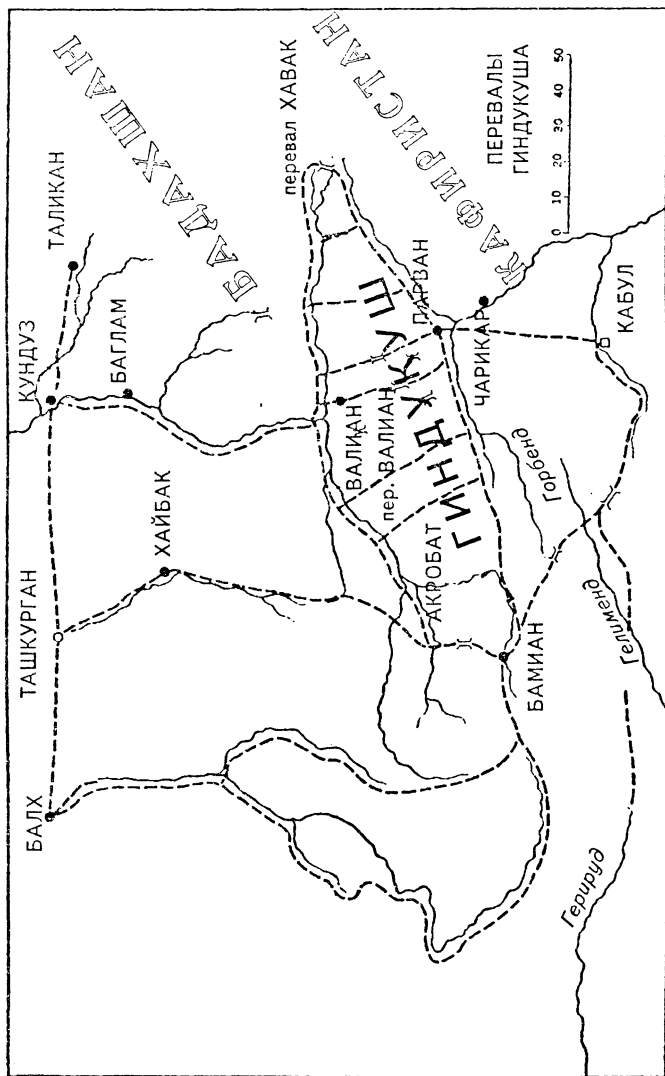
Но прежде чем оставить Ургенч, она повелела умертвить всех принцев и эмиров (правителей) завоеванных хорезм-шахом земель, проживающих при ее дворе на положении заложников. Так погибли отпрыски правящих домов (султанов и эмиров) центральной Персии, городов Балха, Термеза, Бамиана, Сыгнака, Гура и многих других, и тела несчастных были сброшены в мутные воды Аму-Дарьи.

Лишь затем эта сиятельная дама бежала в Эль-Аск, и мы не испытаем к ней особенной жалости, когда узнаем, что после трехмесячной осады монголы возьмут укывшую ее крепость, а мать хорезм-шаха и весь гарем отправят в ставку Чингиз-хана в Бадахшан.

Чингиз-хан велит умертвить всех детей хорезм-шаха, а его жен и наложниц — вместе с ними и его мать — раздать своим верным нойонам. Так, рабыней в глубоких страданиях и унижениях умрет в 1237 году эта женщина, потеряв могущество, власть, детей и, наконец — жизнь.

Пока Мухаммед метался и изворачивался, пытаясь уйти от своей судьбы, Джэбэ и Субудай, правильно угадав его намерения, направили свои глав-

* Крепость Илал была расположена в верховьях реки Сари (Теджен) в Табаристане. Однако часть семьи хорезм-шаха и его сокровища Тюркан-хатун отправила в крепость Лариджан (к северу-востоку от Тегерана в горах Демавенда).



Горные тропы и перевалы Гиндукуша

ные силы к перевалам, ведущим из Персии в Ирак. После Рея, павшего в июле или августе 1220 года, Джэбэ ринулся на Кум и захватил его, истребив жителей города в устрашающей монгольской манере.

Кум был одним из священных мест древней Персии, некрополем древнеперсидских царей. Оттуда Джэбэ поскакал в Хамадан, древний Экбатаны*, место необыкновенной, фантастической красоты, знаменитое своими фруктовыми садами и виноградниками и находившееся на высоте не менее шести тысяч футов над уровнем моря.

В этом чудесном краю жестокость не понадобилась, и поскольку Хамадан сдался, во главе города был поставлен монгольский градоначальник. Как мы могли заметить, до сих пор тумэны Субудая и Джэбэ действовали раздельно. Теперь пришло время им соединиться. Вдвоем они штурмовали и полностью разрушили город Зенджан.

Повернув на юг, они встретили на пути город Казвин и поступили с ним подобным образом, впрочем, по всей видимости, им не оставалось ничего другого. Здесь, в его стенах, укрывались остатки армии Мухаммеда, предпринявшие последнюю попытку организовать и дать достойный отпор захватчику. Битва за город была очень жестокой. Потери монголов были очень тяжелы. По крайней мере, до сих пор им не приходилось испытывать ничего подобного. В отместку они умертвили

* Хамадан-Хагматана — Экбатаны, «сокровищница» на древнеперсидском.

40 000 жителей Казвина. После взятия героического города монголы продолжили движение на юг, минув Хамадан, в горы Загроса, штурмуя на пути Динавар, Заву, Хольван и Нехавенд, оставляя лишь кровь и пепел на своем пути.

Теперь перед ними открывалась дорога прямо на Багдад, но пришли вести, — их доставили конные разведчики, — что след Мухаммеда найден, но что сам он бежал за море, и надо срочно поворачивать коней на север.

Точно его нынешнее местонахождение было неизвестно, и тумэны «повернули морды коней на север» и ворвались в Азербайджан, начав поход вокруг Каспийского моря.

Правитель Тебриза откупился от них, и, поскольку приближалась зима, они откочевали в Моганскую степь и там разбили свои юрты на зимовку.

«Эти татары, — говорит персидский историк Ибн аль-Асир, — совершили деяния, подобных которым никто и никогда еще не видел. За время, равное одному году правоверных, они прошли от Китая до Армении».

Принимая во внимание характер, цели и результаты операции, проводившейся двумя тумэнами Джэбэ и Субудая, можно с уверенностью сказать, что она была действительно выдающимся военным предприятием.

Но только поняв ее значение в общем стратегическом замысле Чингиз-хана, можно по достоинству оценить важность этого похода. Чингиз-хан прекрасно понимал, что в любом автократическом

государстве, и особенно в государстве совсем недавно образованном, личность правителя является краеугольным камнем и основой его сопротивления противнику. Отдав приказ преследовать хорезмшаха, ни на шаг не отставая от своей жертвы, не давая ей перевести дух, он тем самым лишал Мухаммеда времени, столь необходимого тому для организации достойного отпора агрессорам.

То же самое Чингиз-хан проделал и с цзиньским императором, бежавшим от него в Кайфын. Тогда он послал в погоню Самуху (Самоху), дав ему всего лишь один тумэн. Точно так же он отправил Джэбэ за Гучлуком. В сравнении с этой охотой преследование Александром Великим персидского царя Дария производит впечатление гораздо менее внушительное.

Джэбэ и Субудай не только выполнили в пределах своих возможностей поставленную перед ними задачу, выдворив Мухаммеда в буквальном смысле слова за пределы Персии, но и заронили страх в душу персов; что надежнее всех военных побед и устрашающих рейдов обезопасило Чингиз-хана и его войска с запада. Теперь монголы могли совершенно свободно начинать любые широкомасштабные наступательные действия в Хорасане и Афганистане.

И, несмотря на это, оставались еще южные районы Персии, отгороженные Великой Соляной пустыней и пока не принимавшие никакого участия в конфликте, держались Мерв и Нишапур, против которых предстояло действовать Туле (Тулюю), не был

подавлен очаг сопротивления в Ургенче, оставшийся в глубоком тылу монгольских войск.

Всего за один 1220 год монголы увидели лед на реках Или и Яксарт (Сыр-Дарья), прошли Кызылкумы, Великую Соляную пустыню (Деште-Кевир), почувствовали на себе жару центральной Персии и ледяной холод Сибири. Горы Центральной Азии быстро сменились Каратагом и Паропамизом, а холмы Атрека мощными кряжами Эльбурса, стук копыт их лошадей эхом отзывался в скалах Алатау и предгорьях хребта Барлык, между которыми лежали Джунгарские ворота, а уже шесть месяцев спустя горцы Загроса видели, как угоняют их скот эти дикие кочевые пастухи, не менее далекие от цивилизации, чем разбойники гор Курдистана.

Итак, с наступлением одной зимы мы видим их переходящими по льду реку Или, а с наступлением следующей обнаруживаем их уже в тени величественных хребтов Кавказа.

Марко Поло вполне заслуженно приобрел славу самого великого путешественника всех времен. Субудай и Джэбэ прошли путь больше и гораздо быстрее и несли ответственность за многие тысячи людей, шедших следом за ними, — и не стали великими путешественниками истории. Марко Поло путешествовал по вполне безопасным дорогам, охраняемым теми же монгольскими воинами, которые некоторое время назад несли по ним смерть и разрушение. Главное отличие между ними заключалось в том, что Марко Поло описал все, что видел и слышал, а Джэбэ и Субудай в этом смысле хранили полное молчание. Никаких записей или вос-

поминаний они не оставили. И если нас восхищают имена великих путешественников — Карпини, Дженкинсона, Пржевальского и многих других, то имена монгольских воинов-путешественников вызывают лишь безотчетный страх перед их первобытной уверенностью в правоте своего дела и безоглядной, безотчетной верой в предводителя.

Куда бы ни поворачивали они своих коней, куда бы ни пожелали идти, они шли, убивая всех, кто вставал на их пути. Доколе великое белое знамя Чингиз-хана было с ними, победа не могла ускользнуть из их рук. Итак, монголы разбили юрты в Моганской степи, а для большей безопасности выслали конные отряды в долины Грузии с целью наполнить и эту страну ужасом, который уже испытали ее южные соседи. Отряды вернулись с добычей, убив около 10 000 беззащитных поселян.

К этому времени к монголам присоединились и некоторые жадные до добычи народы Ирана. Первыми были курды, известные своим свободолюбием и разбоем со времен Ассирийской державы, вторыми — туркмены, бич и проклятье северо-восточных областей Ирана, лишь в XIX столетии усмирненные, наконец, властью русского царя.

Вожди монголов, видя, какие возможности сулит им союз с подобными профессионалами большой дороги, послали этих новых союзников в Грузию (февраль 1221 года) под началом туркмена по имени Аккуш. Сами монголы предпочитали действовать лишь в самом крайнем случае. Главные силы Джэбэ и Субудая приступили к действиям лишь после разведки союзников. Они подошли к

реке Кура, отделявшей Азербайджан от Аррана, опустошили города и деревни по берегам реки, загнали жителей, уцелевших после погромов и убийств, в покрытые снегом горы. Недалеко от Тбилиси была спешно собрана грузинская армия. Курды и туркмены беспрестанно тревожили грузин, избегая крупных сражений. Когда же грузинские воины устали от постоянного маневрирования своих врагов, свежие монгольские силы, все это время не принимавшие никакого участия в деле, с громкими криками атаковали их. Измученная грузинская армия была уничтожена.

Весной 1221 года Джэбэ и Субудай вернулись на юг в западную Персию, ибо Чингиз-хан в это время продолжал действовать на Востоке, и успех его операций зависел от того, насколько спокойно будет вести себя западная Персия.

Тебриз опять спас себя выплатой тяжелой контрибуции, и монголы прошли на Марагу (Мерагу) (будущую столицу империи Хулагу-хана). Город закрыл перед ними ворота и приготовился к обороне, но монголам удалось пробить бреши в стенах и, закрывшись живым щитом из пленных мусульман, повести штурм. Когда пленные под градом стрел пятились и отступали назад, их приканчивали на месте, и другие занимали место убитых. Несмотря на этот бесчеловечный прием, штурм не увенчался успехом, прошло несколько дней, прежде чем монголам ценой больших потерь удалось взять город. Как обычно, последовало поголовное истребление жителей, а сам город остался лежать в развалинах. Прежде чем уйти с его дымящегося пепла, монго-

лы заставили немногих оставшихся в живых горожан, бродя по руинам, выкрикивать, что монголы ушли, что они уже далеко, дабы привлечь внимание укрывавшихся в развалинах. Те откликались, выходили, и монголы их убивали.

На юго-запад от Мераги через горы шла дорога, ведущая к долине, на которой некогда стояла древняя Ниневия, столица великого Ассирийского царства. Равнины по берегам рек Большого и Малого Заба некогда использовались ассирийцами для проведения карательных походов против северо-восточных, мидийских горцев, которые теми же самыми путями, в свою очередь, проникли в самое сердце Ассирии и сокрушили ее могущество.

Появление в здешних узких горных ущельях монгольских всадников привело в трепет все междуречье Тигра и Евфрата, даже халиф был охвачен паникой. Правитель города Эрбиль, известного нам и по классической истории как древнее селение Арбелы, собрал армию в Киркуке и заклинал халифа прислать ему подкрепления. Тот оказался слишком скуп и выслал на подмогу отряд численностью в 800 человек с повелением непременно атаковать захватчиков и всех их уничтожить. К счастью, как для халифа, так и для правителя Эрбиля, монгольские военачальники посчитали горные перевалы и тропы этих мест слишком трудными (случай весьма редкий в их практике) и, презрительно проигнорировав Эрбильскую армию, вернулись назад в Персию.

Проходя мимо Хамадана, они разбили лагерь возле его стен и приказали монгольскому градоначальнику

чальнику города провести сбор драгоценностей, золота и провианта. Поскольку город уже платил тяжелую контрибуцию год тому назад, жители его униженно молили освободить их от столь тягостных поборов. Они сказали, что у них не остается иного выбора, кроме голодной смерти или восстания. Когда же на все их просьбы и мольбы не последовало никакого ответа, они решили сражаться и подороже продать свою жизнь.

После этого жестокосердный монгольский градоначальник был убит и восстание началось.

Как только монголы в лагере услышали печальную новость, они тотчас атаковали город и встретили отчаянное сопротивление. Бой шел днем и ночью без перерыва. Потери монголов были таковы, что они вынуждены были отступить. Но прежде чем тысяцкие и сотники огласили приказ об отступлении стало известно, что предводитель восставших горожан оставил город и бежал. Монголы сделали последнее усилие и после отчаянной схватки ворвались в Хамадан. Несколько дней продолжались убийства, затем город был предан огню.

Разделавшись с Хамаданом, монголы двинулись на север, и скоро их ненавистные знамена в который раз развевались у стен Тебриза. Отчаяние придало смелости его жителям. Все население встало на его защиту. Монголам было ясно сказано, что, если контрибуция будет слишком велика, город будет сражаться.

Оба монгольских военачальника посчитали, что их потери под Хамаданом были слишком тяжелы, чтобы рискнуть повторением подобного. Монголы

взяли все, что смогли унести с собой, и сразу ушли на север.

Земли Аррана, опустошенные огнем и мечом, представляли собой пустыню. Но, по крайней мере, здесь еще долгое время не могло возникнуть никаких очагов сопротивления. Правда, оставалась еще Гянджа, главный город Аррана, слишком сильный и слишком хорошо укрепленный, чтобы оставлять его в тылу. С явным неудовольствием монголам пришлось пройти мимо него, ибо, услышав, что с запада против них идет большая грузинская армия, они по течению Куры вновь направились к Тбилиси.

Прежде чем сойтись с противником на поле брани, Джэбэ, взяв с собой 5000 человек, оторвался от основного войска и укрылся в ущельях. Субудай, у которого теперь было не менее 25 000 бойцов, продолжал движение вперед, пока не вошел в непосредственное соприкосновение с противником. Грузины атаковали и начали преследовать его, как только он повернул свои войска вспять, прибегнув к тактике притворного бегства. Миновав то место, где в засаде находился отряд Джэбэ, Субудай вновь повернул своих всадников, а в это время Джэбэ, дождавшийся удобного момента, нанес неожиданный и сокрушительный удар по тылам грузинской армии. Грузинское войско численностью в 30 000 человек перестало существовать.

Удостоверившись в его совершенном истреблении, монголы перешли Куру и вернулись на берега Каспийского моря по равнинам, простирающимся у самого подножия Кавказского хребта.

Между Кавказскими горами и Каспийским морем и по сей день стоит Шемаха, — город, который они взяли и разграбили по дороге.

За спиной у Джэбэ, за исключением Гянджи, царило полное спокойствие, не осталось ни одного очага сопротивления. И можно было свободно двигаться вперед. У города Дербента монголам пришлось войти в ущелье, «в котором путь был так узок, что одна сотня храбрецов с успехом могла бы своими копьями преградить дорогу даже миллионному войску»*. И вновь их решительность и быстрота возобладали над сопротивлением противника. Ущелье было пройдено без особого труда, но цитадель Дербента взять было не так-то легко.

Монголы согласились уйти только с тем условием, что жители Дербента дадут проводников, способных провести их через горы на равнины, лежащие к северу от Кавказского хребта. Когда им было прислано десять проводников, они отрубили голову одному из них в назидание остальным.

Все шло довольно гладко, но в одном из ущелий Дагестана монголы все-таки угодили в засаду. Кавказские горцы, лезгины и черкесы, прослышав о приближении неведомого войска, соединились с аланами (осетинами) и кипчаками, кочевым народом, владения которого простирались от Крыма до Аральского моря. Войско, состоящее из представителей этих племен, преградило путь монголам. Ни

* Катерино Дзено, венецианский посол в Персии в XV столетии. Отрывок из его дневника цитируется в работе Сайкса «История Персии», т. I, с. 510.

вперед, ни назад пути не было. Попытки проложить дорогу силой ни к чему не привели. Тогда монголы прибегли к хитрости. «Мы — тюрки», — сказали они кипчакам, бывшим народом тюркского корня, и просили их не сражаться против собственных братьев. Кипчаки оставили своих союзников и ушли, и уже в следующем сражении победа была на стороне монголов. Избавившись от горцев, они обратились против кипчаков и одолели их. Случилось это осенью 1221 года от рождества Христова.

Потом они опустошили северные склоны Кавказа, взяли Моздок и Терки и вновь, до следующей весны, стали лагерем на отдых.

Ужас перед именем монголов распространился далеко на север по безбрежному океану степей и равнин, лежащих между Каспием и Доном. Эти бескрайние просторы были населены кипчаками, или половцами, как называли их русские; и страх, занесенный беглецами с юга, подобно пожару, охватил всю степь.

Паника, вызванная появлением всего лишь двух монгольских тумэнов с курдскими и туркменскими союзниками (немногим более 40 000 человек), была так велика, что целый народ тюркского происхождения мигрировал за тысячи миль от своих становищ и кочевий, к самым границам своих владений.

Десять тысяч семей перешли Дунай и вступили на византийскую территорию, сорок тысяч семей перешли через Карпатские горы в Венгрию.

Другие бежали на Русь, прося у своих былых врагов пристанища и покровительства.

Хан кипчаков, исповедовавший ислам, молил русских князей о помощи и спасении и в доказательство искренности своих слов принял христианство. А монголы тем временем были на равнинах, похожих на те, которые учили их искусству войны, и их навыки ведения боя на открытой местности вовсе не утратили своей былой силы и эффективности после военных опытов в Китае и Персии. Вновь разделившись на два отряда, Джэбэ и Субудай очищали лежащие перед ними земли.

Один из тумэнов сжег город на Волге, на месте которого столетия спустя вырастет Астрахань. Другой отряд действовал в бассейне Дона. Разведывательные сотни этого отряда форсировали Дон и двигались на запад.

Тем временем мольбы кипчаков были услышаны на Руси. Появление общего врага усмирило распри и на время объединило соперников. Русь в то время представляла собой конгломерат разрозненных и маленьких феодальных княжеств, управляемых родственными друг другу князьями Рюрикова дома. Самым могущественным среди них был Мстислав Киевский*.

Князь Мстислав, опасаясь того, что под обычным набегом кочевников скрывается нечто гораздо более серьезное, немедленно созвал на совет всех русских князей и предложил им прекратить все внут-

* Мстислав Романович (1214—1223) — последний киевский князь из рода Мономаховичей (*прим. переводчика*).



Фигура воина. Рельеф. Юрьев-Польский собор

ренние распри перед лицом общей опасности — неведомого и страшного врага.

Ужас кипчаков, доселе не знавших страха в налетах на Русскую землю, лишь подтверждал опасение, что на Киев идет необычный опасный враг; так что в скором времени была собрана армия численностью 70—80 тысяч человек, которая выступила в сторону кипчакских степей. На Днестре русские князья встретились с монгольскими послами, утверждавшими, что монголы вовсе не намерены вести войну против русского народа, являющегося их братом и другом. Единственной их целью являются нечестивые кипчаки. Именно их они и преследуют.

По всей видимости, к тому времени монгольские вожди уже знали кое-что о религиях Переднего Востока и Европы и о той ненависти, которую испытывали друг к другу представители разных сект и конфессий.

Русские же, возможно, слышали о вероломстве монголов и потому, выслушав эти уверения, в приступе праведного гнева убили монгольских послов. Соединенные силы русских князей и кипчаков форсировали Днепр, и через несколько дней один из монголов-тысячников был захвачен в плен и казнен кипчаками.

Монголы, видя, что русские и кипчаки превосходят их числом, тихо отступили. Джэбэ со своими людьми отходил, следя за быстро наступавшим передовым отрядом русских. Разведчики монгольского арьергарда предупреждали своего военачальника обо всех движениях неприятеля. Джэбэ делал все, чтобы растянуть его силы, притупить его зор-

кость. Русские отряды шли отдельными частями, все более отдаляясь друг от друга, растягиваясь по широкому пыльному шляху. Они все более уставали и теряли бдительность. Ложась на ночь, они уже не отгораживались плетеным тыном и повозками.

Подобное отступление могло длиться неделями, но рано или поздно оно должно было измотать русских и сломить их дисциплину и организованность. Монголы выжидали и у реки Калки дождались удобного момента. Князь Галицкого княжества, Мстислав Мстиславович Удатный* (удачливый, позднее слово это понимали как удалой), командовавший головным отрядом русских войск, перешел реку Калку и, не дожидаясь подхода основных сил русских войск, стремительно атаковал разрозненные и слабые, как ему казалось, силы монголов. Его подвели отвага и желание себе одному присвоить честь победы над неведомым врагом. Мстислав Мстиславович Галицкий полагал, что его отряд легко довершит поражение и без того убегающего много дней подряд неприятеля, но то, что верно было для армии любой другой страны, было глубочайшим и опасным заблуждением в отношении опытных в военном деле монголов.

Они стремительно повернули коней, оценили ситуацию, сомкнули ряды и, прежде чем Мстислав Удатный осознал это, фланги его отряда были опрокинуты, а его центр испытал сильнейший удар. Кипчаки со своим ханом Котяном исчезли, как дым,

* Летописцы XIV, XV, XVI веков уже понимали слово «Удатный» в значении «удалой» (прим. переводчика).

задолго до начала решительного сражения. Монголы взяли головной отряд в кольцо. Неосторожный и опрометчивый князь искал спасения в бегстве и ради спасения собственной жизни попытался помешать монголам переплыть реку Калку, пробив днища лодок, стоящих на берегу. Его уже мало волновала судьба воинов, оставшихся на восточном берегу реки и продолжавших оказывать монголам упорное сопротивление. Только одной десятой части его воинов удалось перейти на другой берег. Шесть русских князей пали на поле брани. Остатки кипчаков рассеялись и бежали.

Киевский князь Мстислав Романович, поняв, какая опасность ему угрожает, двинул армию к ближайшим холмам, чтобы укрепиться на возвышенности и оттуда отражать атаку монголов. Отступать, имея за спиной подобных преследователей, было совершенно невозможно. Русские были обескуражены, а командовать разрозненными отрядами, растянувшимися к западу от реки Калка, становилось все труднее и труднее.

Увы, киевский князь опоздал. Прежде чем он укрепился на возвышенности, монголы обрушились на его отряд и начали вытеснять его с последней удобной в этих равнинных местах позиции. Но сопротивление русских сломить было не так просто. Три дня длился бой, наконец русские, отрезанные от воды, израсходовавшие все запасы провианта, видя, что конец близок, неохотно подчинились приказанию своего князя, поверившего обещаниям монголов, и сдались. Однако и эти обещания, как и все прочие данные монголами во время войны,

не могли быть выполнены. Они разоружили и убили всех воинов, а потом устроили пир на костях своих врагов.

С уничтожением объединенной русской армии монголам открылся путь в земли юго-восточной Руси, и пламя и дым пожарищ озаряли небо, делая ночь похожей на день, а день превращая в ночь. Сотни под командованием Джэбэ и Субудая, вновь соединившись, ворвались в Крым и сожгли Судак, в котором располагалась генуэзская торговая фактория.

После того как от Днепра до Азовского моря все было разорено, опустошение и гибель обрушились на Волжскую Булгарию (располагающуюся в верховьях великой русской реки), где проживал народ волжских болгар, родственник мадьярам (венграм). И они пытались защищаться, став на пути монгольской орды, и им пришлось испить горькую чашу поражения. Они, как и очень многие до них, попались на военную уловку монголов. В Европе волжские болгары были известны как народ, занимающийся торговлей самыми ценными и дорогими мехами в мире. В результате монгольского разгрома не только в странах Европы, но и в Византии и на Ближнем Востоке на несколько лет прекратилась торговля мехами и меховыми изделиями. Их некому было привозить. Факт этот был отмечен не только хронистами Европы, но и арабскими и персидскими летописцами и историками.

Зимой 1222 года, когда Волга уже лежала подо льдом, монголы перешли реку недалеко от места, где впоследствии выросла столица Бату-хана — го-

род Сарай, — и начали долгий путь домой. Они пересекли безводные степи между Каспием и Аральским морем и лишь летом 1223 года соединились с Чингиз-ханом, отдыхавшим в это время в районах, лежащих к северу от Сыр-Дарьи. Старый Джэбэ Нойон окончил свой последний и самый славный поход и вскоре Чингиз-хану довелось оплакивать кончину своего самого верного, самого даровитого приближенного*.

Но в Субуде он нашел верного ученика старого Джэбэ, — человека, на которого могли в трудную минуту положиться его дети и дети его детей, когда сам Чингиз-хан был уже мертв.



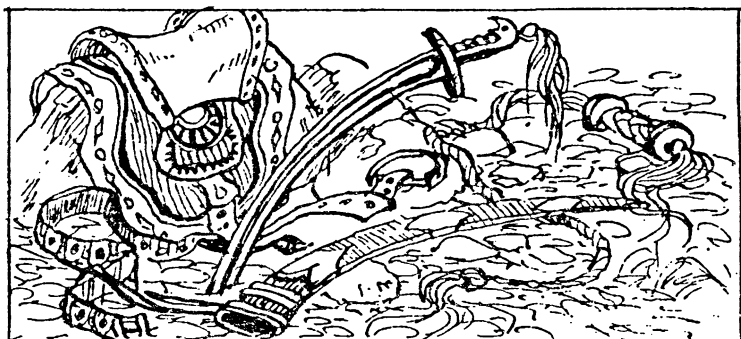
* Персидский историк Рашид эд-Дин пишет: «Так как Джэбэ был храбрый человек, Чингиз-хан дал ему командование над десятком; так как он хорошо служил — сделал его сотенным беком; так как он выказал старание и усердие — стал тысяцким. После того Чингиз-хан дал ему целый тумэн, и долгое время он состоял на службе в свите, ходил с войском и оказал хорошие услуги» (прим. переводчика).



Глава VI

ХОРАСАН И АФГАНИСТАН





Амданд'у Хамданд'у Сохтанд'у Куштанд'у
Бурданд'у Рафтанд.

Они явились, они сломали, сожгли
и убили,

потом связали добычу

и скрылись прочь.

аль-Джувейни

Теперь самое время вернуться к главной монгольской армии. В мае 1220 года Чингиз-хан овладел Самаркандом и отправил два тумэна во главе с Джэбэ и Субудаем преследовать хорезм-шаха Мухаммеда.

Летом, когда жара долин Мавераннахра напоминает жар духовки, он отдыхал с армией в оазисе Нахшаб в тени гор. Джэбэ и Субудай должны были держать под наблюдением западную Персию, а их отряды в Хорасане, к югу от Аму-Дарьи, всегда имели возможность предупреждать о любой угрозе его войскам, исходящей с территории этой провинции.

Все еще оставались непокоренными густонаселенные районы Хорезма, расположенные в дельте Аму-Дарьи со столицей в Ургенче, и долины Бадахшана, лежащие в верховьях той же реки.

Отметим здесь, что до монгольского завоевания Бадахшан был важным и очень густо населенным районом Мавераннахра. Все дороги, ведущие через горные перевалы из Индии и бассейна реки Тарим, сходились именно здесь, у города Таликан, расположенного у подножия гор, через перевалы которых вели дороги на Яркенд и далее в Китай. Именно по ним пролегали основные маршруты индо-китайской торговли. Кстати, и буддизм проник в Китай именно через города Бамиан и Таликан.

Возвращаясь же к Чингиз-хану, заметим, что одним из главных качеств великого монгола и на войне, и в мирное время была последовательность и основательность, с какой он выполнял все однажды им задуманное. Однажды приступая к чему-либо, он не мог не довести начатого до логического конца.

Летняя жара начала спадать в сентябре, а его армия все еще продолжала отдыхать. Когда же значительно похолодало, он привел свое войско в движение и направил его на юг для довершения уже начатой там работы. Прежде всего он послал вперед своего зятя Тохучара (Тогачара) с двумя тумэнами в Хорасан, в то время как сам вел основную армию через хребты Каратага по Дарбандскому ущелью к Термезу, самому крупному городу в верховьях

ях Аму-Дарьи. Через девять дней стены этого города были разрушены, а сам он взят после непродолжительного и удачного штурма. Все его население было перебито. Затем Чингиз-хан пошел на Балх и, невзирая на изъявление городом покорности, велел истребить его население, а сам город сжечь, чтобы навсегда избавиться от центра вполне вероятного сопротивления в тылу.

Приход зимы застал его уже к югу от Аму-Дарьи за опустошением североафганских предгорий. Здесь он разбил свои юрты, разместив войско в долинах между Гиндукушем и Аму-Дарьей, и начал разрабатывать план полного очищения флангов и тыла своих войск от возможной угрозы.

В Фергану и верховья Яксарта (Сыр-Дарьи) были отправлены сильные конные отряды. Затем он повелел своим старшим сыновьям — Джучи, Джагатаю и Угэдэю (Огдаю) покорить Ургенч и дельту Аму-Дарьи.

Но прежде проследим за тем, как развивались события в Хорасане, куда еще ранее был отправлен Тохучар.

Некоторые из хорасанских городов, покоренные Джэбэ и Субудаем, восстали, едва простыл след монголов. Известно, что в них находились монгольские градоначальники во главе с небольшими монгольскими отрядами. Жители этих городов, уверенные, что Чингиз-хан находится далеко на востоке, а Джэбэ и Субудай ушли далеко на запад, решились сбросить иго монголов.

Жители Туса убили монгольского губернатора

и его людей в надежде положить конец монгольскому правлению, но когда монгольский отряд численностью в триста человек, расквартированный в Кушане, подскакал к городу, обитатели его немедленно сдались и, уstraшенные одним именем монголов, по приказу монгольского командира срыли крепостные стены города. Силы Тохучара форсировали Аму-Дарью и степными просторами вышли к древнему туркменскому городу Нисе, стоящему недалеко от северных подножий Хорасанских гор.

Проведя разведку местности, монголы потеряли убитым одного из своих тысячников. Один из защитников города поразил его метким выстрелом из лука. Тохучар, видя, что город оказывает упорное сопротивление, подвел к его стенам двадцать катапульт и заставил несчастных пленных работать с ними под вражеским огнем. Едва пленные рабочие отступали под градом стрел защитников города, монголы убивали их и на их место ставили других. Совершенно не считаясь с огромными потерями, монголы целых пятнадцать дней продолжали непрерывно штурмовать город, прежде чем бреши в его стенах все-таки были проделаны. Последняя мощная ночная атака на стены после кровавых, но безуспешных, дневных штурмов увенчалась успехом.

Все жители города были истреблены свирепыми победителями.

13 ноября 1220 года Тохучар, продолжая опустошение Хорасана, достиг Нишапура, столицы про-

винции. Он попытался осадить его, но на третий день был смертельно ранен стрелой.

Один из тысячников, сменивший Тохучара, посчитал силы отряда недостаточными для взятия такого большого города, а потому снял осаду и отпустил конницу кочевников опустошать и грабить окрестности.

Один из отрядов к западу от Нишапура вышел к Себзевару и после трехдневной осады взял его и истребил 70 000 жителей города. Второй прошел горы недалеко от Туса и предал огню и мечу плодородные цветущие долины вдоль берегов рек Кешефруд и Атрек. Когда Чингиз-хан осознал, что Хорасан слишком силен, чтобы его могло покорить войско Тохучара, он отдал приказ Туле, самому младшему из своих сыновей, принять под свое начало четыре тумэна и покончить с непокорной провинцией.

Туле, до сих пор остававшийся вместе со своим отцом в монгольских лагерях к югу от Аму-Дарьи, вышел через долины Бадахшана к реке Мургаб, но не стал сразу форсировать ее, а взял севернее, направившись к ее истокам. Там стоял древнейший и самый знаменитый центр ислама — город Мерв, по своему религиозному значению уступающий только Багдаду.

Как и Бухара, Мерв был построен еще во времена древних ариев, когда те впервые появились в Иране около 2500 года до рождества Христова.

Это была столица знаменитых сельджукских

султанов Малик-шаха и султана Санджара, наследников могущества Харуна ар-Рашида Багдадского.

Йякут, знаменитый географ, был среди тех немногих, кому удалось бежать из города до прихода монголов. Именно он поведал последующим поколениям о великолепных дворцах и богатейших библиотеках города, о знаменитых ученых и писателях, живших в нем в это время.

Мерв стоял в оазисе того же наименования и служил северными воротами Хорасана и Иранского нагорья. Со взятием такого города разом открывались все пути, ведущие из Мавераннахра (Трансоксианы) в Иран. Именно благодаря выгодному стратегическому положению и отсутствию природных преград на пути в долины Мургаба и Теджена всякий завоеватель, будь он из Мавераннахра или Ирана, в первую очередь стремился захватить Мерв и уже оттуда продолжать свои дальнейшие походы. Северная половина Иранского нагорья скрывала в своем сердце огромную впадину или углубление, образованное долинами рек Атрек, Кешефруд и Герируд, из которого дорога мало-помалу довольно плавно поднималась к Кандагару и Кабулу. Таким образом, каждый завоеватель, независимо от того, шел ли он с востока или запада, принужден был продолжать свое движение до крайних пределов Иранского нагорья, не видя перед собой никаких, — ни естественных, ни созданных руками человека, — преград. Александр Македонский (как и многие другие до и после него) начал в Индии, а кончил на берегах Инда; столетия спустя

афганцы, оставив родные горы, тоже смогли остановиться лишь в горах Загроса, отделяющих Иран от Месопотамии. Всем им пришлось пройти пространство между Тедженом и Мургабом. В этом причина того, что такие города, как Герат, Мерв, а еще дальше Бухара, всегда были самыми притягательными объектами экспансии, в свою очередь становясь опорными пунктами для армий завоевателей. Расположенные на перекрестке торговых путей, ведущих из Центральной Азии и Индии к побережью Средиземного моря, эти города, бывшие чаще всего объектом грабежа и разрушения на протяжении многих столетий, видели, как гибнут древние империи и возникают новые религии, и придет время, когда археология откроет миру глубокие тайны прошлого, таящиеся под землей в окрестностях Балха и Герата и в долинах Гельменда и Аму-Дарьи. Когда Туле подошел к Мерву, высланный вперед разведывательный отряд его войска неожиданно подвергся нападению со стороны двух тысяч туркменов и почти весь погиб в бою. Затем дикие туркмены-кочевники каракумских пустынь разграбили пригороды Мерва.

Два дня спустя, 25 февраля 1221 года, прибыл Туле, и первым делом его было окружение и полное уничтожение туркменских сил. Затем он лично провел разведку укреплений славного города, ожидая скорого прибытия обоза с осадной техникой и катапультами. Семь дней ушло на установку осадных машин. Все было готово к штурму, когда при-

скакал парламентар из города. Мерв решил сдаться.

В связи с этим в городе возникли разногласия — не все с одинаковым одобрением отнеслись к вынужденной мере. Партии мира противостояли тем, кто ратовал за упорное сопротивление. Однако сторонники мира, одержав верх в этом споре, в конечном счете погубили себя и свой город.

Туле обещал им все, о чем его просили, и огромные ворота города распахнулись. Въехав в него, он первым делом приказал горожанам покинуть Мерв и выйти за городские стены. Четыре дня подряд жители покидали город. Когда город был пуст, Туле развязал руки своим монголам. Число погибших в этой резне исчисляется в 500—700 тысяч человек — мужчин, женщин, детей (ведь в городе укрывалось много окрестных поселян), и все историки, касавшиеся этого события, не решаются называть эти страшные цифры преувеличенными.

Разделавшись с населением, войско Туле обратилось к грабежу и разрушению. Когда все было опустошено, город был подожжен. Так исчез в огне страшного пожара один из крупнейших центров ислама. Лишь пять тысяч человек чудом избежали резни, укрывшись в подвалах, тайных убежищах, даже среди гробниц городского кладбища, но позже другой монгольский отряд еще раз прочесал местность, нашел их и умертвил, довершив тем самым работу, начатую Туле.

Горько звучат строки великого персидского географа Йякута, лично увидевшего ужасную картину:

«Дворцы были стерты с поверхности земли, подобно строкам письма, стираемого с поверхности бумаги; дома стали жилищем сов и ворон. И в таких местах крику сов вторил лишь крик совы, а ветру отвечал только ветер».

От руин дымящегося ужасом и запустением Мерва Туле дошел до Нишапура. В сравнении с Мервом или Бухарой Нишапур был сравнительно молодым городом. Его выстроил царь из династии Сасанидов — Шапур I (240—270 годы н. э.), в честь которого город и получил свое имя — Нишапур, относительно недавно сельджукский султан Малик-шах выстроил в этом городе великолепную обсерваторию. Здесь жил и работал Омар Хайям, ибо культура продолжала жить и расцветать в Хорасане в те времена, когда померк и погрузился во тьму варварства Великий Рим.

Дважды в течение одного столетия городу Нишапуру довелось испытать горе и разрушение — первый раз в 1153 году его разрушили тюрки-огузы, «так что груды мертвых тел утонули в море пролитой крови», во второй раз землетрясение, случившееся за двенадцать лет до нашествия монголов, сровняло город с землей.

Туле покончил с ним навсегда, ибо само имя города, вызывающее в памяти необыкновенные воспоминания о временах минувших, ничего не говорило и совершенно ничего не значило для той человеческой лавы, которую извергли степи Центральной Азии.

Нишапур уже видел Джэбэ и Субудая под сво-

ими стенами, когда те преследовали хорезм-шаха Мухаммеда, и потому уже давно подготовился к обороне. У его защитников было 3000 баллист самых различных калибров, от легких до бросающих тяжелые каменные блоки и окованные железом бревна, 500 катапульт и огромное количество скорпионов, мечущих камни и целые тучи стрел. Вся эта смертоносная артиллерия древности и средневековья уже стояла на стенах.

Монголы прежде всего опустошили прилегающие к городу окрестности, чудом избежавшие меча Джэбэ, Субудая, а позже Тохучара. Затем они, как всегда, заставили пленных под огнем осажденных установить осадные машины — катапульты, баллисты, штурмовые башни и черепахи. Было выставлено 3000 баллист, 300 катапульт, 700 огнеметных орудий и 4000 штурмовых лестниц, а обращенные в рабов крестьяне окрестных сел доставили с гор 2500 корзин с камнями. Располагающие неограниченными запасами рабочей силы и вооружений, совершенно безразличные к потерям среди пленных, монголы могли очень долго вести осаду города.

Не желая допустить кровопролития среди пленных соотечественников, персидский начальник гарнизона Нишапура не стал открывать огонь из многочисленных городских баллист и катапульт и, предвидя неумолимо приближающийся штурм, не выдержал и выслал из города депутацию, состоящую из самых уважаемых его жителей, с предложением сдаться и изъявлением покорности. Однако, по ка-

ким-то неведомым нам причинам, Туле отказал им, и это тем более странно, что ему стоило лишь дать свое согласие на капитуляцию, чтобы без всяких потерь для монголов войти в город и предать его огню и мечу, как это уже было проделано им с Мервом.

Напротив, он отдал приказ тотчас приступить к штурму, и обстрел города начался. Глубокий ров, со всех сторон окружавший город, был засыпан, в крепостных стенах было пробито 70 брешей. Затем десятитысячный штурмовой отряд ринулся на приступ. Во главе нападавших была безутешная, но горящая жаждой мести вдова Тохучара (Тога-чара), дочь Чингиз-хана. Она шла впереди штурмующих. Монголы ворвались в город в нескольких местах, бойня началась. В течение четырех дней в городе шел бой и не прекращались убийства мирных жителей. Не пощадили никого, даже собак и кошек.

Туле хорошо усвоил урок Мерва, когда некоторые из его жителей, прячась среди руин и мертвецов, избежали резни. На этот раз он распорядился обезглавить каждого встреченного и поверженного врага, даже если тот был уже мертв; из мертвых голов были сложены пирамиды — мужских, женских, детских — каждая отдельно. Затем был отдан приказ разрушить здания, и работа эта длилась в течение пятнадцати дней. Лично убедившись в том, что Нишапур исчез с лица земли, Туле велел засеять ячменем то место, на котором когда-то стоял город. Говорят, что позже он нередко повторял: «Я

обратил в пыль и песок стены древнего Нишапура, но убедился, что и они могут приносить пользу: я увидел, как пророс на этом поле ячмень, напомнив мне и моим воинам родную Монголию».

Нишапур больше не угрожал Чингиз-хану, и Туле сразу повернул войска на восток. Но прежде чем уйти, он выслал отряд к городу Тусу, чтобы и с ним поступить так же, как с Мервом и Нишапуrom. Именно этот отряд разрушил и разграбил великолепный мавзолей Харуна ар-Рашида, ибо даже мертвым не было покоя там, где проходили монголы.

Следующей целью Туле был Герат. Направляясь к нему, он выслал во всех направлениях конные сотни — сжигать, грабить и убивать. Его войско разбило лагерь у стен Герата. Теперь Туле был уверен, что в тылу у него нет никаких очагов возможного сопротивления.

Правитель Герата решил защищать город до конца, и после восьмидневной подготовки штурм города начался. Монголы атаковали одновременно со всех сторон, отважный правитель города пал, отражая натиск монголов, и жители заколебались. К Туле прибыла их делегация. Удивительно, но в данном случае он согласился принять капитуляцию и даже сдержал свое слово настолько, насколько мог его сдержать воинственный и вероломный монгол. Он истребил лишь 12 000 человек из числа воинов гарнизона, но пощадил жителей. Но может статься, что эта неожиданная честность (и милость) его проистекала из необходимости как можно скорее

вернуться к Чингиз-хану. Кто знает? Однако позднее сам Чингиз-хан горько упрекал Туле за его снисходительность. Туле оставил в Герате монгольского градоначальника и начал долгий поход назад.

Случилось так, что как раз в этот период времени, когда Хорасан лежал в развалинах, одно маленькое тюркское племя, обитавшее до этого столетиями в оазисах неподалеку от Мерва, в ужасе и страхе оставило свои пастбища и кочевья и через Мазандаран и южный Азербайджан бежало на запад и укрылось в Армении. Когда монголы восемь лет спустя опустошили и эту страну, маленькое племя тюрков бежало дальше на запад. Вождь его Эртигрул умер в неизвестности, но вот сын его Осман (Усман) стал основателем великой Османской династии правителей Турецкой империи, перед которой столетия спустя в ужасе трепетал не только Восток, но и Западная Европа.

Мы оставили Чингиз-хана в его лагерях, разбитых на богатых травами лугах долин, лежащих к югу от Аму-Дарьи. Оттуда он отправлял отряды для очищения от сил противника верховий этой реки и реки Сыр-Дарьи. Посланные им монголы шли в Фергану и Бадахшан. У самого подножия Бадахшанских гор стояла мощная крепость Таликан (Талукан), которая упорно и весьма успешно на протяжении шести месяцев отражала все атаки нойонов Чингиз-хана. Наконец, старый Великий хан взял ход военной операции в свои руки, повелев возвести длинную и высокую насыпь, доведя ее постепенно до уровня крепостных стен, и ле-

том 1221 года лично руководил успешным взятием непокорной крепости, посреди руин которой его воины не оставили ни одного уцелевшего жителя. Однако нельзя было сказать, что чем дальше шли боевые действия, тем свободнее, безопаснее и увереннее чувствовало себя в этих местах северного Афганистана монгольское войско... И тому были веские причины.

В предыдущей главе мы рассказали о том, как Джелаль эд-Дин, сын хорезм-шаха Мухаммеда, уйдя от монгольской погони, оставив южные берега Каспийского моря, отплыл на полуостров Мангышлак, а оттуда ускакал в Ургенч. Он застал город за активной подготовкой к обороне, однако вскоре борьба политических группировок показала ему, насколько его дело здесь безнадежно. Поняв, что он не может ни контролировать, ни примирить противоборствующие стороны, он оставил город. План, который теперь он намеревался осуществить, был столь же отважен, сколь и безрассуден. Джелаль эд-Дин поскакал через пески Каракумов с тремя сотнями своих сторонников, решив попытать счастья в Афганистане. Среди его спутников был отважный защитник Ходжента Тимур-Мелик. Но Джэбэ и Субудай оставили отряды в Хорасане, а Чингизхан развернул целую цепь конных разведывательных разъездов между Мервом и Нисой для наблюдения за малейшим движением, исходящим из Ургенча. Так что неподалеку от развалин Нисы, недавно разграбленной и разрушенной Тохучаром, монгольский отряд в семьсот человек преградил им

путь. Явно превосходящие силы врага не смутили отважных воинов. Джелаль эд-Дин и Тимур-Мелик атаковали ненавистного врага, и, сразив многих монголов, силой и мужеством проложили себе путь сквозь монгольские ряды.

Вместе с остатками своего отряда Джелаль эд-Дин и Тимур-Мелик целыми и невредимыми достигли Нишапура, тогда еще не взятого монголами, и провели там некоторое время в безопасности. Братья Джелаль эд-Дина, младшие дети Мухаммеда, выехали из Ургенча через некоторое время после его отъезда, но получили достоверное известие о приближении к городу армии под предводительством Джучи, Джагатая и Угэдэя (Огдая). Они тоже столкнулись с монголами, но были гораздо менее решительны и мужественны и не столь счастливы, как их старший брат. Все они пали под монгольскими стрелами, и их головы были водружены на пики в ознаменование монгольской победы (февраль 1221 года).

Посмотрим теперь, что предприняла армия Джучи, Джагатая и Угэдэя, которую Чингиз-хан послал на Ургенч. В то время как Туле направлялся в Хорасан, эта армия двигалась вниз по течению Аму-Дарьи — в древний Хорезм.

Должно быть, этот поход начался в январе 1221 года, и путь монгольских войск пролегал через Бухару на север — в Ургенч. Аму-Дарью монголы перешли по льду южнее Ургенча. В этих местах и далее на север, по мере приближения к Аральскому морю, река становилась все шире и мелко-

водней, постепенно разделяясь на несколько рукавов. Течение ее то тут, то там ограждали острова. Чем ближе к морю, тем болотистой становилась местность, но обилие воды, направленной в многочисленные естественные протоки и созданные руками человека каналы, способствовало развитию в некоторых местах Хорезма ирригационного земледелия.

Количество садов и огородов в таких местах было необычайно велико, хотя издревле остальные районы дельты Хорезма считались нездоровыми из-за полчищ комаров, роящихся в заболоченных местах.

Первым признаком надвигающейся грозы стало совершенно неожиданное для жителей Ургенча появление монгольского разведывательного отряда, осмелившегося вплотную подойти к самым воротам города и захватить несколько его жителей (а вместе с ними и лошадей) в плен. Силы гарнизона были велики — 90 000 прекрасно вооруженных бойцов. Некоторые из них — по всей видимости, отъявленные храбрецы, — тотчас сделали вылазку и завязали бой. Монголы, как всегда, внезапно обратились в бегство, и тюрки начали стремительное преследование. Неожиданно монголы остановились и, повернув назад, атаковали. В это самое время главные монгольские силы, до сих пор не показывавшиеся на глаза тюркам, отрезали их от города. Монгольская хитрость была проста и эффективна. Тюрки были наголову разбиты, а некоторые не в меру рьяные монголы даже ухитрились ворваться в город

буквально на плечах беглецов, но там были перебиты.

Подошла главная армия и молодые ханы, дети Чингиз-хана, потребовали от города сдачи, однако их требование было встречено с явным пренебрежением. Особенности самой почвы способствовало делу защиты города и крайне мешали осаждавшим. Дельта Аму-Дарьи состоит из весьма мягкого ила, занесенного сюда рекой благодаря ее очень медленному и величавому течению. Более тяжелые илистые отложения оседали на дно в верхнем течении реки, и только самый плодородный и легкий ил достигал устья. Передвигать тяжелые катапульты по такой почве было далеко не легким делом, но еще труднее в этих местах было раздобыть тяжелые и твердые камни и каменные блоки, необходимые для разрушения крепостных стен и городских сооружений.

Изобретательные китайские инженеры пытались, правда, чем-либо восполнить этот недостаток, срубая стволы тутовых деревьев и для придания тяжести и прочности вымачивая их в воде, но это средство вскоре было признано малоэффективным. Дерево не заменяло камня и сильных разрушений в городе не производило.

Между тем Угэдэй и Джагатай поселились в загородной резиденции хорезм-шахов Тиллялы, в то время как их военачальники: Кадан, Богурчи, Тулен Джерби, Таджибек продолжали изготавливать осадные орудия и изыскивать способы хоть чем-либо заменить недостающий камень.

Во главе войска городского гарнизона стояли султан Хумар-Тегин с ближайшими и верными ему помощниками Огул Хаджибом, Эр-Бука Пехлеваном, Али-Дуруги.

Джучи со своим войском прибыл последним, когда его братья уже полностью взяли город в кольцо осады. Мимо стен города, в одном из его предместий, протекал один из рукавов Аму-Дарьи. На десятый день осады монголы, стремясь добраться до городских стен, попытались овладеть одним из мостов через поток Аму-Дарьи, ведущий прямо к крепостным воротам. В этом месте стена была наименее высока, но мост, ведущий в город, был разрушен жителями Ургенча. Чтобы подвести к стенам метательные машины, тараны и черепахи, 3000 монголов и огромное количество пленных начали исправлять мост через канал. Осажденные сделали вылазку, завязался жестокий бой. Неожиданный натиск воинов городского гарнизона и простых горожан, поддержанный огнем со стен, увенчался блестящей победой. Монголы были отброшены, потеряв убитыми и тяжелоранеными 3000 человек. Потеряв надежду в скором времени овладеть городом, они прибегли к последнему средству, бывшему в их распоряжении и весьма часто применявшемуся в Европе для достижения тех же целей. Этим средством была голодная блокада.

Осада тянулась всю весну и продолжалась летом, весьма неблагоприятным временем года в этих краях. Джучи и Джагатай рассорились, дисциплина начала падать. Суть конфликта сводилась к тому,

что Джучи явно отрицательно относился к мысли, которую внушал ему и его братьям отец — непременно уничтожить город, — который в скором времени должен был стать частью его владений. Та же самая причина заставляла его воздерживаться от полного разрушения городов по берегам Сыр-Дарьи.

Наступил июнь, царила невыносимая жара, а город все еще не был взят. Монголы несли ощутимые потери — от малярии, тифа и дизентерии, часто посещающих болотистые земли такого типа.

Между тем Чингиз-хан проявлял нетерпение. Разногласия между двумя сыновьями были ему известны и очень его беспокоили. Тогда он отстранил от командования обоих, верховную власть над тремя армиями вручил одному Угэдэю (Огдаю). По всей видимости, он знал, что Угэдэй рано или поздно примирит братьев и восстановит дисциплину в армии.

Угэдэй решил довести осаду до конца. Отступить было невозможно. Отец этого ему никогда бы не простил. Когда городской гарнизон построил деревянные укрепления вдоль берега реки, протекающей у стен города, и вывел через каналы довольно хорошо вооруженный речной флот, китайские инженеры сделали все от них зависящее, чтобы его уничтожить. Ими было изготовлено огромное количество зажигательных стрел и материалов. Воспользовавшись первым дуновением сильного ветра, они тотчас же обрушили огненный смерч на корабли речной флотилии и прибрежные

укрепления, которые, как мы помним, тоже были в основном из дерева.

Воспользовавшись паникой, охватившей некоторые районы города в связи с неожиданным пожаром, монголы стремительно пошли на штурм прибрежных укреплений и посреди ужасающего огня и страшной резни ворвались в предместье. Уже давно свыше 3000 человек работали над изменением русла реки Аму-Дарьи и, хотя гарнизон все время беспокоил рабочих беспрестанными вылазками, Угэдэй все-таки довел работы до конца (июнь 1221 года). Наконец, считая, что время пришло и час судьбы пробил, он приказал начинать генеральный штурм города со всех сторон, и осаждающие поднялись на стены. Когда же правитель города прислал гонца, говоря, что жители его достаточно испытали на себе в течение шести месяцев ярость монголов, а теперь уповают на их милосердие, Угэдэй в изумлении воскликнул: «Как! Из-за своего упрямства вы погубили столько наших людей! Знайте, что это мы испытали на себе вашу ярость, а теперь черед вам испытать на себе нашу месть!».

И все же он пощадил ремесленников и мастеров различных искусств и ремесел, а остальных предал смерти. Когда истребление было завершено, пленных, оставшихся в живых, заставили разрушить Великую плотину Аму-Дарьи, позволив волнам довершить истребление города.

Ургенч был выстроен на месте древнего высохшего русла Аму-Дарьи, которое протекало, минуя Аральское море, прямо в воды Каспия, и мон-

голы своими инженерными работами вернули воды реки в ее древнее русло. Вот как об этом сказал древний историк Ибн аль-Асир (XIII в.): «Монголы сами разрушили плотину, после чего вода хлынула и затопила весь город. Строения разрушились, и место их заняла вода». Существует предание, что именно по приказу хана Джагатая, не желавшего оставлять в руках своего брата Джучи жемчужину Хорезма, монголы разрушили плотины, распределявшие воду по всей стране, и воды Аму-Дарьи хлынули в свое старое русло. Так или иначе, но все чудом уцелевшие от монгольских погромов жители города захлебнулись в мутных потоках родной реки, а воды ее опять потекли в сторону Каспия*. После гибели Ургенча были взяты и другие, менее крупные, города. Дельта Хорезма была очищена от хорезмийских войск. Последняя угроза флангам и тылу войска Чингиз-хана была устранена. В ответ на его призыв армия Угэдэя поспешила на воссоединение с ними; и причина столь внезапного приказа должна быть объяснена.

* Как утверждает Герберт Вуд в своей книге «Берега озера Арал» (изд. Смит Элдер, 1876 г.), большая плотина перекрывала старое русло Окса (Аму-Дарьи) и удерживала реку в ее новом течении. Монголы, разрушив эту плотину, не только поменяли течение реки, но и превратили всю местность в болото. Город, называемый ныне Старый Ургенч, был выстроен в 60 милях от своего печально знаменитого предка. Известно также, что еще в XVI столетии, три столетия спустя после походов монголов, Окс (Аму-Дарья) по-прежнему текла в Каспийское море (sic). (см. «Каракитай и те, кто жил западнее их»).

Джелаль эд-Дин — а было это в феврале 1221 года, задержался в городе Нишапуре. Возможно, он ясно видел безнадежность попыток поднять на борьбу Хорасан: слишком силен был страх перед монголами, зароненный в сердце хорасанцам совсем недавно прошедшими здесь Джэбэ и Субудаем. Поэтому даже самые отважные предпочитали благо-разумно отсиживаться за стенами городов. Спустя некоторое время выехав из Нишапура, Джелаль эд-Дин заметил, что его преследуют монгольские разведчики, число которых день ото дня постоянно растет. Монгольская система конной разведки находилась на очень высокой ступени развития. Его встреча с монголами под стенами Нисы, так же как появление монголов у Нишапура, едва ли покажутся простым совпадением. Создается впечатление, что на протяжении всей хорезмийской кампании монголы точно знали, что происходило или происходит в лагере их врагов, в то время как их противники с трудом представляли, каким будет следующий шаг монголов. Если отдать себе отчет в том, что многие военачальники Чингиз-хана в кампа-

* На три четверти население монгольской возвышенности состояло из тюрков. Слово «монголы» применяется мною подчас в обобщающем смысле. К примеру, китайские историки, сталкивавшиеся с той же проблемой, называли все население Монголии «та-та» — «татар», т. е. именем монгольского племени, весьма родственного маньчжурам. Заметим, что в древности под словом «монголы» или «татары» понимались самые различные народы — персы, тюрки-канглы, туркмены, китайцы, уйгуры и даже русские, служившие под началом чистокровных монголов в их очень интернациональных войсках.

нии против Хорезма были тюрками*, нет ничего удивительного в том, что Чингиз-хан имел все возможности для того, чтобы организовать великолепную и эффективную разведывательную сеть. У его врагов такой возможности не было. Военная система монголов затрудняла проникновение вражеских лазутчиков в их среду — настолько она была спаянной и монолитной, чего никак нельзя сказать об армиях их врагов. Вполне возможно, что этот недостаток вражеских армий упрощал работу монгольских лазутчиков.

Весьма многим была обязана монгольская разведка и природным навыкам и способностям монголов, этих прирожденных следопытов степей и пустынь.

Разведывательно-заградительный щит из стремительных конных отрядов всегда обгонял основное войско на расстояние двух дней пути (около 100 миль вперед или в сторону, по флангам). Так сильные конные отряды шли впереди войска; когда же оно двигалось по вражеской территории, монгольские сотни и десятки рассыпались широкой цепью вдоль всего пути следования великой армии, периодически возвращались назад и наблюдали за тылом, совершая таким образом постоянное циклическое движение (никогда не стоя на месте) вдоль всего пути следования монгольского войска.

Можно не сомневаться в том, что монгольские дозорные далеко углубились в пески Каракумов и наблюдали за всеми движениями Джелаль эд-Дина

с момента его выезда из Ургенча до того дня, когда они все-таки упустили его у самого Фараха.

Система монгольской конной разведки была такой же неотъемлемой частью монгольского способа ведения войны, как и ложное отступление с поля битвы. Когда мы читали о европейских армиях 1914 года, выдвигавших аванпосты и патрули самое большее на 10-11 миль вперед от основных сил, мы легко можем представить себе, насколько померкло в XX веке искусство маневра и военной хитрости, насколько утрачено для нас, европейцев, боевое искусство прошлого. Современная война стала малоподвижной и позиционной и выражается в том, что воюющие армии почти вслепую или на ощупь ищут и сталкиваются друг с другом, легко допуская грубые просчеты и неся неоправданные потери. К этому грустному выводу можно добавить лишь то, что солдату перед лицом современного оружия не остается ничего другого, кроме как окапываться, окапываться и еще раз окапываться. У него нет другого выхода. В европейском искусстве ведения войны, в котором нет ничего, что хотя бы отдаленно напоминало конную разведку монголов, даже соединение двух совместно действующих армий на поле боя всегда было для европейцев трудновыполнимым маневром, в то время как у монголов это было самым простым и легкоисполнимым делом.

Ключ к реальной мобильности и маневренности монгольской армии, возможно, кроется именно в совершенстве ее конной разведки, совершен-



но неопенимой для войска, с огромной быстротой перемещающегося из одного пункта в другой, не опасаясь при этом неожиданной встречи с противником или засады.

Но если широкая цепь разведывательных отрядов удалялась на добрую сотню миль вперед от основной армии и проходила от 50 до 70 миль в день, ей легко было не только заблаговременно обнаруживать приближение или расположение сил противника, но и обследовать его фланги и передовые позиции, а также препятствовать ему проводить разведку. Помимо этого конный щит сам оказывал давление на фланги и тыл неприятеля.

Пети де ля Круа утверждает, что разведчики постоянно держали Чингиз-хана в курсе всего происходящего в Ургенче и что происходило это благодаря именно той цепи аванпостов (и конных разъездов), которые протянулись от Мерва до Шахристана, который находился близ Нисы.

Однако самое время вернуться к Джелаль эд-Дину. Когда он понял, что его преследуют, то прищпорил коня и попытался уйти от погони. 120 миль от Нишапура до Зузана (Заузана) он проскакал за один день. Некоторые историки, и среди них ал-Джувеини и Рашид эд-Дин, уверяют, что Джелаль эд-Дин покинул Нишапур 10 февраля 1221 года. Он не смог войти в Зузан из-за враждебности его жителей, заявивших, что если монголы нападут на него с одной стороны, то и они, в свою очередь, будут метать в него камни со стен крепости.

По другой версии ворота Зузана были на за-

поре из-за наступления темноты или из страха перед монголами. Так или иначе, но Джелаль эд-Дина пришлось продолжить путь. К счастью, монголы потеряли его из виду ночью, и он невредимым достиг Газни. Здесь тоже было неспокойно, но местные жители с радостью встали под его знамена. Смотр собранных войск показал, что теперь под его началом от 50 до 60 тысяч человек. Именно это обстоятельство, став известным Чингизхану, заставило того срочно собрать монгольских военачальников. К концу лета Туле, Джагатай и Угэдэй уже соединились с ним. Джучи, возмущенный своим отстранением от командования войском, взял часть своих воинов и увел их в степи, лежащие к северу и востоку от Аральского моря, а затем разбил свою ставку в городе Сыгнаке. Он не принимал участия в дальнейшей кампании, несмотря на приказы самого Чингиз-хана. Монгольские войска были сконцентрированы где-то в окрестностях Кундуза, откуда Чингиз-хан направил их долинами рек Кундуз и Сурхаб на крепость Бамиан. Вперед были посланы три тумэна под командованием Шики Кутуку (Шиги Кутаку) (из племени буирнурских татар), которого Чингиз-хан взял в плен, когда тот был еще младенцем, а затем усыновил. Теперь Шики Кутуку поручалось наблюдение за армией Джелаль эд-Дина в районах, лежащих к северу от гор Гиндукуша. Небольшой разведывательный отряд из войска Кутуку дерзко прорвался к селению Валиан, но был захвачен врасплох и разбит в бою с воинами Джелаль эд-Дина.

Ободренный первым успехом Джелаль эд-Дин отступил в Перван (Парван)*, где располагался его обоз и лагерь. По всей видимости, он угадал намерение своего противника.

Шики Кутуку, выйдя за пределы данных ему полномочий, прошел через горы Гиндукуша и спустился на равнину близ Первана, где и ожидал его Джелаль эд-Дин. Эта долина представляла собой изрытую оврагами очень неровную и сплошь усеянную камнями местность. С севера возвышались хребты Гиндукуша. Действие конницы в этой долине было крайне затруднено. Здесь у нее не было места ни для маневра, ни для стремительного нанесения флангового или фронтального удара. Лошади монголов теряли ход, спотыкаясь на каждом шагу.

Поэтому Джелаль эд-Дин спешил своих тюркских всадников на правом фланге, где ими командовал Амин-Мелик (Эмир-Малик), и стал ждать нападения монголов.

В первый день ничего решающего не произошло, и исход битвы ожидался неопределенным. К тому же монголам негде было развернуться для своего обычного маневра — притворного бегства. Армии разошлись на ночь. Монголов было 30 000 человек, и противник превосходил их числом; и хотя

* По всей видимости, речь может идти о том Перване (Парване), который до сих пор находится к северо-западу от Чарикара, у слияния рек Горбенд и Пянджшер. Однако речь может идти и о другом Перване (Парване) — близ истоков реки Логар (приток реки Кабул), между Бамианом и Газни (ал-Джуджани, В. В. Бартольд).

они, в свою очередь, превосходили его дисциплиной и организованностью, совершенно неудобная для них позиция сводила на нет их тактическое преимущество.

На следующий день оба войска вновь сошлись на поле брани и при первом взгляде могло показаться, что к монголам прибыли подкрепления. Находчивый монгольский военачальник отдал приказ сделать как можно больше соломенных и войлочных чучел, облачить их в монгольскую одежду и посадить на запасных лошадей.

Хитрость удалась — она не на шутку встревожила некоторых сподвижников Джелаль эд-Дина, но не его самого. Увеличение числа врагов, уже попавших в устроенную для них западню, его не пугало. Он не собирался выпускать победу из своих рук. За спиной монголов были горы с узкими ущельями с правой и левой стороны, по которым протекали реки Пянджшер и Горбенд, под ногами растилась равнина, совершенно непригодная для монгольской конницы. Упустить такой шанс было нельзя. Ненавистный враг должен был дорого заплатить за свои злодеяния. Джелаль эд-Дин твердо стоял на своем, несмотря на увещания и просьбы военачальников не искушать судьбу, он отдал приказ всем войскам спешиться, понимая, насколько пеший лучник превосходит конного, особенно когда тому мешает самый рельеф местности и даже земля под ногами.

Монголы обрушились на его левый фланг, но были встречены таким ураганом стрел, что отступили в смятении. Шики Кутуку отдал второй при-

каз атаковать по всему фронту, наступило время отчаянной резни. Но Джелаль эд-Дин все-таки дождался своего часа и, когда общая атака монголов была отбита ливнем стрел, велел садиться на коней и атаковать.

Теперь ослабленные и поредевшие монгольские сотни испытали на себе всю силу армии Джелаль эд-Дина, имевшую численное превосходство и свежих лошадей. Наконец, монголы были наголову разбиты тюркской армией. Лишь немногим (менее половины) из войска Кутуку удалось найти спасение в бегстве. Если бы Джелаль эд-Дин сумел сохранить единство своей армии, он непременно смог бы атаковать и блокировать движение войск Чингиз-хана, заставив и его принять бой в столь же невыгодных для монголов условиях, а тем временем и дикие афганские горцы тоже оказали бы ему помощь в борьбе с конницей захватчиков. Однако спор из-за добычи, разгоревшийся сразу после победы между Эмир-Меликом, командиром тюрок племени канглы, и вождем туркменов Сайф эд-Дином Играком (Аграком), привел к тому, что оба военачальника армии Джелаль эд-Дина рассорились друг с другом, и Сайф эд-Дин Играк (Аграк) ушел, уведя с собой 30-тысячное туркменское войско. Одни историки утверждают, что причиной ссоры была горячность Эмир-Мелика, ударившего плетью туркменского вождя. Другие (например, Ибн аль-Асир) пишут, что пустяковая ссора переросла в настоящее сражение, в котором был убит брат Сайф эд-Дина Играка.

Вскоре и предводитель афганских племен увел

своих сторонников, оставив Джелаль эд-Дина всего лишь с 20 000 человек против 70 000 монголов; у того не оставалось другого выбора, кроме отступления. На этот раз сам Чингиз-хан шел на Бамиан, некогда, еще до прихода сюда ислама в VIII веке, бывший крупнейшим центром буддизма в Индии и Афганистане. До сих пор в здешних местах возвышаются в скалах величественные и огромные статуи Будды.

Во время разведки крепостных стен был смертельно ранен Моатугэн, сын Джагатая и любимый внук Чингиз-хана. «Запрещаю тебе предаваться скорби», — мрачно промолвил старый воин безутешному сыну, и сила монгольской дисциплины была такова, что Джагаатай подавил свое отчаяние и лишь в своей юрте, оставшись один, давал волю чувствам.

В течение семи дней сокрушались стены Бамиана и когда они были проломлены, штурм повела жена Джагатая. Приказ был прост — город должен был исчезнуть с лица земли вместе с его обитателями. Пленных и добычу брать было запрещено. И монголы убили всех, даже собак и кошек. Жертвоприношение духу умершего внука было угодно богу войны Сульдэ. Теперь разгневанное божество успокоилось. Таков был конец Бамиана, навсегда исчезнувшего с поверхности земли, хотя величественные статуи Будды по-прежнему стоят в тех местах и до сих пор являются одним из чудес Афганистана. Долина, на которой стоял город, была опустошена. Пришло время покончить с Джелаль эд-Дином. Повелев, не мешкая, начать преследо-

вание заклятого врага, Чингиз-хан повел армию в верховья Горбенда, — туда, где потерпел поражение Шики Кутуку. На месте недавнего боя он терпеливо выслушал рассказ своего приемного сына и указал тому на допущенные ошибки, «дабы в будущем тот мог извлечь большую пользу из его наставлений и впредь не нести столь тяжелых потерь». Чингиз-хан не стал ни в чем обвинять молодого и неопытного всеначальника. Ему ли, старому и испытанному воину, было не знать, сколь переменчиво военное счастье. Собрав разрозненные остатки войска Кутуку, он устремился на поиски Джелаль эд-Дина.

Войско шло на предельной скорости и в течение двух первых дней пути у него не было возможности остановиться и передохнуть. Подойдя к Газни, Чингиз-хан узнал, что Джелаль эд-Дин оставил город 15 дней тому назад и направился в Индию, стремясь как можно скорее оставить между собой и монголами реку Инд (Синд). Стремительный бросок Чингиз-хана лишил его возможности собрать новые силы из всех провинций Афганистана.

Едва Великий хан узнал, какой дорогой ушел Джелаль эд-Дин, он вновь погнался за ним, надеясь все-таки перехватить его до Инда. На подступах к реке передовой отряд Чингиз-хана столкнулся с арьергардом султана (Джелаль эд-Дина), состоящим из одной тысячи воинов, и уничтожил его. Затем, зная, что султан Джелаль эд-Дин намеревается переплыть Инд на следующий день, монголы стремительным маршем вырвались к реке и заставили свою добычу все еще на западном берегу Инда.

Именно на берегах Инда и произошло решающее сражение.

Вот что пишет об этом историк ан-Насави в своей биографии Джелаль эд-Дина: «Чингиз-хан дошел к берегу реки Синд до того, как султан Джелаль эд-Дин успел выполнить то, что задумал: вернуть отколовшихся эмиров. И вот налетели друг на друга конные, сошлись в бою храбрецы. Затем настало утро восьмого дня шавваля 618 года (25 ноября 1221 года). Джелаль эд-Дин с горсткой храбрецов ринулся в самый центр войск Чингиз-хана. Проклятый обратился в бегство, однако он до сражения выделил в засаду 10 000 всадников из числа отборных воинов, имевших чин бахадуров (багатуров). Они набросились на правый фланг Джелаль эд-Дина, где стоял Эмир-Мелик (Амин-Мелик), и разбили его, отбросив к центру. Во время битвы был взят в плен сын Джелаль эд-Дина, мальчик семи или восьми лет; он был убит перед Чингиз-ханом»*.

Когда Джелаль эд-Дин пробился к реке, армия его была уже разгромлена и лишь немногим удалось перебраться на другой берег Инда. Женщины гарема молили его о смерти и были все до единой брошены в воды реки.

Таково предание. Попробуем теперь пролить свет современного анализа на это давно канувшее в бездну времени событие.

Из всех монгольских кампаний эта, без сомнения, самая интересная. Чингиз-хан вышел из Ба-

* *Ан-Насави. Жизнеописание султана Джелаль эд-Дина Манкбурны. Пер. З. М. Буниятова. М., 1996 (прим. переводчика).*

миана в конце августа или начале сентября 1221 года. Путь из Бамиана в Кабул очень труден, но дорога на Газни сравнительно легка, за исключением всего лишь одного горного перевала, который называется Шехрдахан и лежит на высоте 9000 футов. Сам город Газни расположен на высоте 7500 футов над уровнем моря. От него к Инду ведут две дороги — через реки Куррам и Точи.

Д'Оссон говорит, что не располагает точной информацией относительно пути монгольской армии и места сражения на берегах реки Инд.

Однако, принимая во внимание все вышеизложенное, я возьму на себя смелость утверждать, что путь войск Чингиз-хана пролегал из Газни в Банну вдоль реки Точи, а затем через реку Куррам в районы города Калабага, расположенного на берегу Инда. В этом месте ширина реки невелика — всего лишь 400 ярдов. К югу от Калабага в нижнем течении реки встречаются широкие песчаные отмели, разделяющие русло Инда на несколько рукавов, которые и делают его весьма труднопроходимым для большого войска.

Все современные исследователи (и д'Оссон в их числе) единогласны в том, что битва была очень упорной. Одни из них полагают, что монголы во много раз превосходили войско Джелаль эд-Дина и со всех сторон окружили его силы, прижав их к реке. Однако д'Оссон признает со свойственной ему честностью, что собранная им информация недостаточна и не позволяет нарисовать более точной картины. Поэтому я полагаю, что не будет слишком бесчестно для историка не согласиться с

предложенной им картиной с военной точки зрения.

Силы Чингиз-хана к моменту выхода из Бамиана исчислялись 50—70 тысячами человек. Думаю, мы можем уменьшить это число из-за необычно высокой скорости преследования неприятеля по весьма и весьма труднопроходимой местности. Часть маршрута пролегла узкими горными тропами, через горные ущелья и скалы. Помня о том, что и Джелаль эд-Дин не тратил времени даром, невозможно не допустить, что Чингиз-хан потерял по крайней мере половину своей конницы и сменных лошадей по дороге, ибо в такого рода предприятиях всегда велика доля потерянных и оставших. Колонны монгольского войска должны были растягиваться все сильнее и сильнее. Отставшие и замешкавшиеся с трудом нагоняли главные силы и авангард.

С другой стороны, Пети де ля Круа и В. В. Бартольд утверждают, что около 4000 воинов армии Джелаль эд-Дина спаслись. Если мы подарили монголам преимущество 3 к 1, три монгольских воина на одного хорезмийского, то будет трудно представить, с военной точки зрения, каким образом армия Джелаль эд-Дина, сражавшаяся, имея реку в своем тылу, могла избежать полного истребления. Именно это соображение наводит на мысль, что в действительности силы монголов совершенно не превосходили или превосходили незначительно силы армии Джелаль эд-Дина. Д'Оссон утверждает, что сражение продолжалось с рассвета до полудня и в течение всего этого времени султан Дже-

лаль эд-Дин непрестанно атаковал центр монгольского войска. Но это было бы совершенно невозможно при том численном превосходстве (три к одному), которое имели, на его взгляд, монголы. Будь это так, бой не продлился бы и часа, закончившись гибелью Джелаль эд-Дина и полным уничтожением его армии.

Существует и другое изображение описанных событий, которое имеет более правдоподобный вид. Пети де ля Круа в своем жизнеописании Чингиз-хана так описывает сражение: Джелаль эд-Дин занял очень выгодную позицию, упираясь левым флангом в горные хребты, а правым в излучину реки Инд. На рассвете монголы атаковали, сам Чингиз-хан принял командование над сильным конным отрядом, находящимся в резерве центра его войска. Правым крылом противника командовал Эмир-Мелик (Амин-Мелик), опрокинувший и начавший преследовать левый фланг монголов. Левый фланг Джелаль эд-Дина, укрепившийся в предгорьях, был очень устойчив и отражал все удары противника, однако султан, желавший сохранить бойцов для следующих битв, по ходу развития сражения отводил оттуда в тыл силы обороняющихся. Это тактическое мероприятие сыграло свою роковую роль.

Чингиз-хан, заметив постепенное сокращение сил, держащих оборону на горной возвышенности, направил отряд во главе с Бала Нойоном, поставив перед ним задачу взять укрепленную высоту и разгромить левый фланг хорезмийцев. Пока Бала Нойон штурмовал горные отроги, Джелаль эд-Дин упорно пробивал монгольский центр и был близок к его

полному и окончательному прорыву. Дело дошло до монгольского резерва. Теперь уже самому Чингиз-хану пришлось идти в атаку на победоносный правый фланг хорезмийцев и с трудом удерживать пошатнувшийся центр своего войска. Когда же атака Бала Нойона на ослабленный левый фланг Джелаль эд-Дина удалась и он, сокрушив левый фланг хорезмийцев, в свою очередь, ударил по тылам хорезмийского центра, положение решительно изменилось. Порядок управления хорезмийскими войсками был потерян, надежные позиции прорваны монголами.

Джелаль эд-Дин понял, что оказался в «котле». Бросив тяжелое вооружение и латы, он налегке пробился сквозь кольцо монголов и заставил лошадь прыгнуть с крутого берега реки. А между тем Чингиз-хан, с истинно рыцарским достоинством наблюдавший, как плывет к противоположному берегу Инда его враг, запретил своим войскам стрелять из луков по беглецу.

Так произошла эта битва. Джелаль эд-Дин приискал в Дели, но правящий там султан не оказал ему никакой помощи. Пространствовав по Пенджабу не менее года и так ничего и не добившись, он решил попытать счастья в западной Персии, где несколько лет вел упорную и безуспешную борьбу, стремясь перетянуть чашу весов судьбы на свою сторону. Увы, он многого добился, но все потерял.

Будучи разгромлен монголами, он пытался укрыться в Курдистане и был убит неизвестным курдом, опознавшим в нем хорезмийца и султана. Так сошла со страниц истории эта незаурядная личность,

единственный из всех противников Чингиз-хана, способный не только встать у него на пути, но и имевший реальный шанс повернуть вспять все монгольское нашествие. Он упустил его. Судьбе было угодно распорядиться иначе.

Предназначенный для большего, Джелаль эд-Дин всего лишь мелькнул на небосклоне истории, оставив по себе долгую память и множество криво-толков. Героическое и трагическое слилось в его судьбе — и трагическое возобладало.

После сражения на Инде монгольское войско двинулось на Пешавар. Возле Кохата был схвачен и казнен Амин-Мелик (Эмир-Мелик). Чингиз-хан разбил лагерь в долине Бара-реки, недалеко от Пешавара, и оставался здесь некоторое время. Однако события в тылу вынудили его повернуть на перевал Хайбер и стать лагерем в окрестностях Кабула. В это время Угэдэй был направлен на уничтожение города Газни и честно исполнил поручение отца, истребив жителей города.

Пока Чингиз-хан стоял на равнине вблизи Кабула, ему доносили о том, что шайки разбойников, скрывающихся в горах Каратага, нападают на монгольские тыловые посты и гарнизоны, что они разрушили мост через реку Пяндж, недалеко от устья Вахша. Желая примерно наказать разбойников, хозяйничавших в его тылу, Чингиз-хан послал несколько конных отрядов через Кафиристан и долины Баджаур и Кунар к устью этой реки.

Зима 1221 года была одной из самых суровых, когда-либо обрушивавшихся на долины Афганистана. Жители афганских гор, опытные наездники

и воины, испытав на себе силу монгольского оружия, не осмеливались бунтовать.

В этот период последние уцелевшие крупные города восточного Ирана испили общую для них горькую чашу судьбы. Когда Герат услышал о победе над Шики Кутуку (Шиги Хутаху) при Перване (Парване), город восстал и убил монголов. Но теперь, когда армия Джелаль эд-Дина была разгромлена, монгольский нойон Ильчи Кадай получил из рук Великого хана 70 000 человек с поручением уничтожить Герат.

Высокие валы, окружавшие город, были созданы на развалинах не один раз разрушавшихся стен, но и их взять было совсем не просто. Город сопротивлялся отчаянно, хорошо зная, какая участь его ждет. Шесть месяцев и 17 дней длилась ужасная и кровопролитная осада, пока верх не взяла партия мира. К сожалению, ее усиление привело лишь к еще большим раздорам в стане осажденных и очень сильно мешало решительной обороне города. 14 июля 1222 года жители впустили монголов в город, а уже 21 июля те перебили все его население — героев и трусов, пацифистов и сторонников войны. Потребовалось не меньше недели, чтобы полностью расправиться с могущественным городом, и чтобы убедиться, что Герат мертв, монгольский отряд численностью в две тысячи человек еще раз прошел по его руинам несколько недель спустя. Улицы мертвого города были по-прежнему завалены грудями мертвых тел, над развалинами стоял страшный смрад разложения. Но монголы нашли еще две тысячи несчастных страдальцев, пережив-

ших катастрофу, и присоединили их тела к телам остальных жителей города.

Во вторую неделю мая 1222 года даосский монах Чан Чунь, выехавший из Китая в 1221 году, прибыл в лагерь Чингиз-хана и записал в своем дневнике, что вскоре после его приезда монголы перенесли лагерь в Перван (Парван). Китайский философ также отметил, что Чингиз-хан стоял у подножий Гиндукуша до 3 октября.

Должно быть, именно в 1222 году Джагатай был послан на юг к Индийскому океану. Было известно, что Джелаль эд-Дин попытался пробраться в Персию, ибо, после того как ему отказал делийский султан, он разбил лагерь в Лахоре. Чингиз-хан отдал приказ Бала Нойону с двумя тумэнами скакать в Пенджаб и одновременно велел Джагатаю с равными силами пройти Белуджистан до Индийского океана. Подобный двойной удар когда-то удался в войне против Гучлука, однако теперь он не принес ожидаемого успеха.

Бала Нойон довел свои тумэны до Мултана и повернул на север — на Ферозпур и Лахор, стоящий на реке Рави.

Царица страшная, все убивающая жара, вынудившая отступить в свое время даже Александра Великого. Монголы не выдержали. С горечью в сердце Бала Нойон вынужден был отвести свое войско назад, в более прохладные горы.

А в это самое время Джагатай прошел Белуджистан с севера на юг, и память о произведенных им опустошениях до сих пор еще жива в этих унылых, выжженных солнцем горах. Из Белуджистана

он повернул в Мекран, лежащий западнее, на самом берегу океана, и у города Тэз стал на отдых. Возвращаясь назад, он потерял многих своих людей, погибших от голода, жажды и нестерпимой жары в пустыне Мекрана, той самой, что под именем Гидрозии знал еще Александр Македонский и в которой он также едва не погиб.

Где-то в Систане (Сеистане) Джагатай разделил свои силы. Остатки одного из его тумэнов пошли прямой дорогой на Гиндукуш, соединившись там с Бала Нойоном, в то время как сам Джагатай повел остатки своего войска в Фарах, а оттуда в Бухару, где уже разбил свои кочевья Угэдэй. Этот сын Чингиз-хана, видимо, сразу после покорения Газни пошел на Кандагар, а потом избрал более легкий путь на Фарах, Герат и Келиф.

С другой стороны, Джагатай мог скакать из Мекрана прямо на север и уже в Фарахе соединиться с Угэдэем.

Интересно отметить, что хотя эти походы весьма примечательны в военном отношении, внимание историков всегда концентрировалось на Чингиз-хане и лишь изредка они упоминали о боевых операциях его подчиненных. Как видим, есть и разногласия в отношении обратного маршрута войска Джагатая. Пети де ля Круа полагает, что Джагатай, отослав часть воинов назад в ставку Чингиз-хана, сам повел оставшихся в Балх. А в это время Угэдэй с развалин Газни послал донесение Великому хану, прося позволения вторгнуться в Сеистан (Систан) и довершить то, что не сумел или не смог закончить Джагатай; но Чингиз-хан запретил подвергать

своих людей страданиям в раскаленных солнцем безводных пустынях южного Афганистана. Он по-прежнему оставался в южных предгорьях Гиндукуша.

В первую неделю октября 1222 года Чингизхан принял решение вернуться в Монголию. И первое, что он сделал — так это велел огромному количеству пленных очищать от шелухи и складывать в мешки зерно для предстоящего похода, а когда дело было завершено, велел перебить несчастных.

Затем он повел войско на север, мимо мертвого Балха, матери городов, проезжая через который Чан Чунь с удивлением записал, что собаки здесь все еще живы, потому что он слышал их лай. Перейдя Аму-Дарью, монгольское войско двинулось на Самарканд, а оттуда в Ходжент, где к нему присоединились Угэдэй и Джагатай.

Всюду, где прошли монголы, царили смерть и запустение. В Афганистане и Бадахшане немногие уцелевшие жители скитались, подобно одичавшим бродячим псам, по выжженной земле. Бадахшан, важный торговый центр, так никогда и не оправился от катастрофы. Балх, бывший крупным торговым центром до прихода Чингиз-хана, сегодня маленький незначительный город. Таликан, некогда мощная крепость, шесть месяцев сковывавшая силы монголов, сегодня лишь скопище нескольких жалких лачуг. Даже Бамиан, известный историкам и археологам всего мира, исчез с современной карты Афганистана, обратившись в захолустную деревушку.

Ирригационная система, орошавшая и дававшая жизнь долине Окса (Аму-Дарья), была обра-

щена в руины. Не уцелело ни одного оросительного канала — они были либо засыпаны песками, либо обратились в болота, которые потом много веков подряд приходилось заново отвоевывать у природы.

Хорасан обезлюдел, но немногие из его уцелевших жителей нашли прибежище в юго-западных областях Персии, счастливо избежавших сокрушительной силы монгольского потока.

Подобно расплавленной лаве, кочевники Монголии всюду уничтожали человеческую жизнь — так что многие области Хорезмийской империи превратились в рай для обитателей степей и полупустынь.

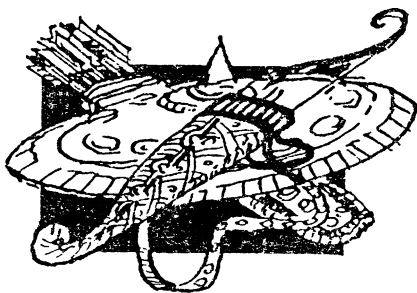
Несколько месяцев Чингиз-хан отдыхал в Ходженте и, говорят, упал с лошади во время охоты. Случилось это 11 марта 1223 года. Падение сокрушило его здоровье, ведь Великому хану было уже за шестьдесят. Тогда же, т. е. весной 1223 года, невзирая на мучившие его боли, он отдал приказ продолжать путь и повел войско на север, мимо руин Отрара, повелев матери бывшего хорезм-шаха Мухаммеда и его женам провожать уход монголов горестными песнями об их погубленной Родине.

Наконец, земли Мавераннахра и Хорезма остались далеко позади. Великий хан разбил на лето лагерь у озера Балхаш и вновь тронулся на север с наступлением холодов, сделавших проходимыми болота и топи. Джэбэ и Субудай, завершив свой путь вокруг Каспийского моря, сразу по завершении походов на Русь и Волжскую Булгарию, явились в его ставку. Джучи, его первенец, был далеко, в степях

к северу от Аральского моря. В 1224 или 1225 году он скончался. В 1224 году Чингиз-хан достиг реки Эмель (Эмиль) (недалеко от озера Алаколь), на берегу которой его встретили два маленьких внука — Хулагу и Хубилай, которым судьбою было уготовано вписать еще одну великую и страшную страницу в историю Азии. В феврале 1225 года Чингиз-хан установил Великую ханскую юрту на реке Тола, с полным правом заслужив страшный титул, данный ему «в награду» за испытанные муки жителями Бухары пять лет тому назад, — «Бич божий».

Но судьба подстерегала старого «покорителя вселенной». Сначала умер Джучи, потом отошел в иной мир Джэбэ Нойон, следом за ними наступила очередь Мухули, умершего в Китае. Песочные часы жизни Великого хана истекли, только два года отделяли его от развязки кровавой драмы, и скоро, очень скоро историкам и летописцам предстояло написать слово «конец» под строками книги его судьбы.

Пока же он был еще жив и думал о будущем.

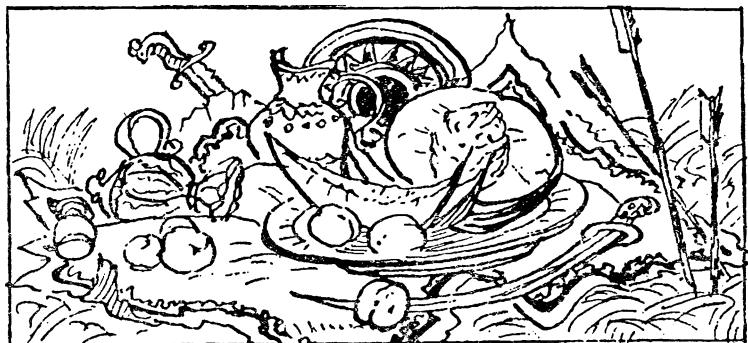




Глава VII

Последний поход ЧИНГИЗ-ХАНА





Как утренняя заря, распространяется по горам великий и сильный народ, какого не бывало от века и после того не будет в роды родов. Пламя пожарищ перед ним, и за ним огонь все сжигает; перед ним земля как Эдем, и позади него лишь горе и опустошенная степь, и никому не будет спасения от него!

Книга пророков Иоиля (II, 23)

Прежде чем идти на Хорезм, Чингиз-хан назначил Мухули правителем всех завоеванных монголами китайских провинций. Покорение столь густо населенных территорий ставило перед завоевателем-кочевником немалые проблемы. В обычных условиях война между двумя кочевыми племенами неизменно вела либо к полному истреблению покоренного племени, либо к его слиянию с племенем-победителем. Но даже если речь шла об истреблении, гибли мужчины, в то время как женщи-

ны потерпевших поражение становились собственностью победителей, так что процесс смешения и слияние крови и языка происходил непрерывно.

Ничего подобного и помыслить было нельзя, глядя на мириады китайцев. Ни одно из решений национального вопроса, с которыми были знакомы кочевники-монголы, не подходило. Чингиз-хан разграбил и разорил китайские города, лишил миллионы китайцев крова, убивал их без счета, но когда он ушел, крестьяне вернулись на свои пепелища и стали возделывать поля, восстанавливать стены городов и возводить новые жилища.

В Монголии же, когда велась война против меркитов, работа с этими изменниками была завершена полностью и навсегда в тот самый момент, когда враг был разбит, а воины вернулись к своим домашним очагам.

Меркитские женщины были в юртах победителей, а их родичи и соплеменники, разметанные поражением по степям Приаралья, вскоре совершенно потеряли всякую связь с отечеством, забыли обычаи и язык предков, слившись с чужими племенами и народами. Теперь монгольские стада и табуны паслись на пастбищах меркитов, а меркитский вопрос был закрыт навсегда.

В Китае же целые провинции Шаньси и Чжили, опустошенные в 1214 году, вновь ожили уже весной 1217 года.

Впервые столкнувшись с таким явлением, Чингиз-хан дал Мухули всю полноту власти, поручив ему раз и навсегда найти решение проблемы. Ко-

чевники еще не постигли того факта, что в войне с цивилизацией один лишь разгром врага еще не обеспечивает прочности завоевания; Чингиз-хан знал лишь одно — завоеванные территории следовало удержать любой ценой. По правде сказать, военная и социальная организация монголов была в высшей степени малопригодна для достижения поставленной перед ней задачи. Их способ существования требовал пространств гораздо больших, чем было необходимо для городской и сельскохозяйственной цивилизации Китая: их бескрайние стада нуждались в более просторных пастбищах, чем те, которые можно было найти на земле, испытывавшей преобразующее влияние плуга уже не одно тысячелетие. В принципе, именно в этом заключалась разница между кочевыми народами и цивилизацией. Ведь известно, насколько последняя зависит от земледелия, и там, где она укореняется, кочевник не может существовать.

Пока Мухули постигал эту очевидную истину, его военные операции носили в основном вид глубоких и все охватывающих конных рейдов. Других попыток найти адекватные меры консолидации завоеванных территорий он не предпринимал. В 1217 году монголы удерживали в действительности только город Яньцзин и западные районы провинции Шаньси. Мухули использовал совершенно опустошенные земли между Внутренней и Внешней китайской стеной в качестве основной базы своих военных операций, и в 1217 году он обрушился на провинцию Чжили и покорил два города — Аньцы

и Ичжу, охранявшие стратегически важные пункты и проходы Внутренней стены. Опустошив эти города, он вновь отошел назад, в пространство между Великими стенами. В 1218 году он узнал, что цзиньцы вновь занимают области, уже им опустошенные, и что армия под командованием цзиньского полководца Чань Чжу вступила в контролируемые монголами районы. Мухули двинулся ей навстречу и после упорной битвы разгромил цзиньскую армию и пленил ее командующего. Кажется, именно теперь на него снизошло озарение — он убивал, опустошал, уничтожал, тщетно пытаясь упрочить завоевания своего повелителя, — и ничего не мог добиться. Теперь ему оставалось одно — встать на путь умиротворения. Он обещал пленному цзиньскому генералу сохранить ему жизнь и прежнее звание при условии, что тот отныне будет служить под началом монголов, и пленник ухватился за эту возможность. В будущем он верно служил новому господину и однажды в разгар жестокого боя даже был ранен, но не покинул поля сражения и одержал победу. Именно благодаря ему монголы прочно закрепились в Чжили.

Жестокая война продолжалась, и число цзиньских дезертиров в войсках монголов постоянно росло, но хотя эти люди и изменяли своей стране в дни тяжких поражений и испытаний, их предательство имело один положительный результат — благодаря их усилиям, постоянным мольбам и увещаниям мрачный и неумолимый монгол был вынужден обуздать алчность и жестокость своих войск,

которым отдал приказ отныне обращаться с покоренными менее сурово.

Но были и другие китайцы, предпочитавшие претерпеть любые страдания, но не желавшие покориться. Некоторые из них, отчаявшись в победе, кончали жизнь самоубийством, в то время как другие бесстрашно сражались до конца. Мухули был в отчаянии: теперь ему приходилось назначать китайских чиновников в завоеванные монголами области и города, где те должны были управлять именем Чингиз-хана; и как только он усвоил эту новую политическую линию, ситуация изменилась, и отныне все завоеванные территории прочно оставались в его руках. А это само по себе имело уже огромные последствия. Дело действительного покорения Китая, до сих пор шедшее очень медленно, сдвинулось с мертвой точки. Он двинулся в провинцию Шаньси, полностью сметенную огнем и мечом во время первого вторжения, но вновь воскресшую и занятую уже в который раз войсками Цзинь. Силам Мухули, численностью в 60 000 человек, пришлось в течение двух лет вновь закрепляться в этой провинции. Столица провинции Тайюань и города Пиньянь (возможно, нынешний Пинъяо), Вэньшуй и Кэлянь (Кэляньчжоу) отчаянно сопротивлялись. Начальники их гарнизонов погибли с мечом в руке или покончили с собой, когда разрушенные стены более не могли удерживать монголов; но к концу 1220 года он полностью покорил Шаньси и обнаружил, что его присутствие требуется на востоке — в провинции Шаньдун. Там цзиньцы действовали

с необычайной энергией и немалым мужеством, укрепляя стены городов и увеличивая их гарнизоны. Мухули прошел провинцию Чжили и направился к столице провинции Шаньдун, городу Цзинань, как вдруг узнал, что цзиньская армия перешла Хуанхэ близ Цаочжоу (Хэцзу) и укрепилась на берегах реки. Мухули развернул свои войска и повел их навстречу этой странной цзиньской армии, отважившейся искать встречи с ним на поле боя, и обнаружил ее недалеко от реки Хуанхэ. Он не стал тратить время на перестрелку и сразу отдал приказ атаковать. Цзиньцы не выдержали первого удара и были сброшены в реку.

Направив свои войска вновь против столицы провинции Шаньдун, Мухули сделал по дороге лишь одну остановку у города Дунпин (Дунпинчжоу), уже пережившего в 1214 году осаду монгольских войск под командованием самого Чингиз-хана и теперь вновь оказавшего упорное сопротивление. Оно было действительно так упорно, что Мухули пришлось оставить значительные силы своей армии продолжать блокаду этого города, а самому с частью войска идти покорять остальную провинцию. Разделив имеющиеся у него войска на отряды, он неуклонно опустошал Шаньдун и даже некоторые прилегающие к нему районы провинции Чжили. Дунпинчжоу, последний из непокоренных городов, пал в июне 1221 года.

Таким образом, уже к ноябрю 1221 года Мухули овладел и прочно удерживал в своих руках две провинции, лежащие к востоку и юго-востоку

от Внутренней Китайской стены. Шаньси уже два года находилась у него в руках и теперь он намеревался подчинить все остальные владения Цзинь. Для этого ему потребовалось сконцентрировать свои силы у Тогтох (Токото), одной из пограничных станций, с которой начинался караванный путь на Запад.

За год до описываемых событий, в 1220 году, когда Чингиз-хан стоял лагерем в оазисе Нахшаб, цзиньский правитель отправил к нему посольство, на любых условиях прося о перемирии. Тогда Чингиз-хан отказался принять цзиньских послов, так ни с чем и вернувшихся в Кайфын, в котором по-прежнему укрывался цзиньский император.

Положение Цзиньской династии в северном Китае было безнадежным. Мухули уже покорил провинции, лежащие к северу от Хуанхэ, и китайские сановники заняли в них ответственные посты под наблюдением монголов.

Но несмотря на то, что ему удалось прочно укрепиться в провинциях Шаньси, Чжили и Шаньдун, монгольский военачальник был по-прежнему далек от решения своей главной задачи — взятия Кайфына и пленения императора. Хуанхэ была очень серьезным препятствием, затруднявшим любое проникновение на юг, и пока крепость Тунгуань, охранявшая удобные дороги, ведущие в провинцию Хэнань, оставалась в руках цзиньских войск, цзиньский император мог спать спокойно. А пока он был жив, не могло быть конца войне, а кроме того, не менее 200 000 воинов были располо-

жены в непосредственной близости от дорог и перевалов, ведущих в провинцию Хэнань.

Мухули, испробовав все способы проникновения в эту провинцию, сердце угасающей империи, решил последовать примеру Самухи (Самохи) и обойти линию цзиньской обороны. Он перешел Хуанхэ у Гогтох (Токото) и двинулся в южные районы провинции Шэньси.

И вновь, в который раз, цзиньцы отправили посольство к Чингиз-хану, прибывшее к нему летом 1222 года, когда он располагался лагерем на западном берегу реки Инд, и просили о мире.

На этот раз Чингиз-хан посольство принял, но не смягчил суровости своих требований. «Раньше, — сказал он послу, — я предлагал императору уступить мне страну к северу от Желтой реки (Хуанхэ), сейчас эта страна моя по праву завоевания, так же как и та, что лежит к западу от перевала Тунгуань, за исключением нескольких городов. Если повелитель Цзинь сейчас уступит мне провинцию Шэньси целиком, я сохраню за ним трон и остатки его владений к югу от Хуанхэ».

Послы не смогли принять этих условий, и посольство отбыло в Кайфын.

Появление войска Мухули в Ордосе так встревожило царя тангутов, что тот поспешил с отправкой посольства, спрашивая у монгольского военачальника, с какими намерениями тот идет. В ответ Мухули потребовал у него помощи и уstraшенный монарх послал ему на подмогу армию в 50 000 человек. С таким подкреплением Мухули двинулся

на юг и приступил к покорению провинции Шэньси, беря город за городом, и к февралю 1223 года он достиг ее южных пределов на реке Вэйхэ, притоке Желтой реки. Он осадил и взял одиннадцать крупных городов (по списку Дугласа) — Цзинчуань и Циньян в провинции Ганьсу; Лочуань, Куцуань, Биньсянь, Суйдэ (Суйдэчжоу), Яньчуань, Чэнгу (Чэнпусянь), Хэян, Ичуань и некоторые другие, и потерпел неудачу лишь у города Яньвань. Город Цзюфынсянь он осаждал в течение 40 дней и тоже не мог его взять, как вдруг пришли вести о том, что цзиньская армия форсировала Хуанхэ недалеко от Тунгуани и взяла Пучэн (Пучжоу, Пучжоуфу), весьма важный город недалеко от тех мест, где Хуанхэ меняет свое течение с юга на восток.

Мухули снял осаду с Цзюфынсяни и ускоренным маршем пошел на Пучжоу. Когда цзиньцы узнали о его приближении, они не стали ждать и, поспешно спалив захваченный ими город, отступили назад к Тунгуани.

Именно теперь, когда Мухули был занят восстановлением и укреплением своей власти в районах рек Хуанхэ, Вэйхэ и Лохэ, его сразила болезнь. Около сорока лет носил он меч и копье, верой и правдой служа Чингиз-хану, и потому с нескрываемой гордостью промолвил своим сподвижникам, собравшимся вокруг его смертного одра: «Никогда и ни от кого я не терпел поражений». Он умер в апреле 1223 года в возрасте 54 лет в маленьком китайском городе Вэнси, на реке Туншуй в префектуре Ци-чжоу. Сын его Бору, унаследовав от отца ти-

тул нойона (князя), стал верховным командующим всех монгольских войск в Китае.

В ноябре 1223 года умер цзиньский император, сраженный тяготами и заботами своего гибнущего царства, а вскоре смерть настигла и императора южного Китая из династии Сун. В том же, 1223 году царь тангутов отрекся от престола в пользу своего сына.

Неумолимый и ни на минуту не ослабевающий натиск монголов на земли северного Китая лишил империю Цзинь всех ее владений, за исключением провинции Хэнань, лежащей к югу от великой Желтой реки (Хуанхэ), а в довершение всех бед на южных границах этой некогда могущественной империи появились новые враги. Еще раньше, во время мирного периода, последовавшего за разведывательным рейдом Самухи, цзиньцы имели неосторожность поверить, что монгольская опасность миновала навсегда, и потому, воспользовавшись первой же представившейся возможностью, направили ультиматум правителю Сун.

Их южный сосед ежегодно выплачивал дань, возможно, напоминая о тех временах, когда династия Цзинь правила единым и неделимым Китаем.

Император династии Сун спокойно наблюдал за тем, как монголы шаг за шагом уничтожают бывшее могущество его северного собрата и, пользуясь случаем, перестал выплачивать дань, видя, как земли Цзинь, одну за другой, оккупируют монгольские захватчики. Исторические хроники сообщают, что



император Цзинь уведомил Сунов о том, что не станет обращать внимание на нарушение древнего договора, если оба царства заключат оборонительный союз против монголов. Однако вскоре цзиньские министры, со свойственной всем истинным азиатам недалёковидностью, отговорили своего повелителя от этого разумного шага, уверив его, что подобное предложение будет расценено Сунами как явное доказательство слабости Цзинь, которым южане непременно воспользуются.

Когда Чингиз-хан в 1216 году оставил империю Цзинь в покое, ее император, имея под рукой уже отмобилизованную и хорошо обученную армию, решил воспользоваться случаем и направил войска через реку Хуанхэ на опустошение территории Сун в надежде на то, что это заставит ее платить дань, а захваченная добыча с лихвой восполнит потери, причиненные ему монголами. Цзиньцы перешли границы Сун в 1217 году. Им удалось взять многие города южного Китая и опустошить широкую полосу южных земель, когда, ко всеобщему ужасу и недоумению, Мухули вновь объявился из-за Внутренней Китайской стены, ворвавшись во внутренние районы Китая...

Горько раскаиваясь в своей ошибочной и близорукой политике, цзиньский император повел назад войска и отправил послов на юг в надежде на то, что на этот раз его сосед, испытавший на себе все «прелести» войны, будет сговорчивее и охотно согласится на предложенные условия, заключив союз против монголов.

Суны, поняв, что трудности Цзинь начинаются снова и грозят на этот раз смести империю, наотрез отказались от каких-либо переговоров. Когда же Мухули разорил Шаньси и целиком приковал к себе цзиньские войска, их войска начали вторжение с юга. Однако в тот момент, когда Мухули перешел в провинцию Шэньси и распространил в ней власть монголов вплоть до реки Вэйхэ, Суны, поняв, что свирепый кочевник вот-вот вступит на их территорию, решили воспользоваться еще имеющимся у них временем и в 1225 году отправили посольство к Чингиз-хану, как раз тогда, когда он вернулся в Монголию после своего Хорезмийского похода. К сожалению, и у них ничего не вышло. Проблемы южного Китая мало занимали Великого хана. Однако война после смерти Мухули на некоторое время угасла.

Монголы занимались перегруппировкой своих сил и закрепляли за собой уже захваченные территории, готовясь к броску на Хэнань. Новых подкреплений к ним не поступало, а потому и их войскам требовалась передышка. Цзиньцы, воспользовавшись предоставленной передышкой, готовились к обороне, понимая, что как только Чингизхан вернется в Монголию, он непременно попытается штурмовать их территории. Они вывели все свои войска из провинций Чжили, Шаньдун, Шаньси и Шэньси и сконцентрировали самые боеспособные части вокруг крепости Тунгуань.

Охраняя всего лишь один путь, которым монголы могли ворваться в Хэнань, цзиньцы отдавали

себе отчет в том, что их судьба целиком зависит от способности удержать его в своих руках, а потому с удесятеренной энергией возводили в этом районе новые укрепления, зная, что даже для ветеранов Чингиз-хана взятие укрепленного перевала будет очень и очень трудным делом.

А тем временем Чингиз-хан в феврале 1225 года разбил лагерь на берегу реки Тола и спокойно отдыхал там в течение года. Он, еще двадцать лет тому назад бывший всего лишь вождем одного из монгольских племен, теперь стал обладателем владений, во много раз превосходящих владения любого другого современного ему правителя Азии. Ему было уже 64 года, и он прошел до края земли во главе десятков тысяч людей и нуждался в некотором отдыхе после столь напряженных трудов. Однако в конце 1225 года неугомонный кочевник решил, что пришло время поквитаться со своим старым врагом и не слишком верным союзником, царем тангутов. Ранее тангутский правитель нарушил волю Чингиз-хана, приняв у себя с почетом некоторых вождей монгольских племен, бежавших от Великого хана и объявленных им вне закона. Второй раз царь тангутов вызвал гнев Чингиз-хана, отказавшись прислать в его ставку на реке Тола своего сына, не желая видеть его заложником монгольского властелина. Для человека, способного одним мановением руки приводить в движение десятки тысяч людей, подобное поведение незначительного и отчасти даже цивилизованного царька было совершенно необъяснимо. И в самом деле, какой-нибудь глава кочевого

племени в районах Аральского моря мог еще позволить себе опасную роскошь противоречить воле Великого хана — он сразу мог сняться с места и бежать со своими людьми на расстояние двух или трех месяцев пути, но где собирался укрыться правитель, прикованный к своим городам и полям, для которого любой отказ в повиновении Чингиз-хану был равносителен самоубийству.

Зима 1225—1226 годов была очень холодной, но, несмотря на это, цепь монгольских разведчиков была развернута в феврале 1226 года на границах тангутского царства. Прежде чем разведчики оставили Монголию, им были даны специальные, очень теплые бараньи и овечьи тулупы, и даже их кони были укутаны в войлочные попоны, напоминавшие зимнюю одежду монголов*.

Весной 1226 года Чингиз-хан отдал приказ выступить в поход. Джагатай оставался в Монголии, но Туле был рядом с отцом, сопровождая его в походе. От реки Тола путь монгольского войска пролегал по восточным отрогам Алтайских гор и первым городом, атакованным и взятым ими, был Хара-Хото, также получивший название Эдзина (Эцзина) от оазиса Эдзин Гол, место большей стратегической важности в те дни, чем в наше время. Постепенное наступление песков пустыни привело к

* Интересно отметить, что заградительно-разведывательная цепь (или иначе заградительно-разведывательный шит) в данном случае располагалась на расстоянии нескольких месяцев пути от основного войска.

совершенному запустению этот некогда знаменитый перевалочный пункт караванных торговых путей. Из Хара-Хото Чингиз-хан спустился к караванной дороге, ведущей из царства Тангут на запад.

Путь войска Угэдэя не так хорошо известен моим источникам, но, зная, что первым городом, осажденным им, была Сиань, можно предположить, что он перевел свои войска через Хуанхэ где-то в районе городка Тогтох (Токото), а затем двигался строго на юг вдоль течения Хуанхэ.

Те области тангутского царства, которые лежали к западу от Хуанхэ, представляли собой лишь узкую полосу земли максимум двадцать миль в ширину, обычно же не превосходившую расстояния в пять миль, связующей нитью которой был один из маршрутов Великого Западного пути. Без всякого сомнения, эта полоска земли в XIII веке была населена больше, чем сегодня, но даже в те дни посевные площади этого района ненамного превосходили современные. Самым западным городом этих мест был Дуньхуан, расположенный у самой пустыни, на преодоление которой Марко Поло пришлось потратить 30 дней. Дуньхуан был самым западным звеном в цепи укреплений, протянувшихся к западу от Хуанхэ.

Каждое поселение вдоль этой узкой полоски земли было укреплено, и даже хозяйства живущих здесь крестьян и постоялые дворы имели свои собственные крепкие башни-убежища, выстроенные на вершинах холмов и любых возвышенностей. Такие

маленькие укрепленные сооружения, снабженные достаточным количеством провианта и оружия, могли в одиночку выдерживать натиск целых армий, в особенности если их защищали мужественные люди. Более крупные города имели мощные стены с высокими, выдвинутыми вперед бастионами и башнями, позволяющими вести фланговый огонь по нападающим. Дуньхуан имел двойные стены: одна — 1000 ярдов, вторая — 800 ярдов по периметру. Высота стен его достигла 30 футов, башни отстояли одна от другой на 50 ярдов, массивные деревянные двойные ворота были скреплены изнутри и обиты снаружи железными шипами и пластинами.

Местность между Дуньхуаном и Ганьчжоу на реке Хэйхэ представляет собой типичную полупустыню с горным хребтом (14 000 футов над уровнем моря) с одной стороны и пустыней с другой. Эта полоса земли, густо заросшая травой, до сих пор в высшей степени пригодна для кочевого скотоводства и совершенно очевидно, что могло это означать для кочевников времен Чингиз-хана. В первый раз он прошел этим путем в 1209 году и тогда взял одну лишь маленькую крепость (форт) Юмынь (Юймын), лежащую в 130 милях от Дуньхуана. Развалины ее сегодня не представляют никакого научного интереса, так что даже майор К. Д. Брюс в своей работе «По следам Марко Поло», пройдя тем же путем, что и великий путешественник, не обратил на них никакого внимания. Но он описал более важное и крупное фортификационное сооружение, находящееся в трех днях

пути к востоку от Юймына, — крепость Цзяюйгуань, знаменитые ворота Древнего Китая. Именно в ней останавливались посольства, ожидая официального разрешения китайского правительства следовать далее, в столицу империи. Разрешение обычно привозили правительственные курьеры. «В глазах китайцев романтический ореол всегда витал вокруг имени широко известной не только в Поднебесной, но и за ее пределами грозной крепости Цзяюйгуань, служившей воротами в неведомый западный мир. <...>

Прежде чем войти в массивные ворота города-крепости, каждое посольство было обязано дать подробный перечень и описание всех своих представителей, не исключая и их слуг. Только после этого оно удостоивалось чести вступить в чудесную страну, рассказы о которой достигали края земель»*.

Именно под Цзяюйгуанью Чингиз-хан потерпел поражение в конце первого десятилетия XIII века.

«Позвольте мне теперь предложить читателю приблизиться и войти в ворота знаменитого города Цзяюйгуань. Увы, действительность намного прозаичнее. На самом деле это укрепление во многом уступает пограничному укреплению Индии — городу Лахору, как, впрочем, и многим другим индийским военным укрепленным лагерям и военным поселениям. Стены расположены на площади 120—150 квадратных ярдов. С северной и южной сторон города они двойные. Внешние имеют в вы-

* *Bruce C. D.* In the footsteps of Marco Polo. P. 243.

соту 20 футов и от 4 до 6 футов толщины. Стена внутренняя высотой 35—40 футов. Внутри же этих стен можно увидеть самую восхитительную коллекцию грязных, жалких и убогих лачуг, главным украшением которой служит официальная резиденция местного чиновника, точно такого же отталкивающего вида».

Ничто с такой очевидностью не демонстрирует возрастания мощи и могущества Чингиз-хана между 1208 и 1226 годами, как описание этого форта, который в первый раз он не смог взять, а во второй смел с лица земли, даже не заметив. К лету 1226 года Чингиз-хан взял город Ганьчжоу и укрылся в предгорьях Наньшаня от наступающей жары. Давали о себе знать прожитые годы. Осенью он двинулся на восток и штурмом овладел городом Ляньчжоу. Затем он пересек пустыню Алашань и вышел к Хуанхэ, по берегам которой штурмом взял множество городов, и, пройдя мимо Нинся, столицы царства Тангут, штурмом взял Линьчжоу, стоящий к югу от нее, разгромив армию, пытавшуюся спасти город. Приближалась зима, и он, Чингиз-хан, откочевал в невысокие горы Лю Пань, в которых провел несколько месяцев.

В феврале 1227 года им был выслан специальный отряд на организацию блокады Нинся, в то время как Великий хан огнем и мечом продолжал опустошение страны. Некоторые из его сотен врывались в долины, медленно поднимавшиеся из районов озера Куку-Нор прямо к горам Тибета, другие сеяли смерть и разрушение в долине реки Хуанхэ,

иные опустошали просторные и густонаселенные долины Вэйхэ.

Его войско методично расправлялось с царством Тангут, начав с его западных границ и закончив восточными районами, соседствующими с районами северного Китая. Чингиз-хан штурмовал царство Тангут с запада, Угэдэй занял своими войсками территории, оставшиеся свободными и находившиеся между районами, занятыми в свое время Мухули, и территориями, захваченными сейчас Чингиз-ханом. Угэдэй опустошил районы Сиани, разрушил немало городов по реке Вэйхэ, потом повернул на юго-восток и повел войска к горам Цинь-линя.

Чингиз-хан же к середине лета вернулся на холмы Лю Пань, цепь пустынных, лишенных растительности лессовых плато, таким образом замкнув царство Тангут в кольцо разорения и опустошения, разоренных и выжженных земель. Теперь, когда Угэдэй выполнил поставленную перед ним задачу, окружение тангутов было завершено и можно было нанести удар в самое сердце страны. Оставалось ждать, когда созревший плод падет к его ногам.

Командовал войсками, осаждавшим Нинся, сын давнего вассала Чингиз-хана Лаохо (Лиюко), правителя Маньчжурии. Сам Лаохо уже умер, и в лагерь Чингиз-хана прибыла его вдова просить у Великого хана назначить ее сына верховным правителем всех маньчжурских земель, и Чингиз-хан согласился предоставить сыну покойного Лаохо такую власть, однако не раньше, чем падет Нинся.

А между тем столица тангутского царства была на последнем издыхании, и царь тангутов послал доверенных лиц к Чингиз-хану, прося о милости и снисхождении. Он соглашался сдать город в течение одного месяца с условием, что Чингиз-хан обещает принять его в качестве своего вассала. На это Великий хан согласился.

Он еще раз перенес свою ставку, на этот раз к городу Цишань, в 30 милях от Циньчжоу.

Он знал, что его конец близок, и вот слова, которые историки и летописцы вложили в уста старого, уставшего от войн человека: «Давайте положим конец кровопролитию, дабы не приносить в бессмысленную жертву жизни наших врагов».

Странные слова для того, кто усеял поля, долины, пустыни и горы вокруг себя бесчисленными человеческими останками, который досыта напоил землю кровью мужчин, женщин и детей. Напрасно жители мест, через которые проходили монголы, бежали в горы, стремясь там найти спасение. Китайские анналисты утверждают, что из 100 человек спасались один или два, чтобы потом рассказать об ужасных событиях. Во время последней кампании Чингиз-хан пришел в негодование, когда его военачальники донесли, что фуража и зерна не хватает и что найти его в завоеванных и разоренных местностях становится все труднее и труднее. Они доказывали Чингиз-хану, что китайские землепашцы со своими хозяйствами совершенно бесполезны и нужно истребить все местное население, чтобы, наконец, позволить этим обшир-

ным землям вновь стать богатой травами степью. Чингиз-хан был уже готов уступить, но когда его верный советник Елюй Чу-цай, поступивший к нему на службу в 1216 году после взятия Яньцзина, горячо воспротивился этим предложениям, склонился на его сторону и, поняв, что только мир, покой и умеренность возродят страну и вскоре принесут новые доходы, позволил советнику самому взяться за это дело. Надо сказать, что к словам и мнениям Елюй Чу-цай Чингиз-хан всегда относился с неизменным уважением и ни в чем не смел ему отказать.

Теперь старый воин, победитель половины Азии, собирался в свой последний путь. Угэдэй, еще раньше названный им своим наследником, был в горах Циньлиня, но Туле (Тулуй) оставался с отцом до конца. Болезнь подстерегла Чингиз-хана в тот момент, когда он терпеливо дожидался падения Нинся, и хан понял, что время пришло. Лежа в своей просторной юрте, он продолжал обдумывать план окончательного завоевания Китая. Возможно, между Чингиз-ханом и Угэдэем возникли серьезные разногласия: в любом случае умирающий предлагал совершенно иной план дальнейшей кампании. Он указывал на то, что взятие укрепленного перевала Тунгуань (а мы помним, какие силы были сконцентрированы в этом укрепленном районе) будет очень дорого стоить его войскам и нанесет им невосполнимые потери. Горы, похожие на крепостные башни, с одной стороны и Желтая река (Хуанхэ) с другой не давали его вой-

скам места для маневра, и тогда, хорошо зная, о воинственных намерениях династии Сун, он предложил обратиться к ней с просьбой пропустить его войска через свои земли. Успей его войско стремительным маршем прорваться к долинам, раскинувшимся вдоль берегов реки Ханьшуй, и он вступил бы на равнины Хэнани прежде, чем цзиньцы успели бы перебросить туда войска от Тунгуани. И поскольку северные китайцы, естественно, тоже начали бы переброску своих войск на юг ускоренным маршем, те были бы крайне утомлены и измотаны к моменту их встречи с монголами, что позволило бы последним без всякого труда уничтожить их. Позднее Угэдэй, не принимавший этого плана прежде, последовал именно ему, выполнив тем самым волю покойного. Разработав этот план, Чингиз-хан отдал приказ нойонам, гласящий: если он умрет прежде падения Нинся, известие о его смерти должны хранить в строжайшей тайне, чтобы осажденный город не воспрял духом*.

* В данном случае существует разногласие между моими источниками. Д'Оссон намекает на то, что причина сокрытия смерти Чингиз-хана коренилась в опасении его приближенных, как бы царь тунгутов, узнав о ней, не пожелал истребовать у Туле новых условий капитуляции, полагая, что личный договор, заключенный с его отцом, не связывает его никакими персональными обязательствами перед сыном. Далее д'Оссон утверждает, что сдавшийся правитель тангутов был казнен, а население города уничтожено. Таков, по всей видимости, взгляд персидских источников на развитие событий. Однако Дуглас, цитируя китайских авторов, утверждает, что пленный царек был отправлен в Монголию.

18 августа 1227 года после тяжелой болезни, продолжавшейся всего лишь 8 дней. Чингиз-хан скончался в возрасте 66 лет. Рожденный в юрте, он прожил в ней всю свою жизнь и в ней умер, как подобает монголу. Тело покойного положили на двухколесную колесницу, и длинная, очень длинная процессия выступила к месту последнего упокоения Великого хана*. Столица тангутов, город Нинся, сдался несколькими днями позднее, и царь тангутов был выслан в Монголию. Лишь теперь Туле сообщил печальную весть и позволил всем — простолюдинам и вождям племен, воинам и сановникам, китайцам и монголам прибыть в Монголию, чтобы отдать последний долг памяти покойного «потрясателя Вселенной» и последние почести его праху, и, говорят иные из них, провели не менее

* И здесь вновь вновь нас поджидает разногласия в источниках. Д'Оссон утверждает, что эскорт убивал всех, кого встречал на пути следования похоронной процессии. Но китайские источники Дугласа этого не подтверждают. Саган Сэцэн даже не упоминает ни о чем подобном. Пети де ля Круа прямо отвергает подобный факт. Поскольку убийства эти происходили на территории современного Китая, молчание китайских и монгольских авторов имеет гораздо большее значение, чем все утверждения привлеченных д'Оссоном персидских источников. Возможно, персидским авторам было известно, что подобные похоронно-церемониальные умерщвления происходили всякий раз после смерти одного из более поздних монгольских ханов, и они посчитали это обычной традиционной процедурой, которая обязательно должна была иметь место и после смерти Чингиз-хана, тем самым произвольно перенеся более поздние обычаи во времена более ранние.

трех месяцев в пути — так далеко находились их кочевья, военные лагеря и стоянки.

Процессия останавливалась в разных кочевьях по берегам реки Тола, и особо отмечается, что прежде всего она направилась к кочевью Бурте Хушин, старшей жены Чингиз-хана. Конечно, среди кочевников обычным делом было отдание тела усопшего на съедение собакам и воронам — ворону остроумные китайцы даже называли «монгольским гробом», но человек, объединивший под своим началом все монгольские племена, заслуживал неизмеримо большего почтения и совсем других похорон.

Приблизительно в 100 милях к северу от того места, где ныне расположен город Урга, возвышается густо поросший лесом горный хребет Кентейшань (Хентей) (5—6 тысяч футов над уровнем моря). Множество тропинок проходит сквозь густые чащи леса по его склонам, здесь же берут начало и три древние монгольские реки — Онон, Тола и Керулен, прозванные «реками монголов». На одной из вершин гор Кентейшань стоит сложенная из камней пирамида, столь огромная, что кажется, будто она тянется на несколько миль, но на самом деле имеющая 250 ярдов в длину и 200 ярдов в ширину, и все же являющаяся одной из самых больших во всей Азии*. Если спросить у буддийского монаха имя человека, покоящегося под этим величественным сооружением, он, возмож-

* Journal of the Royal Geographical Society, November, 1903.

но, ответит, что здесь лежит какой-нибудь великий святой, имени которого он, к сожалению, не знает. В XVI столетии буддизм покорил Монголию, прочно укоренившись в сознании ее обитателей, ставших из свирепых и суеверных язычников самыми верными и покорными рабами буддийского духовенства. Но если, с одной стороны, миролюбивый буддизм сокрушил кровожадность и страсть монголов к войне — а ведь именно с этой целью он и вводился в Монголии, — то, с другой стороны, он навсегда постарался стереть из памяти монголов воспоминания и предания об их великом прошлом. Люди совершают паломничества к могиле святого, похороненного именно там, где рождаются Онон, Тола и Керулен, реки монголов, в давние-предавние времена, но не знают его имени. И позволено будет спросить: если это святой, тем более великий, то кто, кто же именно? Все великие святые буддизма так же хорошо известны, как и все святые христианства. Тогда кому же принадлежит могила на вершине одной из самых священных монгольских гор? Может ли это быть кто-либо иной, кроме величайшего полководца прошлого?

Существует множество доказательств того, что этот каменный, похожий на пирамиду холм является местом последнего успокоения великого завоевателя. Марко Поло и д'Оссон заявляют, что он был похоронен на вершине высокой горы, а последний еще вполне определенно утверждает, что это была гора, с которой начинали свой бег реки

Тола, Онон и Керулен*. В любом случае, как бы то ни было, недалеко то время, когда цивилизация, все сильнее и сильнее вторгающаяся в степные просторы Монголии, и археология, идущая рука об руку

* И вновь, прежде чем проститься с ними, я принужден отметить разногласия моих авторитетных источников. Место погребения Чингиз-хана китайскими летописцами указывалось по-разному: (а) он был похоронен под деревом, которым однажды восхищался во время охоты; (б) на равнине близ Каракорума; (в) в пустыне Ордос. После предания тела земле десять тысяч лошадей галопом пронесли по месту его захоронения, чтобы навеки скрыть его от глаз посторонних в недрах земли.

Против подобных утверждений выступил д'Оссон, заявив, что Чингиз-хан был похоронен на горе, с которой текут реки Онон, Тола и Керулен. Подтверждением его слов служат и слова Марко Поло о том, что Великий хан был похоронен на самой вершине высокой горы. Я уже пояснил в тексте, что официальный буддизм желал предать забвению память великого воина; и не стоит забывать, что в действительности и Марко Поло, и д'Оссон сами могли не верить в существование какой-то горы, которую очень трудно представить воображению человека, знакомого лишь с равнинной частью Монгольской возвышенности, и которую ни Марко Поло, ни д'Оссон никогда не видели собственными глазами. То, что они писали, и ими самими, и после них считалось всего лишь легендой.

Даже Дуглас предположил, что нельзя во всем полагаться на китайских историков в той части их сочинений, где речь идет о землях, находящихся за пределами Древнего и Средневекового Китая. Однако существуют персидские источники (летописи и книги), написанные в Каракоруме всего лишь несколько лет спустя после смерти Чингиз-хана, когда место его погребения было столь же хорошо известно (по всей Монголии), как в наши дни место погребения Наполеона во Франции. Поэтому я полагаю, что в данном случае предпочтнее следует отдать Марко Поло и персидским авторам.

с нею, дадут, наконец, окончательный ответ на столь волнующий историков и археологов вопрос. А до тех пор, пока последняя точка в этом споре не поставлена, позволим великому полководцу почивать в мире.

Наступило время завершить наш рассказ о жизни Чингиз-хана. Как воин он на целую голову выше всех великих полководцев прошлого, у которых Наполеон советовал учиться всем людям в военной форме. Заслуживает упоминания и то, что лишь один из этой плеяды великих воинов заслуживает сравнения с Чингиз-ханом и этим человеком является Тимур, прозванный «Великим Хромцом».

Мы можем уподобить Чингиз-хана художнику эпохи палеолита, который несколькими скупыми движениями сломанного кремня по обломку кости умел создавать картины, изображающие кабана, оленя или бизона, способные до сих пор поражать наше воображение, как шедевры подлинного мастерства. Великий хан использовал материал, который лежал под ногами, но мастерство, с каким он выполнял задуманное, явно выдает в нем истинного художника, мастера своего дела.

Факторы, способствовавшие успеху его начинаний, заслуживают самого пристального и детального изучения. Прежде всего мы должны отдать должное воину-монголу — его отваге, выдержке, стойкости, дисциплинированности, самоотверженности — как факторам, имеющим самое важное, первенствующее значение для победы в войне. Мон-

гольская приземистая лошадка тоже заслуживает самой высокой оценки. Вместе воин-монгол и его лошадь составляют единый, цельный, простой и очень эффективный механизм, но чем проще орудие, тем большего мастерства оно требует от подлинного мастера своего дела.

Не менее впечатляет и неукротимая личная энергия, ярко проявляющаяся во всех начинаниях Великого монгола, во всех смыслах превосходящая и оставляющая далеко позади личную инициативу и энергию полководцев Запада. С ним нельзя сравнить даже Александра Великого и Гая Юлия Цезаря. Дух захватывает, когда представляешь себе, какие потрясающе огромные пространства и расстояния преодолевали монгольские войска.

Зная это, правомерно задаться вопросом, каким был человек, который умел заглядывать за горизонт, мог вести за собой десятки тысяч бойцов к самым крайним пределам мира и внушить им страсть к завоеваниям, и вдобавок заставлявший их платить за привилегию служить под его знаменами. Целая галактика блестящих командиров, служивших Великому хану, сравнима с плеядой маршалов Наполеона. Мухули, Джэбэ, Туле (Тулуй), Угэдэй, Джучи, Джагатай, Бала Нойон, Субудай — самые великие из них.

Заслуги их так велики, что некоторые историки приписывают именно им успехи и победы Чингиз-хана. Конечно, ничто не может умалить их значения, но будем помнить и об их главнокомандующем, главном вдохновителе их ратных трудов, нес-

шем на себе все бремя ответственности, отдававшим приказы, учившем их искусству войны. В эпоху монгольской катастрофы он стоит, возвышаясь надо всеми, подобно великому мастеру, наблюдающему за своими учениками. Он координирует их работу и своей рукой направляет ее движение. Уверенность и искусность характеризуют его труд и тем отличают его от работ подчиненных. Много лет спустя после его смерти в ратных трудах Субудая словно воскреснет и отзовется вновь искусство старого мастера, но Субудай так и останется навсегда, до самого конца, всего лишь учеником и сподвижником великого полководца, всего лишь тенью великого учителя.

Атака Джэбэ Нойона под Тбилиси (Тифлисом), когда он обрушился на арьергард грузинской армии, решающий удар Субудая под венгерским городом Сайо в 1242 году, когда он вклинился во фланги и тыл венгерской армии, служат яркими примерами военного искусства школы Чингиз-хана. Но сколь бы совершенны они ни были, их трудно сравнить с Чингизовым маршем на Бухару.

Их удары завершали битву, его — завершил, по сути своей, целую кампанию без решающей битвы. Там, где они думали о тысячах людей, размещенных на одной квадратной миле поля сражения, его разум охватывал сразу целые армии, действующие на просторах огромной империи.

Вспомним его в долине под Перваном (Парваном), спокойно выслушивающим Шики Кутуку (Кутаку), пытавшегося найти себе оправдание пе-

ред тысячами своих павших воинов; разве его сдержанность и всякое пренебрежение упреками не говорят сами за себя, показывая нам человека, стоящего много выше всех окружающих его. Интересно, что сказали бы и сделали Наполеон и Александр в подобных обстоятельствах?

Если же мы обратим наш взгляд на мрачную и трагическую сторону картины и рассмотрим опустошения, произведенные Чингиз-ханом, бесчисленные моря пролитой им крови и несчастья, обрушенные им на цивилизацию, нам придется с горечью признать, что и мораль, и мировоззрение, и кодекс чести монголов совершенно отличались от наших. Кочевники и цивилизация не могли буквально во всем противоречить друг другу. И для той и для другой исторической формы существования было характерно взаимное неприятие форм жизни друг друга. Между двумя формами жизни существовал глубокий антагонизм. Таким образом, для Чингиз-хана было совершенно естественным и очевидным пытаться уничтожить то, что, как он справедливо полагал, может или пытается уничтожить его самого. Ничего иного он просто не знал.

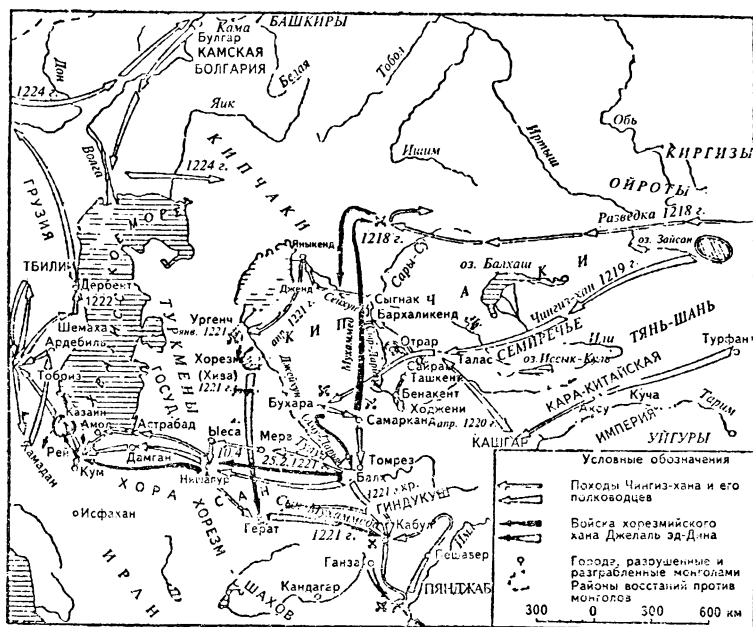
Однако, в чем же причина страшного монгольского извержения? Думаю, ее легче понять, приняв во внимание некоторые исторические условия. До прихода к власти Чингиз-хана Монголия представляла собой всего лишь конгломерат разрозненных и потому бессильных перед лицом цивилизации племен, издревле ведущих между со-

бой жестокие межплеменные войны. Пока это было так, цивилизация (уточним: прежде всего китайская) могла чувствовать себя в полной безопасности.

Чингиз-хан силой огня и меча, разбоя и убийства объединил кочевников, и те сразу приобрели такую силу, перед которой не могла устоять крепость цивилизации. Нечто подобное уже происходило с кочевыми племенами в пустынях Аравии во времена пророка Мухаммеда. Конечно, не одно объединение возбудило в кочевниках неумемную жажду завоеваний, но объединенный народ уже мог выйти за рамки условий (и географических пределов), в которые почти насильно ввела его китайская цивилизация. Он вполне осознал свою силу, к тому же все элементы военного могущества, издревле скрытые в каждом монголе и распыленные между разрозненными племенами, были собраны, соединены воедино и сцементированы недюжинной волей одного — и действительно великого — человека. Произошла удивительная историческая реакция (применим здесь весьма подходящий химический термин), приведшая к потрясающим последствиям.

Что касается самой цивилизации Дальнего Востока, то она была разделена и раздираема противоречиями, которые в наше время терзают Европу. Кидани воевали с Цзинь, Цзинь — с империей Сун, тангуты — с теми и другими за свободу, национальную независимость, государственное самоопределение и тому подобное, слишком хо-

рошо знакомое нам сегодня. Чингиз-хан усеял их поля трупами, лошади его воинов сметали и растапывали на своем пути города. Земля между Внутренней и Внешней Китайской стеной стала пустыней. Такой войны Запад никогда не знал. Цивилизация пала под ударами самой жестокой, беспощадной и разрушительной армии, которую когда-либо знал мир. Мы признаем все это. Но обратим внимания на последствия.



Походы монголов в Среднюю Азию, на Кавказ и Юго-Восточную Европу в первой четверти XIII века

Через пятьдесят лет Китай, объединенный политически, достигнет неведомого доселе могущества. Будет прорыт Великий Китайский канал,

своими размерами и славой уступающий только Великой Китайской стене, и станет вторым чудом китайский инженерной мысли; на развалинах Яньцзина вырастет Пекин; правители стран от Бирмы до Балтики будут платить дань цивилизованному императору Хубилаю (Кублай-хану), который однажды уже являлся на страницах этой книги, приветствуя своего дядю Чингиз-хана на берегу реки Эмель (Эмил).

Острова Ява и Борнео испытают на себе его тяжелую руку. Китайские корабли обследуют Индийский океан, их паруса увидят у берегов Африки и Мадагаскара. Правители с берегов Инда и Волги признают себя подданными монгольского правителя Китая.

Между Дальним Востоком и Крайним Западом разовьется оживленная торговля, и Марко Поло даже посчастливится получить звучное прозвище «Миллион», потому что он рассказывал истории о миллионах людей и несметных сокровищах, но также и потому, что он «не рассказал и половины того, что в действительности ему довелось повидать».

Чему можем мы приписать это чудесное перерождение некогда страшного человеческого вулкана, извергшегося в начале XIII века в Центральной Азии? Может быть, тому, что монголы вместе с фундаментом старой цивилизации уничтожили ее предрассудки, ее старый добрый патриотизм, национальные и консервативные идеи, политический и философский вздор, забивавший

головы людей и мешавший возведению более просторного, прекрасного и великого общественно-го сооружения.

Один из внуков Чингиз-хана вскоре совершил с Россией то, что сам Великий хан совершил с Китаем. И три столетия спустя мы найдем Русь объединенной, вновь восставшей из пепла и смело глядящей в будущее, в котором ей уже некого будет бояться.

Подобное уже случалось в других странах и в другие времена. Ни один из многочисленных союзов Древней Греции не принес долгожданного и прочного мира на ее землю. Его не смогли добиться ни философ Фалес Милетский, ни ритор Исократ из Афин. Ближе всех к достижению этой цели стоял Филипп Македонский, и лишь ранняя смерть от руки убийцы помешала ему довести работу до конца. Лишь римским легионам удалось установить на огромных просторах Средиземноморья прочный и долгожданный мир.

Прочный мир принесли в Индию (после тысячелетия напряженных и жестоких войн) не мечтатели и моралисты, а опытные солдаты — Клайв, Уэллесли, Напье, Николсон, Хэйвлок.

Войны, бушевавшие в Передней Азии во времена Древнего Вавилона, успокоили не молитвы жрецов богини Иштар или бога Бела, а царь Кир, прозванный Великим, один из великих воинов мира.

Сегодня, когда географические рубежи и географические границы, на которых держится бе-

ЧИНГИЗ-ХАН

зопасность суверенных наций, уничтожила авиация, разве не должен западный мир ожидать прихода воина, который объединит воюющие народы и установит прочный мир? Если так, то для цивилизации будет счастьем, если он окажется Киром (таким, каким описывает его Ксенофонт в «Кирспедии»), а не Чингиз-ханом.





Приложение I

Хронология событий

В моем рассказе о вторжении в Хорезм и событиях, приведших к нему, я пользовался исследованиями д'Оссона, Ховорса, В. В. Бартольда, П. де ля Круа и дневником Чан Чуня. Самое время объяснить расхождения между работами д'Оссона, Ховорса и Бартольда, касающиеся прежде всего вопросов хронологии.

Первым событием наибольшей важности в войне между Чингиз-ханом и хорезм-шахом Мухаммедом была экспедиция Джучи против меркитов, кульминация которой приходится на битву при Караку. Бартольд указывает на 1216 год, д'Оссон — год 1218.

Несмотря на утверждение Бартольда, что у него была возможность использовать источники, недоступные д'Оссону, существуют серьезные, чисто военные, основания для сомнения в дате

1216 года. В высшей степени маловероятно, чтобы Джучи мог дойти до владений каракитаев по берегам реки Талас, когда могущество Гучлука было в полном расцвете. Монголы не трогали его вплоть до 1218 года. И маловероятно, чтобы Чингиз-хан, желая примерно наказать изменников меркитов, одновременно не постарался бы наказать и главного инициатора их измены — Гучлука. Таким образом, и две боевые операции должны были происходить одновременно.

Следующий вопрос, встающий перед Бартольдом, касается времени снятия осады с Алмалыка. Бартольд утверждает, что Джэбэ освободил город в 1218 году. Если это так, уместен вопрос, каким образом Джэбэ в том же самом году достиг Кашгара? Помня о том, что мосты через горные реки и глубокие непроходимые овраги и ущелья от Сатрам Нура до Алмалыка были построены лишь Джэгатаем в 1219 году, когда он шел этой дорогой, а перевал Музарт, как явствует из описания Оуэна Латтимора, очень труднопроходим, то, по Бартольду, он должен был пройти от Алмалыка к Джунгарским воротам, оттуда на Урумчи (Бишбалык), а затем на Кашгар, что совершенно невероятно с военной точки зрения. Исключительное упорство Бартольда в отношении 1216 года приводит его еще к одной ошибке, потому что, установив 1216 год как дату битвы при Караку, он вынужден предположить, что Джэбэ, а не Джучи, освободил Алмалык в 1218 году.

Я же полагаю гораздо более вероятным то, что именно Джучи, воевавший в 1217 году против меркитов в предгорьях Танну Ола, оставался в западной Монголии и был наиболее вероятным командующим в экспедиции на Алмалык и против остатков племени меркитов (см. главу IV).

И вновь Ховорс, д'Оссон и Бартольд расходятся в отношении времени взятия Бухары и Самарканда. Ховорс устанавливает дату — 1219 год, а затем заставляет Чингиз-хана целый год стоять лагерем у Самарканда, чтобы объяснить последующую хронологию событий. Бартольд же называет 1220 год, но утверждает, что взятие Бухары произошло в феврале, а уже в марте монголы подошли к Самарканду. Д'Оссон в отношении этих двух событий распоряжается иначе: взятие Бухары происходит у него в марте, а падение Самарканда — в апреле 1220 года. Ховорс, говоря, что Мухаммед, спасаясь от монголов, достиг Нишапура 18 апреля 1220 года, дает совершенно идентичную хронологию событий, ибо Мухаммед бежал из Самарканда, едва услышав о падении Бухары.

Олуфссен в своей работе «Эмир Бухары и его земли», истинном кладезе важной научной информации и очень ценных деталей, представляет факты наибольшей географической важности. Он пишет, что таяние снега в начале марта способствует обильному произрастанию трав, которые

вянут и становятся совершенно непригодны на корм скоту (лошадям) уже в начале июня. Он также утверждает, что весенние дожди в конце марта превращают глинистую почву в настоящую топкую, скользкую, липкую грязь (с. 160), а это уже немаловажное обстоятельство для командующего, во-первых, травоядной, а во-вторых, неподкованной кавалерии, ибо в реальности он мог провести ее степью только в промежуток времени между таянием снегов в начале марта и первыми проливными дождями в его конце, прежде чем местность обратится в непролазную топь. Точно так же командующий конным войском был бы вынужден искать для своих войск местности, снабженные большим количеством колодезной и родниковой (т. е. годной для питья) воды в июне, когда травы в степях полностью выгорали. Если даты Бартольда верны, то встает вопрос, что же ели монгольские лошади во время перехода степными просторами от Бенакета до Бухары? Даты же д'Оссона настолько хорошо согласуются с научными данными, почерпнутыми мною из работы Олуфссена, что я без колебаний последовал им. Ниже я отмечу еще одно возражение против хронологии Бартольда.

Часто повторяют приказ Чингиз-хана, отданный им своим войскам со ступеней бухарской мечети: «Накормите своих лошадей». В этих словах слышится явное указание на то, что монгольские лошади были в очень плохом состоянии, лишен-

ные в течение очень долгого времени своего любимого лакомства — сочной монгольской степной травы. В таких условиях всякая атака войска хорезм-шаха из Самарканда была для монголов опасна.

В принципе, во всем остальном, касающемся действий монголов, предваряющих их вторжение в Хорезм, Бартольд и д'Оссон практически согласны друг с другом. Но существует еще один рассказ о событиях начала этой кампании, настолько невероятный, что я полностью проигнорировал его в самом тексте моей книги и лишь сейчас вынужден упомянуть о нем, поскольку он содержится на страницах Британской энциклопедии и одобрен известным военным критиком — историком Б. Лиддел Хартом.

Ховорс и Пети де ля Круа утверждают, что Чингиз-хан направил два тумэна под командованием Джучи еще прежде, чем основное войско монголов прошло Джунгарские ворота, на Кашгар. Путь отряда лежал через Джунгарские ворота на Урумчи (Бишбалык), а оттуда к городу Кашгару. Но изучение карты открывает нам тот факт, что путь этот слишком труден и долог, а перевал Музарт в зимнее время года совершенно непроходим. Из Кашгара два тумэна Джучи через горы ворвались прямо в Фергану глубокой зимой, где Джучи встретил 400-тысячную армию во главе с хорезм-шахом Мухаммедом и нанес ей пораже-

ние, причинив потери, исчисляющиеся в 160 000 человек. Увы, как ни странно это звучит, но все перевалы, ведущие через горы из Кашгара в Фергану, зимой всегда блокируются снегом. Тем не менее это обстоятельство несколько не смущает Лиддел Харта, утверждающего, впрочем, что вовсе не Джучи, а Джэбэ Нойон командовал этими двумя героическими тумэнами, и, надо отметить, он не называет свой источник. После битвы Джучи двинулся на Джэнд. Таким образом, если исходить из рассказа Лиддел Харта, Джучи не только разгромил тюркскую армию, во много раз превосходящую его собственные силы, но и, находясь на левом фланге наступающих монгольских войск, устремляется против города, являющегося целью монгольских войск правого фланга, и совершает свой марш прямо через центр наступающих войск. Капитан Лиддел Харт заслуживает доверия как первый военный историк, по достоинству оценивший военные дарования Чингизхана как великого воина. Жаль, что на этот раз он не обратил внимания на примечания и комментарии в конце первого тома «Истории» Ховорса, в которых нашел бы исправленную версию текста и пояснения, что поход Джэбэ на Кашгар 1218 года и экспедиция Джучи того же года, по всей видимости, смешаны и ошибочно вплетены в рассказ о вторжении в Хорезм 1220 года.

Ранее я ссылался на датировку Бартольдом падения Самарканда. В своем рассказе о пресле-

довании Мухаммеда Джэбэ и Субудаем он утверждает, что их силы форсировали Аму-Дарью в мае и достигли Нишапура в начале июня. Хронология эта согласуется с датами д'Оссона, однако опять возникает вопрос, можно ли доверять дате Бартольда, касающейся падения Самарканда, т. е. месяцу марту. Если Самарканд пал в марте, почему Чингиз-хан выжидал целый месяц, прежде чем направил Джэбэ и Субудая по следу Мухаммеда? Если же мы примем дату д'Оссона, — т. е. месяц апрель, — таких возражений не возникает. Мы легко можем поверить, что Великий хан, или главнокомандующий, едва узнав, что хорезм-шах обратился в бегство, не стал ждать и немедленно направил двух своих лучших военачальников преследовать добычу; если же принять на веру хронологию Бартольда, то очень трудно объяснить причину его проволочек.

Теперь самое время пояснить мою хронологию военных действий монголов к югу от Аму-Дарьи.

Я следовал д'Оссону в его хронологии экспедиции Тохучара (Тогачара) и Туле в Хорасан, потому что его хронология хорошо соответствует военным аспектам ситуации. Затем, когда он утверждает, что Туле получил срочный приказ от главнокомандующего идти на соединение с основной армией, что было вызвано активизацией деятельности Джелаль эд-Дина к югу от Гиндукуша, не-

обходимо уточнить дату битвы при Перване (Парване) и осады Бамиана.

Дата похода на Ургенч должна помочь установить общую хронологию событий, потому что войско монголов, осаждавшее его, было также вызвано Великим ханом для участия в операциях против Джелаль эд-Дина. Также ясно, что Джагатай был у Бамиана, возле стен которого был убит его сын. Таким образом, осада Ургенча должна быть датирована периодом времени между бегством Джелаль эд-Дина в феврале 1221 года из Хорезма и падением Бамиана. Ключом к определению даты начала осады Ургенча мы можем считать время перехода монгольскими войсками, движущимися на город, реки Аму-Дарьи. Вэмбери вспоминал трудности, с которыми столкнулся при форсировании Аму-Дарьи, когда река была уже совершенно свободна ото льда, в то время как Барнеби в своем «Путешествии в Хиву» живо изобразил легкость, с какой перебрался через скованную льдом реку. Отсюда гораздо легче поверить в то, что монголы перешли реку по льду выше Ургенча в январе или феврале месяце. Очень большие потери монгольских войск могут быть частично приписаны эпидемическим заболеваниям, разразившимся в середине лета. Бартольд утверждает, что войско Угэдэя и Джагатай шло на Ургенч из Бухары, в то время как Джучи, который, как он полагает, оставался в Сыгнаке с 1220 года, приближался к Ургенчу с севера, возможно, тем

же самым путем, каким много столетий спустя прошел Барнеби.

С военной точки зрения против этого можно сделать следующее возражение. В Ургенче находилась армия численностью 90 000 человек, и трудно поверить, чтобы она не воспользовалась удобным случаем поодиночке разгромить разобщенные силы врага, пока они не объединились и тем самым не сравняли с ней свои силы. Бартольд также утверждает, что Ургенч пал в апреле 1221 года. Но все авторитетные источники согласны в том, что смерть хорезм-шаха Мухаммеда и случилась в декабре 1220 года и что Джелаль эд-Дин покинул Ургенч в феврале 1221 года после короткой остановки, при первых известиях о приближении монголов. Я испытал немалое затруднение, пытаясь найти причину, по которой Бартольд называет апрель месяцем падения города, не иначе в силу доверия к какому-то сомнительному источнику. У Джелаль эд-Дина не было времени собрать здесь армию, и, конечно же, в апреле он не мог особенно тревожить Чингиз-хана. Познакомившись с другими рассказами, говорящими, что осада продлилась шесть месяцев, я пришел к выводу, что падение Ургенча должно датироваться июнем или июлем, причем более вероятен последний месяц, поскольку эта дата хорошо согласуется с боевыми действиями в Иране и Афганистане.

Если Туле прибыл к Мерву в конце февраля, разграбление города должно было произойти где-то во вторую или третью неделю марта. Затем последовала осада Нишапура и опустошение Хорасана, которое могло продолжаться в течение двух месяцев. Мы можем датировать время окончания этих боевых операций второй или третьей неделей мая. Поход на Герат с большим обозом и осадной техникой тянулся медленнее обычного. В данном случае монголы потеряли свою стремительность и подвижность, но в любом случае город был взят в конце июня или в начале июля.

Лежащий далее на восток Таликан продержался шесть месяцев. И можно предположить с уверенностью, что осажден он был в начале того года, когда Чингиз-хан отправил небольшие конные отряды в Фергану и Бадахшан, и возможно, что новости о деятельности Джелаль эд-Дина вынудили Чингиз-хана взять руководство осадой в свои руки. Шесть месяцев осады опять дадут нам июнь или июль. Подтверждение этому можно найти в других источниках.

В дневнике Чан Чуня, китайского мудреца и даоса, есть упоминание о том, что он встретил тангутских послов 27 октября 1221 года, и те заявили ему, что оставили Чингиз-хана 1 августа 1221 года и что монгол сейчас (т. е. в октябре) преследовал Джелаль эд-Дина по дороге в Индию. Похоже на

то, что тангутские послы оставили ставку Чингиз-хана как раз в тот момент, когда он со дня на день собирался двинуться на Бамиан.

Когда мы вспоминаем, с какой поспешностью и настойчивостью требовал Чингиз-хан возвращения к нему других армий, становится ясно, что он не хотел идти к Бамиану, не получив заблаговременно подкреплений из Хорезма и Хорасана. Находясь гораздо ближе других, Туле, вероятно, прибыл к нему первым, войска монголов, взявшие Ургенч, присоединились к Чингизхану уже после того, как поход на Бамиан начался. Следующим важным событием была битва на Инде. Бамиан, должно быть, пал в августе или сентябре, и если мы примем во внимание быстроту последовавшей за его падением погони, то для времени битвы на Инде у нас не останется иного выбора, кроме сентября или начала октября 1221 года. И в самом деле, преследование Джелаль эд-Дина едва ли могло продолжаться дольше, ведь известно, что перевалы и горные дороги между Газни и рекой Инд полностью блокируются снегом на зиму, длящуюся в этих местах с середины ноября по март. Точно так же и горные перевалы и тропы Гиндукуша уже в октябре засыпаны снегом. Исключение составляет лишь перевал Хавак, которым и мог воспользоваться Джатай, когда в феврале шел от Первана (Парвана) на север восстанавливать мост через Аму-Дарью.

Хронологией этого периода монгольских походов нас обеспечивает китайский источник особой важности. Он дает нам дату, которая сама по себе может служить краеугольным камнем всей хронологии описываемых событий.

Речь идет о даосе Чан Чуне. Чан Чунь видел полное затмение солнца 23 мая 1221 года, и если мы попытаемся установить местоположение китайца в это время, то окажется, что он приблизительно находился на 48° северной широты и 114° восточной долготы, и весь маршрут его путешествия может быть легко нанесен на карту. К тому же и астрономия вполне подтвердила эту дату. Если верить Чан Чуню, Джагатай вернулся ремонтировать мост на Аму-Дарье* в феврале 1222 года. В это время Чингиз-хан вовсе не торопился возвращаться назад к Гиндукушу. Он долго стоял у стен Пешавара, а потом, не торопясь, пошел назад через Хайберский перевал в окрестности Кабула. Если допустить, что Джагатай некоторое время был с ним, у нас получится пять месяцев с момента ухода из Бамиана до того момента, когда Джагатай направился от Кабула на север на ремонт моста. Такое промедление кажется вполне понятным, если учесть, что была зима и против монголов уже не действовал никакой серьезный враг.

* Некоторые источники называют не Аму-Дарью, а реку Пяндж

Последующие боевые операции — поход Бала Нойона в Пенджаб и поход Джагатая через Белуджистан в Тез (Тис), окончательное уничтожение Герата, таким образом, должны быть отнесены к 1222 году. Правда, хронология Чан Чуня расходится с хронологией монгольских, китайских и персидских авторов, но дата солнечного затмения, описанного им, окончательна, несомненна и пересмотру не подлежит.

Например, по д'Оссону, Бала Нойон был послан в погоню за Джелаль эд-Дином на следующий день после битвы на берегу Инда, которая, как думает д'Оссон, произошла в декабре; еще он уверенно говорит о том, что страшная жара вынудила Бала Нойона вернуться. Если мы примем последний факт за совершенно достоверный, то получится, что поход Бала Нойона проходил в самое жаркое время года этих мест — между серединой апреля и серединой сентября, а не зимой и ранней весной, как было бы, согласись мы с датой, которую д'Оссон сам дает битве на Инде.

Датировка похода Джагатая должна быть сходной. Если Джагатай начал поход по Белуджистану, вернувшись с берегов Аму-Дарьи, получится, что он стоял лагерем близ Теза летом 1222 года.

Если допустить, что он двинулся в Белуджистан сразу после битвы при Инде, получится, что

он был в Мекране вовсе не летом, а зимой. Но против этого говорит заметка из дневника Чан Чуня, о том, что Джагатай, без всякого сомнения, был на берегах Аму-Дарьи. И это утверждение никоим образом нельзя сбросить со счетов или опровергнуть, а кроме того, известно (и всеми авторами повторяется), что Джагатай потерял многих своих людей от палящей летней жары, особенно жестокой в горах Мекрана и Белуджистана. И еще, известно, что Джелаль эд-Дин бежал в Дели и не было никакой необходимости сразу после его разгрома направлять в Белуджистан монгольские силы, которые должны были бы помешать врагу пробраться из Индии в Иран через районы Белуджистана. Чингиз-хан начал этого опасаться позже, уже к концу весны 1222 года.

Окончательное взятие Герата, вероятнее всего, произошло 14 июня 1222 года (по Ховорсу). Если осада длилась шесть месяцев, она должна была начаться в январе. Если предположить, что монгольское войско достигло Герата за 4—6 недель, получится, что оно вышла из Кабула в декабре 1221 года. Если битва на Инде произошла в конце сентября 1221 года, Чингиз-хан едва ли рискнул бы отправить такое большое войско, прежде чем удостоверился, что не подвергнется неожиданному нападению возможного врага.

Когда Чан Чунь в мае 1222 года посетил его в Афганистане, силы, бывшие к тому времени под

рукой Великого хана, были достаточно невелики. 70 000 человек осаждали Герат, 20 000 во главе с Бала Нойоном находились в Пенджабе, 20 000 увел Джагатай в Белуджистан, 20 000 под командованием Джэбэ и Субудая ушли далеко на запад. Несомненно, армия, осаждавшая Герат, включала рабочих и пленных, так что число воинов в ней не превышало 30—40 тысяч человек. Еще одно «вычитание» касается Джучи: он увел с собой из общего войска монголов от 15 до 20 тысяч человек. Не забудем и о потерях армии Чингиз-хана, вызванных осадой Ургенча, поражением Кутуку (Хутаху) у Первана, наконец битвой на Инде. Помимо этого были и текущие потери, связанные с пребыванием воинов-завоевателей в чужих, враждебных им странах. Если мы оценим потери при осаде и взятии Ургенча в 10 000 человек, потери у Первана — в 12 000, на Инде — в 5000, то получится цифра 27 000 одних только убитых в сражениях.

В остальном, принимая в расчет 1000 человек в месяц в качестве нормальных (обыкновенных) текущих потерь (ранеными, умершими от ран, болезней, тягот походов, рук местных жителей и т. д.), к концу 1221 года получится сумма в 24 000 человек, и это дает нам цифру общих, более чем вероятных потерь монгольского войска, которая равна 51 000 человек. У нас нет исторических свидетельств о прибытии к Чингиз-хану помощи и подкреплений из Монголии,

но вполне возможно, что к его войску присоединились туркмены, точно так же, как они присоединились к войскам Джэбэ и Субудая. Также не забудем и того, что, хотя Джагатай и Бала Нойон имели каждый по два тумэна; тумэны эти были очень ослаблены потерями и, вполне возможно, тоже пополнены туркменскими союзниками монголов.



Приложение II

Представив на суд читателя в моей книге одни лишь голые факты, касающиеся кампаний Чингизхана, я намерен теперь рассмотреть эту удивительную главу истории Азии с военной точки зрения.

Приступая к этому, мы должны попытаться избежать ловушки, в которую часто попадают историки: мы не должны допустить, чтобы успехи монгольского оружия и монгольской стратегии возобладали под критическим осмыслением исторических фактов. Ведь критик, становящийся подобострастным историком не может служить ни истории, ни военному искусству. Имея дело с человеческими страстями, усилиями, чаяниями и надеждами, нужно всегда иметь в виду, что успех не всегда является результатом тщательного планирования, равно как и неудача не всегда может проистекать из обстоятельств, над которыми совершенно невозможен контроль и против которых бессильно любое предвидение.

Слишком часто единственным критерием, по которому оценивают солдата, является конечный

успех того военного метода, которым он пользуется на войне, таким образом конечный результат становится мерилom величия солдата. «Его план удался, — говорит историк, — и потому мы видим в нем гения». Конечно, в военном, как и любом другом искусстве, работа подлинного мастера всегда основывается на его собственных заслугах, но в реальной войне бывает очень трудно провести грань между успехами заслуженными и вызванными внешними, приводящими обстоятельствами. Сравнения в этой сфере очень сложны, зачастую ошибочны, а иногда и неуместны. Слагающие факторы успеха разнятся от кампании к кампании, от похода к походу. Политические, экономические, социальные условия ведения войны, ее причины, география места, качество и количество военных материалов и людей, имеющих с ними дело, никогда не бывают одними и теми же, не позволяя и нам быстро делать поверхностные сравнения и проводить ложные параллели. Иначе говоря, не всегда лучший или считающийся таковым воин или полководец выходит победителем из благоприятно для него начавшегося сражения.

Сражения при Заме и Ватерлоо — лишь два ярких примера этой печальной истины — ясно показывают, как полководцы, потерпевшие поражение, остались навсегда лучшими воинами своего времени и истории.

Когда анализируешь военные кампании Чин-

гиз-хана, осторожность дважды необходима, ибо военный историк и аналитик сталкивается с человеком, который начал свою карьеру беглецом и главой шайки разбойников, а закончил ее величайшим завоевателем, которого когда-либо знал мир.

Кампании в северном Китае (1211—1214 гг.)

В кампаниях Чингиз-хана против северного Китая проявляются два фактора первостепенной важности, которые всегда нужно иметь в виду. Первый фактор — это слабая боеспособность китайских войск, позволившая монголам пойти на риск, грозивший обернуться для них катастрофой в том случае, если бы им противостояли боеспособные части. Речь идет об их отважных и очень глубоких рейдах в тыл врага. Второй фактор — это отсутствие всяких линий коммуникаций, иначе, строго говоря, определенных путей передвижения и снабжения монгольских войск, потому что отсутствие легкоуязвимых военных баз, пунктов сосредоточения и концентрации, а также постоянно охраняемых и наблюдаемых путей сообщения снимало немалый груз забот с плеч как главнокомандующего, так и его подчиненных. Линия Великой Китайской стены была для монголов тем же, что побережье вражеского государства с многочисленными гаванями для флота, обладающего полным контролем над морскими просторами. Именно так

монголы владели степью и могли наносить удары где угодно и когда угодно и, даже будучи разгромленными, им стоило лишь отступить в северном направлении, чтобы полностью и очень легко обезопасить себя от преследования.

Кроме этого следует отметить, что полная свобода от каких-либо коммуникаций позволяла широко разбросанной и зачастую совсем не связанной единым командованием армии эффективно выполнять поставленную перед ней задачу. Такой пример широкого распыления сил с полным сохранением их боеспособности в военной истории уникален.

Непревзойденная маневренность и мобильность монголов — не результат особых военных упражнений и тренировок, но их нормальный образ жизни, приучивший их к войне, — и слабая боеспособность китайцев приводили к полному уничтожению китайских полевых армий, остатки которых трусливо скрывались за стенами городов. Следующей проблемой, с которой столкнулись монголы, была проблема штурма и взятия крепостей, никакого опыта по работе с которыми они не имели. Вполне возможно, что только ранившая Великого хана стрела заставила его начать поиск путей разрешения этой проблемы. Следующим его действием было распространение своей власти на сельские районы северного Китая, при частом игнорировании сильных очагов сопротивления в го-

родах и крепостях. Конные отряды монголов оказывали сильнейшее давление на цзиньские земли в глубине китайских территорий, очень похожее на то, которое оказывал британский флот в войнах на Европейском континенте.

Монгольский повелитель не имел в тылу легкоуязвимых баз, которые нужно было охранять, и коммуникаций, которые следовало все время держать под наблюдением, так что он был волен опустошать Китай к северу от Хуанхэ так, как ему это заблагорассудилось, чего не мог позволить себе ни один командующий цивилизованной армии. Но даже это постоянное давление на территории Цзинь не служило решением военной проблемы, которую представляли для монголов крепкие стены городов. Проблема эта могла быть разрешена лишь методами правильной военной осады, которая в свою очередь зависела от осадных машин и орудий и людей, способных обращаться с ними. Но вскоре натиск на врага и моральное превосходство монголов помогли разрешить и эту задачу. Цзиньским дезертирам и изменникам принадлежит честь открытия этого «тайного» оружия цивилизации диким монголам. Поэтому можно с уверенностью сказать о том, что если монгольская конница обеспечила политическое, экономическое и моральное преобладание над врагом, то именно осадная техника и голод были тем оружием, которое довело завоевание монголами Китая до успешного конца.

Кампания против Хорезма

Кампания 1220 года, без сомнения, самый удивительный пример успешного использования мобильности против неприступности. Долгий путь, пройденный монголами к месту боевых действий, полное пренебрежение линиями коммуникаций и высокие маневренность и подвижность монгольских войск более походят на боевые действия флота на море, чем на обыкновенную наземную войну.

Но на этот раз противниками Чингиз-хана были тюрки, племя очень воинственное, и все же мы видим, что он расправился с ними еще проще, чем с совсем не воинственными китайцами*.

* Приведу лишь две цитаты из сочинений Бартольда, взятые из тезисов его диссертации «Туркестан в эпоху монгольского нашествия».

«11. Хорезм-шах Мухаммед своим правлением восстановил против себя как военное сословие и духовенство, так и народные массы. Уничтожением должности имперского визиря он ослабил также значение бюрократии, в борьбе с внешним врагом он не мог опираться ни на один элемент правительственной системы.

12. Ядро войска Чингиз-хана составляла дружина, набранная им из степной аристократии и получившая правильное устройство» <...>

«15. Легкость завоевания государства хорезм-шахов монголами объясняется как состоянием этого государства, так и превосходным устройством монгольских военных сил. Строго дисциплинированные монгольские воины не искали случая отличиться перед своими товарищами, но точно исполняли

Внешне смелость, с какой монголы наносят удар по Бухаре, явно контрастирует с бездеятельностью и нерешительностью Мухаммеда, как будто именно этим и доказывая полководческий гений Чингиз-хана. Но существует и другое толкование событий, помогающее вернее оценить эту кампанию.

Самым важным в ее понимании является то, что Мухаммед был помещен самой судьбой в очень невыгодные географические условия. С самого начала в его распоряжении были лишь невыгодные позиции. Известно, что он уже открыл для себя мужество и мастерство монголов на поле битвы. И направься на север долиной реки Арысь с целью преградить дорогу приближающимся монголам еще в степях, он рисковал потерять все после первого же неудачного броска, а ведь он хорошо знал, что у монголов были все шансы одержать победу. Потерпи он поражение, и единственным

волю государя или назначенных им лиц; военачальники были только послушными и умелыми исполнителями воли Чингиз-хана, разделявшего и вновь соединявшего отдельные корпуса своей армии по мере надобности и быстро принимавшего меры для устранения последствий случайных неудач. С другой стороны, предводители мусульман, начиная с хорезм-шаха Джелаль эд-Дина, могли с горстью людей совершать чудеса храбрости, но совершенно не умели организовать более значительные силы и сдерживать проявления национальных страстей в своем разноплеменном войске» (*Бартольд В. В. Собрание сочинений, т. I, Приложение — «Тезисы к диссертации». С. 602, 603) (прим. переводчика).*

путем, которым ему возможно было бы бежать, оставалась все та же долина реки Арысь и даже если бы он невредимым прошел весь этот путь, перед ним все равно оказывалась река Яксарт (Сыр-Дарья). Здесь монголы могли прижать его к берегу, окружить и уничтожить.

Поэтому, размещая сильные гарнизоны в городах Мавераннахра и по берегам Сыр-Дарьи и сконцентрировав главную армию в Самарканде, он поступил правильно, пытаясь свести на нет стратегическое преимущество неприятеля. Он надеялся, что потери, понесенные им при штурме городов и крепостей, в конце концов дадут ему возможность нанести успешный контрудар. В любом случае, требования политической необходимости удержали его от полного вывода своих сил с северного берега, Сыр-Дарьи, и, должно быть, с чувством горького удовлетворения наблюдал он за отчаянным сопротивлением Отрара и Ходжента. Если бы он сконцентрировал свои главные силы под Отраром, лед реки помог бы ему в возможном отступлении в январе или феврале... Но если бы монголы воздержались от нападения до весны, Мухаммеду пришлось бы отступать по тонкому льду или же все поставить на карту у стен Отрара, ибо в случае поражения у стен города он не имел уже никакой возможности отступления.

Он решил сконцентрировать войска у Самарканда и целиком уповать на героические усилия

северных городов, по мере возможности пытающихся ослабить силы монголов. Однако совершенно очевидно, что он ясно понимал опасность монгольского удара по долинам реки Зерафшан, сердцу и основному ядру его владений, а также краеугольному камню его обороны. Когда мы вспоминаем, что он был очень опытным воином, присоединившим к своим владениям Афганистан и Персию, нам кажется естественным ожидать от него попытки сконцентрировать свои войска в окрестностях Джизака (Зернука). Правда, перед ним встала бы проблема удержания в повиновении разноплеменного беспокойного тюркского войска, от которого требовалось лишь терпеливо ожидать прихода монголов. Увы, бездействие опасно даже для хорошо дисциплинированных войск. Что же говорить об армии Мухаммеда?..

Инициатива целиком была на стороне монголов, но, принимая во внимание особенности климата, Мухаммед мог надеяться на то, что монгольские войска не смогут форсировать Яксарт (Сыр-Дарью), прежде чем мартовские дожди сменяются апрельским солнцем, и уж, конечно, монголы появятся не раньше, чем падет Отрар. Угадай он верно сроки наступления монголов, он еще мог направить свое самаркандское войско (свыше 100 000 человек) в Джизак (Зернук) в апреле и там ожидать нападения неприятеля.

Чингиз-хан опередил его, как будто угадав тайные мысли хорезм-шаха. Но даже если допустить, что он вполне постиг замыслы Мухаммеда, все же шаг, им предпринятый, был очень и очень рискован. Даже если на Чингиз-хана работала разветвленная и очень хорошо отлаженная разведывательная сеть, все же с трудом верится, будто он заранее предвидел, что марш на Бухару обернется решающей и блестящей победой его войска. Например, почему он взял с собой всего лишь одну треть всех монгольских сил? Но если мы поверим в великолепную разведку монголов, мы вынуждены будем признать, что он знал о силах, которые были сконцентрированы в Самарканде, и о тех тюркских конных войсках, численностью в 20 000 человек, которые стояли в Бухаре. Но ни один из полководцев с опытом, равным опыту Чингиз-хана, не рискнул бы перейти широкую реку и еще более широкую пустыню, чтобы затем лицом к лицу столкнуться с неприятелем, в три раза превосходящим его силы, да еще и в самом центре вражеской страны, вместо того, чтобы спокойно подождать месяц или два падения Отрара, и потом, собрав воедино все свои силы, тем самым сравнять их числом с воинами неприятеля.

Не слишком вероятно и то, что его марш на Бухару был задуман как отвлекающий маневр, небольшой конный набег, а не как решающий и главный удар. Давайте представим, в каком по-

ложении оказался бы Великий монгол и его войско численностью в 50 000 человек, если бы во главе бухарского гарнизона стоял человек, подобный Тимур-Мелику, герою Ходжента, или Инальчику (Инальджуку), герою Отрара. В таком случае монголам пришлось бы долго осаждать Бухару, гарнизон которой по своей численности был приблизительно равен численности их боевых сил (в особенности, если иметь в виду крепость бухарских стен и преимущества обороняющегося перед наступающим), а четыре или пять дней спустя из Самарканда могла бы уже подойти армия во главе с Мухаммедом. Но, что еще важнее, наступил бы сезон дождей, обративших в непролазную топь здешние пустынные места.

Но вернемся к Мухаммеду в Самарканд. Признаем, он был потрясен падением Джизака (Зернука) и Нура, но эти поражения никоим образом не вели всего его дела к гибели, — напротив, исходя из его стратегии, они даже увеличивали его шансы, его надежды на победу. Сильные стены Бухары должны были выдержать натиск монголов столько же времени, сколько и Отрар, а тут и сезон дождей поймал бы монгольскую конницу в ловушку. Монгольским лошадям предстояло тонуть, вязнуть и скользить на размокшей глине, покрывавшей поверхность степей, и для Мухаммеда наступало долгожданное время для нанесения ответного удара. К тому же, у него была пехота, которой не было у монголов, а ведь извест-

но, сколь луки пехотинцев сильнее, точнее и эффективней луков всадников. «Пусть Бухара задержит Чингиз-хана на пару недель, — мог думать Мухаммед, — и затем мы сами займемся им».

Дожди, превращающие в вязкое глинистое месиво некоторые части Кызылкумской пустыни, столь же несомненны, как и дожди, выпавшие в Бельгии и Северной Франции прошлым летом, но если монголы все поставили на карту и выиграли, то в 1917 году английская армия атаковала немцев во Фландрии по точно такой же болотистой грязи — и проиграла. Такова изменчивая природа войны.

У Мухаммеда, как, впрочем, и у Чингиз-хана, не было причин предполагать, что Бухара падет так скоро, не выказав и тени настоящего решительного сопротивления, на которое ее силы вполне были способны. Доказательством этого может служить и то, что монголы, направляясь к городу, везли с собой и обоз с осадными машинами. Но когда Мухаммед узнал о падении Бухары, он, в сущности, был прав, считая, что война проиграна.

Теперь 50 000 монголов были в Бухаре и 100 000 на севере Трансоксианы; однако совершенно очевидно, что на эти 100 000 человек Чингиз-хан не рассчитывал. В самом сердце враждебного ему Мавераннахра он уверенно действовал

один. И что бы ни говорили о рискованном походе монгольского хана на Джизак и Нур, а затем на Бухару, нельзя отделаться от чувства, что падение этого города для самого Чингиз-хана было совершенно неожиданным подарком судьбы, которого он не заслуживал, а Мухаммед не ожидал. Так поворот колеса фортуны вознес монгола на вершину славы, которую он разделил с другими воинами Азии, а Мухаммеда, правителя Хорезма, Мавераннахра, Ирана и Афганистана, сбросил в самые глубины морального ничтожества и всеобщего человеческого презрения. Сражайся бухарский гарнизон, как сражались гарнизоны Отрара и Ходжента, и тот военный гений, который ныне историки приписывают Чингиз-хану, никогда не смог бы спасти его от неминуемого поражения, а те из них, которые сегодня изливают свое презрение на голову Мухаммеда, приравнивали бы хорезм-шаха к великому Тимуру. Действительно, повернись колесо фортуны в другую сторону, и, возможно, имя Чингиз-хана исчезло бы со страниц истории, навсегда погребенное в недрах времени, подобно именам многих других вождей кочевых племен, опустошавших Китай на протяжении тысячелетий, в то время как хорезм-шах Ала-эд-Дин Мухаммед стал бы великим предтечей Тимура и Бабура.

Однако если мы правы, и Чингиз-хан в самом деле не ожидал взять Бухару без жестокого кровопролитного штурма или долгой осады, то-

гда возникает вопрос, что было у него на уме, когда он выступал из Бенакета?

Помня о его методах завоевания Китая, я полагаю, что он разработал план, в соответствии с которым два или более монгольских корпуса должны были лавиной обрушиться на Хорезм и Мавераннахр, огнем и мечом разоряя и опустошая их земли и беря крепости там, где это было возможно. Похоже на то, что Чингиз-хан хотел выманить, и как можно скорее, Мухаммеда из Самарканды, чего, на его взгляд, всего вернее можно было добиться, появившись со своим войском под стенами Бухары. Чингиз-хан хотел заставить противника принять бой на открытой местности. Затем последовала бы целая серия маневров, в которых он, благодаря превосходству монгольского войска в подвижности, успешно избегал бы столкновения с Мухаммедом до тех пор, пока монгольские силы, действовавшие к северу от Сыр-Дарьи, не вышли к Джизаку, а оттуда не вступили бы в Зерафшан, соединившись так с его армией. Тогда Мухаммеду вновь пришлось бы отступить к Самарканду, чтобы спасти себя и армию от окружения. Затем монголы вновь опустошили бы страну, очистив ее от войск хорезм-шаха, а его самого наверняка заперли бы в столице одного с ненадежным войском и неверной свитой посреди учиненного ими разорения. В этом случае Самарканду все равно предстояло пасть.

Такой план кажется вполне разумным, тогда как тщательно обдуманый и взвешенный план похода на Бухару с войском численностью в 50 000 человек (если, конечно, Чингиз-хан не полагал, что этот город падет, как Иерихон под звуки труб священников и воинов Иисуса Навина) представляется совершенно невысказанным.

Однако когда Бухара сдалась, Великий монгол сумел воспользоваться удачей и сразу же приступил к исполнению второй части своего плана, стянув войска к Самарканду и, таким образом, завершив войну без единой полевой битвы.

Из этой военной кампании можно вывести и еще один очень серьезный урок. Существуют интеллектуалы, которые искренне верят в то, что всякая война совершенно бесполезна и что сражения на войне не приносят никогда никакого положительного результата. Мухаммед и командир гарнизона Бухары вели себя так, что непременно вызвали бы одобрение у этой части современных пацифистов, потому что и эти последние тоже предпочитают бездействовать перед лицом наступающего врага.

Упорные сражения под Джизаком и Бухарой, даже если бы они были проиграны, нанесли войскам Чингиз-хана серьезный урон. А тюрки, даже потеряв 50 000 бойцов, преподали бы монголам хороший урок, навсегда отбив у них охоту к вой-

не. Тогда не последовало бы разорения Бадахшана, массового истребления жителей Балха, Мерва и Герата, обезлюдения Хорасана, разграбления великих городов Персии, завоевания России и всего того ужаса, который надолго омрачил историю человечества. Всего этого могло никогда не быть, если бы хорезм-шах Мухаммед понимал, какая мера ответственности возложена историей на его плечи.

Несколько столетий спустя Тимур столкнулся с подобной же трудностью, но он никогда не избегал сражений. Напротив, он шел напролом, навстречу опасности, смело атаковал татарские войска, где бы их ни встретил, и результатом было то, что эти кочевники при хане Тохтамыше никогда не становились (и не могли стать) разрушителями цивилизации, какими некогда были их предки. Как видим, только свирепый и воинственный дух Тимура предотвратил катастрофу, которая своими последствиями легко могла бы сравниться с монгольским катаклизмом.

Кампания против царства тангутов (1226—1227 гг.)

В этой кампании стратегия Чингиз-хана вновь состояла в наилучшем использовании маневренности и мобильности монгольских войск.

Медлительная пехота может быть вынуждена атаковать места концентрации вражеских сил, используя эти атаки в качестве самого быстрого и эффективного способа окончания войны; но тот, кто владеет, подобно монголам, преимуществом гибкой подвижности и отсутствием системы легкоуязвимых коммуникаций, может добиться победы менее дорогой ценой.

Столкнувшись с неприступными стенами Нинся, Чингиз-хан просто отвел свои силы от города и занялся его окрестностями. То же самое он проделывал, когда цзиньцы укрывались за стенами своих городов. Укрепления обороняли пешие гарнизоны, и потому монгольская конница, даже рассеянная по округе, их совершенно не боялась. Монголы до поры до времени игнорировали высокие крепостные стены, оберегавшие, как они говорили, их добычу, и продолжали опустошение тангутских земель. Постоянное нанесение ударов по более слабым пунктам обороны противника, без сомнения, было самым дешевым способом ведения войны, но он зиждется на трех основных факторах: неуязвимости баз, надежности линий коммуникаций и маневренности.

Это напоминает действия военно-морского флота. Держава, обладающая господством на морях, всегда направляет действия своего флота на самые удаленные территории и избегает атак против главных центров концентрации вражеских сил.

Англия всегда исходила из принципов неприступности своих баз, безопасности и надежности морских коммуникаций и высокой маневренности своего военно-морского флота.

Вышеуказанные факторы делают монгольскую стратегию похожей на современную войну на море. Их войска должны были удерживать в своих руках открытые пространства до тех пор, пока земли, на которых они находились, могли снабжать их всем необходимым для продолжения войны, так же как Нельсон удерживал в своих руках море до тех пор, пока мог прокормить на нем своих моряков.



Общее заключение

Самым интересным моментом в военной карьере Чингиз-хана было развитие им своего способа ведения войны. Во время своего первого вторжения в царство Тангут он на каждом шагу испытывал неудачи и поражения. Инструмент (монгольская конница), который он так удачно применял в маневренной межплеменной войне на Монгольской возвышенности, приносил ему очень мало успеха в войне против укрепленных городов цивилизации.

Я уже упоминал маленький форт Юймын (Юмынь), который был единственной крепостью, которую Чингиз-хан взял во время своего первого похода против тангутов, и лишь четыре года спустя проблема эта получила достойное разрешение. Так великий завоеватель вынужден был пересмотреть свои взгляды на войну после ряда неудачных экспериментов. Факт сам по себе вполне примечательный. Критики боевых операций войны 1914—1918 годов, в особенности те, кто не имел никакого практического знания предмета, но владел лишь легким пером и ясным стилем

изложения событий, склонны разглагольствовать с явным пренебрежением о необходимости хорошей и тщательной подготовки солдата к современной войне, в которой, на их взгляд, главенствующую роль предстоит играть авиации, танкам, мощному автоматическому оружию и тяжелой артиллерии, способны напрочь отбить всякую волю и решимость к борьбе у старых рогов войск и, главное, у простого солдата.

Чингиз-хан в своем первом походе на Тангут сначала пытался брать стены крепостей конницей, и потребовалось четыре года войны, которые помогли ему найти правильное решение.

Если монгольская армия отличалась маневренностью, то этим она была прежде всего (как никакая армия до и после нее) обязана разведке, созданной и руководимой самим Великим ханом.

Вспомним: когда Рей был разграблен Джэбэ и Субудаем, Мухаммед бежал в Керенд (Каринд, Карун), а монголы пошли на Кум, пройдя более ста миль. Возможно, Джэбэ даже прошел далее этого города, когда отряд его разведчиков уже изгнал Мухаммеда из Керенда. Отметим, расстояние между Кумом и Керендом — 300 миль. К этому надо добавить, что отряд монгольских разведчиков действовал на вражеской территории, в глубоком тылу вражеских войск. Это легко сравнить с современной военной практикой, примеры ко-

торой дает нам 1914 год, когда патрули выдвигались вперед основной армии на 5 — максимум на 10 миль, и очевидные недостатки этого разведывательно-заградительного щита хорошо объясняют события того времени, характеризующиеся полным неведением о позициях неприятеля, направлении его движения, нахождении его флангов и, наконец, численности его войск.

Можно привести другой пример, когда монгольский сотник во главе разведывательного отряда захватил вновь назначенного губернатора Маньчжурии, а затем проник в Мукден, воспользовавшись бумагами пленного. Источники упоминают, что этот разведывательный отряд находился в трех днях пути от войска Мухули — значит, ушел от него на расстояние 100—150 миль. Достойна самой высокой похвалы и инициатива, которую продемонстрировал один из младших офицеров его войска, являвшийся всего лишь одним-единственным звеном в огромной цепи ему подобных, очень инициативных и никогда не боящихся бремени ответственности, людей. Посмотрим повнимательнее на его действия. Сначала он атакует и захватывает в плен губернатора провинции, затем, воспользовавшись случаем, который судьба так неожиданно предоставила ему, он берет на себя смелость в проведении операции, оказавшей в результате решающее влияние на исход всей маньчжурской кампании.

Воин-монгол всегда свято следовал двум принципам: точно исполнять приказ и там, где приказа нет, смело проявлять инициативу, никогда не боясь ответственности и не перекладывая ее на чужие плечи. И надо признать, что поступая так, воин-монгол никогда не уходил от наказания и не требовал награды.

Рассмотрим теперь два поражения монгольских войск, которые потерпели воины Джучи подле Караку в 1218 году и воины Шики Кутуку (Шиги Хутуху) при Перване (Парване) в 1221 году в битве с Джелаль эд-Дином.

Джучи разгромил меркитов и уже возвращался домой. Он не торопился, когда сзади появились воины Мухаммеда. Очевидно, Джучи, повернув армию назад, на Монголию, не стал располагать разведчиков в тылу своего войска, полагая, что враг разбит и оттуда ему ничто не угрожает, а велел разведчикам идти впереди главного отряда.

В этом и состояла его ошибка. Ею и воспользовался хорезм-шах Мухаммед. Когда же Шики Кутуку (Шиги Хутуху) получил приказ наблюдать за Джелаль эд-Дином, он отважился нарушить его, перейдя Гиндукуш. Ему поручалось находиться с войском в северных предгорьях Гиндукуша, чтобы помешать Джелаль эд-Дину, пройдя по течению реки Горбенд, снять осаду с Бамиана. Мы знаем, что Джелаль эд-Дин застал врасплох мон-

гольский разведывательный отряд у Бамиана и уничтожил его. Вступив в горы Гиндукуша, отряд Шики Кутуку, преследовавший ненавистного врага, уже не мог остановиться в теснинах и продолжал наступать. Молодой военачальник из-за узости горных ущелий не смог развернуть защитную цепь конных разведчиков. Именно этим объясняется, почему неприятель все-таки сумел поймать его в ловушку, заставив монголов принять бой в очень неудобной для их конницы местности.

Таким образом, в обоих случаях поражения (частичное — в первом, и полное — во втором) проистекали из одной и той же причины: и в том и в другом случае монгольские войска шли без прикрытия разведывательного экрана.

Факт, который мы всегда должны иметь в виду при изучении эпохи монгольских походов, заключается в следующем: в XIII веке в военных стратегиях стран мира оборона явно преобладала над наступлением (нечто подобное было характерно и для начала XX века), а осадная война (оборона и взятие крепостей) заменила собой войну на открытых пространствах. Полевые армии пехоты прогрессировали и развивали свое мастерство очень медленно вплоть до введения пороха, а кавалерийские армии цивилизованных стран, не обладавшие специальными качествами монголь-

ской конницы, были в еще менее выгодном положении, чем пехота.

Лошади кавалерии цивилизованных стран не могли выжить, питаясь засохшими травами зимой, а их всадникам вовсе не доставляло удовольствия мясо лошадей и верблюдов, которое так любили монголы.

Кавалерия цивилизованных стран не удовлетворилась бы простыми войлочными юртами и топливом из лошадиного и верблюжьего навоза для своих костров.

Как видим, во всем, буквально во всем — в вопросах стратегии, тактики и даже быта, своим мужеством, инициативой и стойкостью монгольские воины превосходили своих противников. Они разрушили старые каноны войны и уничтожили немало учеников старой военной школы. Но будет позволено нам заметить, что пренебрежение основными центрами вражеского сопротивления и нанесение последовательных более мелких ударов по слабым местам обороны противника, хотя и рассчитано на очень длительное время, не может длиться вечно, если речь идет о завершении войны и полной победе над врагом.

В большинстве монгольских походов фактор времени — т. е. быстрота завоевания — не имел большого значения. Но в походе Туле на Хорасан

фактор времени приобретает уже большую важность. И в первую очередь это связано с угрозой армии самого Чингиз-хана, исходящей от Джелаль эд-Дина. Поэтому Туле был вынужден сразу наносить главные лобовые удары по самым сильным центрам сопротивления неприятеля, против его крупных фортификационных укреплений, если и в самом деле намеревался как можно скорее завершить полное покорение Хорасана. Он применял стратегию западных армий 1914—1918 гг., т. е. прежде всего наносил сильные концентрированные удары по стратегически важным пунктам, пробивая именно там бреши в обороне, и вел именно туда людей в атаку. Время в данном случае было слишком дорого для него, чтобы его тратить на всякие опасные проволочки. Таким образом, прежний метод покорения страны (опробованный в Китае) за счет ее широкомасштабного и длительного опустошения*, более простой и дешевый для монголов, в данном случае был отложен.

* Смысл этого действия заключен в том, что методичное опустошение земель вокруг основных центров обороны не только ослабляло их сопротивление, но и делало постепенно его совершенно невозможным и бессмысленным посреди выжженной и разоренной страны. Таким образом, монголы подводили сопротивляющихся к мысли о неминуемой гибели или капитуляции, что часто было одно и то же (*прим. переводчика*).



Послесловие

Обширна литература, посвященная как самому Чингиз-хану, так и эпохе монгольских завоеваний. На востоке первым о них писал даосский монах Чан Чунь (полное имя Чан Чунь Чжэнь-жэнь, или Цюю Чан-чунь) (1148—1227). В 1221—1224 годах он совершил путешествие из Яньцзина к берегам Аму-Дарьи по приглашению Чингиз-хана. Сохранилась книга «Си ю цзи» («Описание путешествия на Запад»), которая, как полагают, сначала была в виде дневниковых записей продиктована Чан Чунем одному из своих учеников и спутников Ли Чжи-чану, который после смерти ученого собрал все записи воедино и издал в виде книги. Именно эта книга стала одним из первых по времени и важнейшим источником по истории монгольской катастрофы.

Здесь нет возможности обозреть все обилие исторических памятников, прямо и косвенно касающихся интересующей нас эпохи, но следует заметить, что традиции европейского летописания на эту тему восходят к знаменитым путешественникам Джованни дель Плано Карпини (время пу-

тешества 1242—1247 гг.), Гильому де Рубруку (1253—1256), побывавшему в Каракоруме, и к Марко Поло, в 1271—1295 годах проделавшему путь из Венеции в Ханбалык (Пекин). Известия, привезенные этими людьми в Европу, поражали воображение современников и на долгие века хотя бы отчасти удовлетворяли их жажду знаний о неведомых, страшных и могущественных народах, обладателях таинственных и неведомых земель Дальнего Востока.

Однако время шло и потребность в строго научных исторических знаниях возрастала.

Одним из первых европейцев приступил к изучению истории монголов Франсуа Пети де ля Круа, имя которого часто упоминается в этой книге. Он родился в 1622 году и умер в Париже в 1695. Знанием восточных языков, персидского и арабского, Пети де ля Круа был целиком обязан своему дяде, переводчику Министерства флота и колоний Французского королевства. Позднее он сам становится секретарем-переводчиком короля Людовика XIV. По личному повелению короля (и при самом благожелательном отношении Кольбера, инициатора многих великих начинаний как в области науки и искусства, так и в области экономики и общественной жизни) Франсуа Пети де ля Круа приступает к созданию «Истории великого Чингиз-хана, первого императора моголов и тартар (монголов и татар)», которая была опублико-

вана лишь его сыном много лет спустя после его смерти в 1710 году, в Париже. Работа над этим обширным трудом стоила Пети де ля Круа десяти лет неустанного труда. Его сын, носивший тоже имя Франсуа, единственный наследник и продолжатель его дела, расширил и обогатил труд отца прекрасными комментариями. Вдобавок ко всему он шел по стопам отца и на поприще политической карьеры, заняв после его смерти должность секретаря-переводчика Короля-Солнца. Время его жизни 1653—1713 годы. Как видим, семья Пети де ля Круа дала Франции немало великих, незаурядных людей. Франсуа Пети де ля Круа-младший, следуя примеру и заветам отца и деда, служил в Морском министерстве, бывал с миссиями в Турции и странах Магриба. На склоне лет им были составлены великолепные толковые французско-турецкий и турецко-французский словари.

Сын его Александр Луи Мари Пети де ля Круа (1698—1751) уже в силу происхождения шел по стопам предков. Его перу принадлежала «История Тимура», очень известная и высоко ценимая в XVIII веке. После его смерти род Пети де ля Круа пресекся.

Но европейское монголоведение уже родилось.

Следующим в ряду историков Европы, заложивших основы современного научного подхода к этой теме, стал Жозеф де Гинь (у В. В. Бартоль-

да — Дегинь), известный синолог (китаист), знаток китайского языка, составитель первого и очень обширного китайско-французского словаря. Как видим, путь к монгольской истории лежал прежде всего через язык китайских, персидских и арабских авторов. И европейцы упорно прорывались к первоисточникам.

Уже в силу этого Жозеф де Гинь стремился как можно глубже и полнее исследовать средневековых китайских авторов. В результате многих лет работы им была написана двухтомная «История гуннов, тюрок, монголов и прочих западных татар» (1756—1758 гг. издания). Де Гинь очень основательно изучил все имевшиеся в распоряжении науки к середине XVIII века источники. «Не подчиняясь ни тем ни другим, он применил ко всем своим источникам приемы европейских ученых того времени», — говорит В. В. Бартольд. Но он считал себя вправе даже при передаче слов исторических персонажей изменять слог, стиль речи своих источников, сообразуясь лишь с европейским вкусом своего времени.

Примерно в то же время иезуит Гобиль издает «Историю Чингиз-хана и всей династии монголов», перевод сокращенной редакции китайской официальной истории монголов.

Сравнивая Пети де ля Круа и Гобиля с де Гинем, В. В. Бартольд дает им следующую характе-

ристику: «Если де Гиня можно обвинить в том, что под его пером азиаты утрачивают свои характерные черты и превращаются в европейцев, то по взглядам и способу изложения Франсуа Пети де ля Круа и Гобилия совершенно незаметно, чтобы они были знакомы с европейской наукой и этим отличались от восточных историков. Гобиль, например, принадлежал к числу иезуитских миссионеров, поселившихся в Китае и утративших всякую связь с европейской цивилизацией; по собственному признанию, он в течение долгих лет своего пребывания там не читал никаких книг, кроме китайских и маньчжурских. Ученые этого типа были, как известно, и между русскими синологами; к числу их принадлежит и отец Иакинф Бичурин, автор многочисленных трудов по истории Средней Азии»*.

Подлинный прорыв в научном монголоведении был совершен известным историком Константином д'Оссоном, издавшим в 1824 году первый том «Истории монголов от Чингиз-хана до Тимура». В последующие годы вышли еще три тома этого великолепного произведения. Д'Оссон, на которого так часто ссылается Уолкер, писал на основании мусульманских источников. Он принадлежал к семье выходцев из Турции (город Измир), где дед его, по происхождению армянин, отличаясь немалыми

* Бартольд В. В. Собр. сочинений. Т. 1. М., 1963. С. 605. Речь перед защитой диссертации.

способностями в дипломатии и языкознании, стал сначала переводчиком шведского консульства в Измире, потом консулом Швеции там же. Отец историка, Игнаций д'Оссон, уже перебрался в Швецию и большую часть жизни занимал ответственные посты в Министерстве иностранных дел. Историк Константен д'Оссон, продолжая традиции отца, состоял на дипломатической службе во Франции, где и провел большую и плодотворнейшую часть своей жизни. Именно там и была написана его четырехтомная «История монголов...»

В отличие от Пети де ля Круад'Оссон при анализе эпохи отличал первоисточник от компиляции и внес в свой труд приемы исторической критики. К сожалению, в истории монголов д'Оссон видит лишь череду «отвратительных картин» и считает ее заслуживающей внимания только потому, что она тесно связана с историей нескольких империй. Д'Оссон подробно разбирает деяния монголов в Персии и Китае и лишь бегло касается монгольских государств Средней Азии и Восточной Европы. Впрочем, и изменения, внесенные монголами в экономическую и общественную жизнь Китая и Персии, также были недостаточно изучены этим историком.

Шли годы, и труд д'Оссона нуждался в последователях и продолжателях. XIX век породил новую, критическую (а подчас и гиперкритическую)

школу историков-исследователей современного типа.

В 1896 году вышла в свет «История монголов» английского историка Ховорса, имя которого также часто появляется в тексте этой книги. При всем богатстве используемого им материала и на его долю выпал упрек В. В. Бартольда в том, что автор ее не наделен знанием восточных языков и не постиг нравов описываемых им народов. Таким образом, несмотря на появление все новых и новых трудов по истории монголов и монгольских завоеваний и на недостатки труда д'Оссона, именно он оставался до конца XIX века (а в некоторых аспектах и до начала XX века) одним из самых авторитетных исследователей данной темы.

Лишь Роберту Кеннеди Дугласу (1838—1913), знатоку китайского языка, удалось перехватить у своего великого собрата и предшественника пальму первенства, которую у него, впрочем, с полным правом оспаривал известнейший русский востоковед Василий Владимирович Бартольд.

Роберт Дуглас многие годы провел в Китае на британской дипломатической службе. Вернувшись в Англию, он был назначен главным хранителем Китайской библиотеки Британского музея, а в 1893 году — хранителем всех восточных книг и манускриптов, что в немалой степени помогло ему в исследовательской работе. Трудом его жизни стала зна-

менитая «Жизнь Чингиз-хана» (1877), на которую постоянно ссылается Уолкер. Перу Дугласа принадлежат работы «Конфуцианство и даосизм» (1879), «Китай» (1882), «Общество в Китае» (1894) и некоторые другие. Как было сказано выше, примерно в те же времена на горизонт русской исторической науки явилась звезда Василия Владимировича Бартольда (1869—1930), выдающегося русского востоковеда. Его труд «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» (ч. 1—2, 1898—1900) содержит историю Средней Азии до монголов, историю завоевания ее Чингиз-ханом и его преемниками. Естественно, что и русский и английский историки привлекают нашего автора. Но авторитеты ученого мира всегда с немалой долей скептицизма и критики принимают все сделанное их собратьями. И так же, как справедливы упреки Бартольда в адрес английской и французской школ монголоведения, как, впрочем, и всей ориенталистики, так верны и весьма актуальны до сих пор справедливые критические замечания Уолкера как в адрес Бартольда, так и в отношении Дугласа, хотя, справедливости ради, следует признать, что автор «Чингиз-хана» с гораздо большим критическим рвением атакует и громит именно Бартольда.

Но вынесем это на суд наших читателей.

А. И. Глебов-Богомолов



Чингиз-хан

Следует напомнить о том, что имя Чингиз-хан поначалу было всего лишь титулом. На курултае стремились избрать не только нового правителя, но и хотели дать ему титул, подобающий величию объединителя и повелителя всей Монголии. Сначала был предложен титул «гурхан», но поскольку в подданстве у Темучина было уже несколько гурханов (т. е. великих ханов), этот титул был признан не соответствующим нынешнему могуществу и авторитету вождя всех монголов.

Наконец, какой-то шаман воскликнул: «Чингиз-хан!..» — подразумевая под этим «величайший, храбрейший, могущественнейший из ханов», — и этот вновь изобретенный титул был всеми единодушно принят. Конечно, его следовало бы писать с маленькой буквы, но магическая сила этих двух слов не позволила того ни современникам Чингиз-хана, ни тем более позднейшим историкам и биографам великого завоевателя.

Следует также отметить и то, что если речь шла о Чингиз-хане, слово «Чингиз» всегда писалось и произносилось вместе со словом «хан».

Европейскими же историками имя его писалось по-разному:

Женчискан (Gentchiscan) — в трудах Гобиля,
Женгизкан (Genghizchan) — у де Гиня,
Дзинджис (Zingis) — у Гиббона,
Женжис (Gengis) — у Вольтера,
Тчингиз (Tchinguiz) — у д'Оссона,
Ченгиз (Chengiz) — у Сайкса и
Дженгиз (Jenghiz) — у Дугласа.

Но и у историков Грузэ, Ховорса, Вэмбери и Бретшнейдера есть свои варианты написания этого грозного имени.

А. И. Глебов-Богомолов

Английские меры длины, встречающиеся
в тексте:

ярд (*yard*) — англ. мера длины, равная 0,9144 метра, делится на 3 фута.

фут — 12 дюймов, или 30,479 см.

миля — путевая мера длины, различная в разных странах; морская (английская) миля равна 1852 м (принята во всех странах).

дюйм — 2,54 см.

Оглавление

Предисловие	3
Предисловие автора	13
Глава I. Монгольский воин	17
Глава II. Возвышение Чингиз-хана и вторжение в северный Китай	47
Глава III. Путь на Яньцзин. Завоевание северного Китая	77
Глава IV. Каракитай и Хорезм	99
Глава V. Великий поход Джэбэ и Субудая	139
Глава VI. Хорасан и Афганистан	177
Глава VII. Последний поход Чингиз-хана	223
Приложение I. Хронология событий	261
Приложение II	277
Кампании в северном Китае (1211—1214 гг.)	279
Кампания против Хорезма	282
Кампания против царства тангутов (1226—1227 гг.) ...	292
Общее заключение	295
Послесловие	302

С. С. Уолкер
ЧИНГИЗ-ХАН

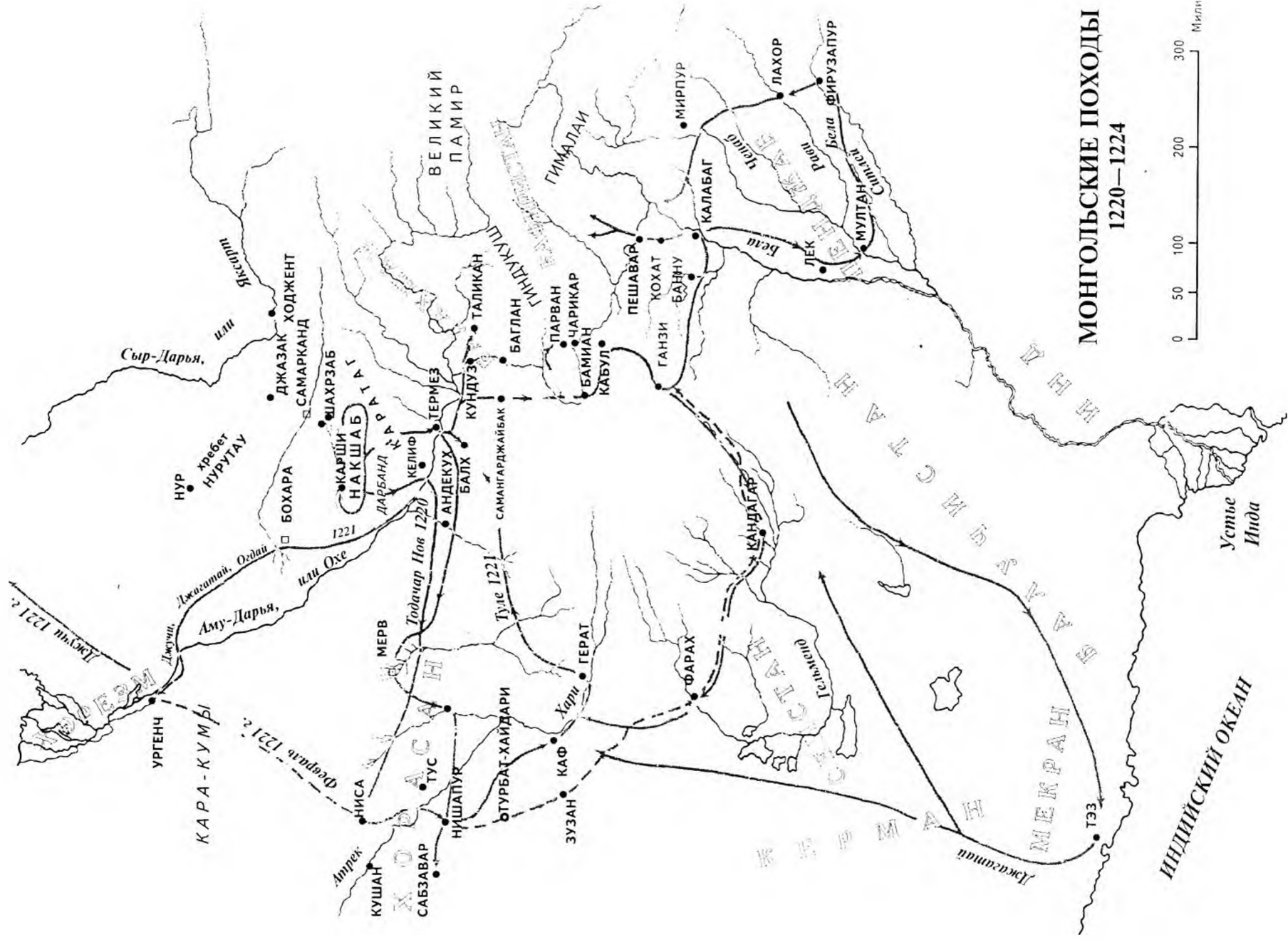
Редактор *Н. Головкова*
Художник *С. Царёв*
Художественное оформление *С. Борисова*
Корректоры: *О. Милованова, Г. Бибилова*

OCR - Давид Титиевский, май 2017 г., Хайфа

Лицензия ЛР № 065194 от 2 июня 1997 г.
Сдано в набор 24.02.98. Подписано в печать 10.04.98. Формат 84×108/32. Бум. офсетная.
Гарнитура CG Times. Печать высокая.
Усл. п. л. 16,8. Тираж 10000 экз. Зак. № 75.

Издательство «Феникс»
344007, г. Ростов-на-Дону, пер. Соборный, 17

Отпечатано с готовых диапозитивов в ЗАО «Книга»
344019, г. Ростов-на-Дону, ул. Советская, 57



МОНГОЛЬСКИЕ ПОХОДЫ 1220—1224



СЛЕД В ИСТОРИИ

Чингиз-хан... Кто он?.. Бич неба или великий объединитель и правитель Монголии, гениальный полководец или всего лишь улачливый глава шайки разбойников, совершенно незаслуженно обласканный фортуной, вознесшей обыкновенную посредственность на вершины величайшего могущества и славы? Многие пытались дать ответ на этот вопрос, который поставил бы в тупик и самого Чингиз-хана. Автор этой книги всего лишь один в череде многих, пытавшихся ответить на этот вопрос, пролить свет современного исторического анализа на покрытые мраком времена далекого прошлого.

Принадлежа к плеяде «военных» историков-аналитиков, Уолкер не хуже самого Ганса Дельбрюка, известного историка военного искусства конца XIX — начала XX веков, исследует походы Чингиз-хана с военной точки зрения, прекрасно владея всей полнотой исторической информации и, самое главное, входя во все детали стратегии и тактики его побед, пытается выявить их тайные и явные причины и следствия как для самих победителей — монголов, так и для побежденных и покоренных ими народов.

Переводчик А. И. Глебов-Богомолов

ISBN 5-222-00267-5



9 785222 002674